

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 21 № 1
2024

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ISSN 1811-8062 ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА, 2024, ТОМ 21, № 1

Индекс 11254

2024
1 (56)

- ПУБЛИКАЦИИ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
 - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
 - КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ
 - НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
 - РЕЦЕНЗИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Журнал основан в 2004 году

Учредитель:

ФГБУН «Институт восточных
рукописей РАН»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа
2020 г.

Подписной индекс
АО «Почта России» ППО90

Периодичность издания
4 раза в год

ISSN 1811-8062

Языки издания:
русский, английский

12+

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2024

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 21, № 1

весна
2024

Выпуск 56

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР РАН)
Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)
к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Изд-во «Наука»)
акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)
д.филол.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)
д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)
проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)
О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)
акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)
к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)
акад. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)
акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)
д.ф.н. **И.В. Кульганек** (ИВР РАН)
д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИВР РАН)
акад. РАН **В.С. Мясников** (ИКСА РАН; ИВР РАН)
проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Пед. ун-т; Сычуаньский
пед. ун-т)
д.филол.н. **Е.П. Островская** (ИВР РАН)
к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)
проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский ун-т)
акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)
проф. **Таката Токио** (Япония, Ун-т Киото; Китай, Фудань-
ский ун-т)
член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)
д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)
член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)
к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- И.Н. РЯБУХИН.* «Благопристойность и ритуал» (儀禮 *И ли*). Глава 9. Предисловие, перевод с китайского, комментарии **5**
- Ю.В. БОЛТАЧ.* Очерк истории Кореи в «Начальном обучении юных отроков» **27**

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

- Е.А. ДЕСНИЦКАЯ.* Критика учения Бхартрихари об уровнях речи в «Шивадришти» Сомананды **36**
- И.В. ГЕРАСИМОВ, Н.А. ДОБРОНРАВИН, АБД АР-РАХМАН АБД АЛ-ВАХАБ НУР АД-ДАИМ САИД.* Этническая группа *загава* Судана и Чада: кланы и традиционная знать **49**
- Е.Ю. ЯНУШКЕВИЧ.* Торговый проект европейского купца Ф.В. Нипполо **61**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

- Е.М. БЕЛКИНА.* Кодикологический анализ еврейско-персидского словаря «Сэфер ха-Мелица» (Евр. I 75–76) в собрании РНБ **69**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Т.И. ЮСУПОВА, М.А. КОЗИНЦЕВ.* Командировка В.В. Бартольда в Турцию в 1926 г. на страницах его константинопольского дневника **82**
- С.С. САБРУКОВА.* Обзор личного фонда архивных материалов Б.И. Кузнецова (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) **101**
- Д.С. АНОФРИЕВА.* Материалы Архива востоковедов ИВР РАН по истории корейского фонда из г. Кзыл-Орда **108**
- Ю.А. ИОАННЕСЯН.* Владимир Алексеевич Ив́анов — выдающийся иранист мирового масштаба. Часть I **115**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- С.Л. БУРМИСТРОВ.* Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference “Philosophical Sanskrit Texts: Problems of Reading and Interpretation” (Пуна, Дели, 8–14 ноября 2023 г.) **135**

РЕЦЕНЗИИ

- ЛЕПЕХОВ С.Ю.* Формирование религиозно-философских и логико-эпистемологических концепций буддизма Махаяны / Науч. ред. Б.В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Иркутск: Отгис, 2022. — 376 с. (С.Л. БУРМИСТРОВ) **139**

На четвертой стороне обложки:

Коран. Начало XVII в. Арабграфичный фонд ИВР РАН. Шифр А 899.

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 21, No. 1

spring
2024

Issue 56

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics, RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph.D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhismology and Tibetology, SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesyan, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology, FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature, RAS, Moscow

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Higher School of Economics, Moscow

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Hist.), Institute of Far East, RAS, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Beijing Normal University, Sichuan Normal University, China

Stanislav M. Prozorov, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy, RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Kyoto University, Japan, Fudan University, China

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- I.N. RIABUKHIN. Decency and Ritual (儀禮 Yi li). Chapter 9. Introduction, Translation from Chinese, Commentary* **5**
- Iuliia V. BOLTACH. An Outline of the History of Korea in *The Primer for Children** **27**

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Evgeniya A. DESNITSKAYA. Sombnanda's Critique of Bharṭṛhari's Doctrine of the Levels of Speech* **36**
- Igor V. GERASIMOV, Nikolai A. DOBRONRAVIN, Abdelrahman Abdelwahab Noureldayem SAEED. The Zaghawa Ethnic Group of Sudan and Chad: Clans and Traditional Nobility* **49**
- Elizaveta Yu. YANUSHKEVICH. The Trading Project of the European Merchant F.V. Nippolo* **61**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

- Ekaterina M. BELKINA. A Codicological Analysis of the Judeo-Persian *Sefer Ha-Melitza* Dictionary (Evr. I 75–76) from the Collection of the National Library (St. Petersburg)* **69**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Tatiana I. YUSUPOVA, Mark A. KOZINTCEV. V.V. Bartold's Research Visit to Turkey in 1926 on the Pages of His Constantinople Diary* **82**
- Svetlana S. SABRUKOVA. Review of B.I. Kuznetsov's Private Collection in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences* **101**
- Daria S. ANOFRIEVA. Materials of the Archive of Orientalists of IOM, RAS, on the History of the Korean Fund from the City of Kzyl-Orda* **108**
- Youli A. IOANNESYAN. Vladimir Alekseevich Ivanov — a World-Class Expert on Iranian Studies. Part I* **115**

ACADEMIC LIFE

- Sergey L. BURMISTROV. Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference "Philosophical Texts in Sanskrit: Problems of Reading and Interpretation" (Pune, Delhi, November 8–14, 2023)* **135**

REVIEWS

- Sergey Yu. Lepekhov. *The Formation of the Religious-Philosophical and Logical-Epistemological Concepts of Mahāyāna Buddhism*. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2022. 376 p. (Sergey L. BURMISTROV)* **139**

Back cover:

The Quran, early 17th century. The Arabic-Script Fund of the IOM, RAS, call number A 899.

«Благопристойность и ритуал» (*И ли* 儀禮). Глава 9 *Предисловие, перевод с китайского, комментарии*

И.Н. РЯБУХИН

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

DOI: 10.55512/WMO625386

Статья поступила в редакцию 29.08.2023.

Аннотация: Публикация содержит комментированный перевод девятой главы классического конфуцианского трактата «Благопристойность и ритуал» (*И ли* 儀禮), подробно описывающей один из древнекитайских пиров по случаю приема гостей — «Ритуал пира *ши*, [проводимый] *гуном* [для приема посла в ранге *ся*]дафу» (*Гун ши дафу ли* 公食大夫禮).

Ключевые слова: конфуцианский канон, *И ли*, «Благопристойность и ритуал», ритуал-*ли*, пир *ши*.

Для цитирования: Рябухин И.Н. «Благопристойность и ритуал» (*И ли* 儀禮). Глава 9. Предисловие, перевод с китайского, комментарии // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 5–26. DOI: 10.55512/WMO625386.

Об авторе: РЯБУХИН Игорь Николаевич, студент кафедры Китаеведения АмГУ (Благовещенск, Россия) (yizhixi@mail.ru). ORCID: 0009-0008-0101-4005.

© Рябухин И.Н., 2023

«Благопристойность и ритуал» (*И ли* 儀禮) — один из важнейших памятников культуры Китая, в дошедшем до нас виде представляет собой текст из 17 глав, в мельчайших подробностях описывающих наиважнейшие древнекитайские ритуалы. В древнем и средневековом Китае «Ритуал» (*Ли* 禮), или «Канон о ритуале» (*Ли-цзин* 禮經)¹, пользовался большим авторитетом, вместе с тем традиционные представления о том, что памятник вышел из-под кисти совершенномудрого Чжоу-гуна либо великого учителя Конфуция, окружили памятник атмосферой уважения, просуществовавшей на протяжении всей его истории. Несмотря на это, в отечественной синологии данный трактат до сих пор остается на периферии научных интересов.

В современной литературе китайских и японских авторов можно выделить более десяти гипотез о времени составления канона (от VII до III в. до н.э.), однако отметим, что во всех случаях *Ли-цзин* представлял собой сборник ритуалов, имевших хождение задолго до его написания. Правдивое изложение событий и точное отражение реалий отнюдь не было его главной задачей, на первое место выходило стремле-

¹ Наименование *И ли* закрепилось за памятником только в эпоху Цзинь 晉 (265–420).

ние создать некий идеальный ритуальный комплекс, наделенный демонстративно-назидательными функциями. Чжоуские авторы стремились, во-первых, возродить кодекс поведения, своего рода катехизис, для тогдашней аристократии, которая следом за процессом дефеодализации быстро начала забывать нормы, ранее передаваемые только от поколения к поколению и, вероятнее всего, нередко не реализуемые в соответствии с обозначенными идеалами, во-вторых, путем проведения различных церемоний, которые в период Восточная Чжоу 東周 (770/771–221 гг. до н.э.) из частного события превратились в общедоступное зрелище, наглядно продемонстрировать простому народу идеал отношений между старшим и младшим, правителем и подчиненными, хозяином и гостем.

Канон *Ли-цзин* уделял особое внимание ритуалам жизненного цикла, жертвоприношениям предкам, аудиенциям, а также пирам по случаю приема гостей. Изначально в нем было изложено, как минимум, три таких пира — *янь* 燕, *ши* 食, *сян* 饗, о последнем из которых ныне известно совсем немного ввиду того, что соответствующая глава, вероятно, была утеряна. Пирыв имели ряд различий в ритуальном статусе, содержании, последовательности совершения действий, месте проведения, участниках, однако они преследовали общую цель — имплицитно и эксплицитно продемонстрировать четкую социальную иерархию, указать на взаимность в отношениях, регулируемых ритуалом, — все это, с точки зрения конфуцианства, в итоге должно было стать эталоном построения гармоничного универсума и образцом функционирования социальных отношений.

Девятую главу *И ли* условно можно разделить на 17 разделов, первые 13 посвящены непосредственно ритуалу пира *ши*, проводимого *гуном* для приема посла в ранге *сядафу*, прибывшего в рамках «малого визита»²; в 14–16 разделах отражено, как мог изменяться ритуал, описанный в первых разделах, в зависимости от тех или иных обстоятельств: прием посла, прибывшего в рамках «большого визита»; отсутствие возможности у *гуна* лично присутствовать на пиру; пир *ши*, проводимый между *дафу* (*дафу сян ши чжи ли* 大夫相食之禮). Главу завершают записки (*цзи* 記), дополняющие общие ритуальные установления.

«Благопристойность и ритуал», глава 9³

Ритуал пира *ши*, [проводимый] *гуном* [для приема посла в ранге *сядафу*]

1

[Гун] посылал *дафу* [в подворье, в котором остановился прибывший посол, чтобы] предупредить [его о готовившемся торжестве]; всякий раз [выбирал того, чей] ранг соответствовал рангу гостя⁴.

² «Малым визитом» (*сяоинь* 小聘 / *вэнь* 問) называли такой визит, который ежегодно по приказу *чжухоу* 諸侯 наносил посол в ранге *сядафу* 下大夫 к *Тянь-цзы* 天子 или к другому *чжухоу*; «большим визитом» (*дапэнь* 大聘) называли такой визит, который раз в три года по приказу *чжухоу* наносил посол в ранге *шандафу* 上大夫 (т.е. *цин* 卿) к *Тянь-цзы* или к другому *чжухоу*.

³ Перевод выполнен по (ИЛЧИ 2016: 892–947).

⁴ *Гун* посылал в подворье (*биньгуань* 賓館) чиновника (т.е. посланника) того же ранга, что и прибывший посол (т.е. гость). Чжэн Сюань обосновывает это следующим образом: «Равным легче сбли-

*Шанцзе*⁵ выходил [за ворота подворья], расспрашивал [посланника о цели визита], входил [обратно] и передавал [гостю].

Гость трижды отказывался⁶ [выйти к посланнику, затем], выходил [за ворота подворья], совершал поклон *бай*⁷, удостоившись чести [встретить прибывшего посланника].

Дафу, не кланяясь в ответ, передавал слова [*гуна* о приглашении на пир].

[Выслушав его], гость [соглашался] и дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли⁸.

Дафу возвращался обратно; гость, не проводив поклоном *бай*, тут же следовал за ним.

Гость в парадной одежде *чаофу*⁹ занимал место за главными воротами, [затем проходил в шатер *цы*], как [предписывал] посольский [ритуал¹⁰].

2

[Хозяин¹¹] занимал место¹².

зиться [и проявить] почтение» (ИЛЧШ: 9, 3). Ссылки на ресурс Chinese Text Project оформлены так: кодовое название книги из списка литературы, номер *цзюаня*/книги на сайте, страница.

⁵ *Шанцзе* 上介 — старший помощник гостя.

⁶ *Сань цы* 三辭 — тройной отказ. Чжэн Сюань поясняет, чем были мотивированы отказы: «Поскольку [посол] уже получил милость [местного правителя], потому не осмеливался стать [гостем на пиру *ши*]» (ИЛЧШ: 9, 4). Под словами «получил милость» (*шоу цы* 受賜) подразумевается ритуал *чжи юн* 致饗 — подношение от имени местного правителя небольшого количества вареной пищи новоприбывшему послу.

⁷ *Бай* 拜 — поклон, при совершении которого вставали коленями на пол, опускали голову и двумя руками касались (опирались на) земли. Подробнее о поклонах см. (Кейдун, Рябухин 2022: 221).

⁸ *Цзайбай* 再拜稽首 — двойной поклон *бай*, дополненный касанием головой пола.

⁹ *Чаофу* 朝服 — парадная одежда, состоявшая из следующих компонентов: черно-красной шапки (*сюаньгуань* 玄冠), черного платья из полотна плотностью 15 *шэн* (*цзыбу* 縹布衣), белой юбки (*сучан* 素裳) и белого передника/фартука из выделанной кожи (*суби* 素鞞). До этого на нем была менее официальная одежда: платье *сюаньдуань* 玄端; черная шапка из простого фрагмента черного полотна (*цзыбу* 縹布), черно-красная юбка (*сюаньчан* 玄裳); желтая юбка (*хуанчан* 黃裳) либо желто-черная юбка (*цзачан* 雜裳), черный пояс (*цзытай* 緇帶), пурпурный передник (*цзюэзэ* 爵鞞) (ИЛЧШ: 1, 54–59; 9, 5).

В нашем комментарии упомянуты два цвета — черный *цзы* 縹 и черно-красный *сюань* 玄. Об их отличии узнаем из записей в «Чжоуских ритуалах» (*Чжоу ли* 周禮): «*Чжунши* [ведали] окрашиванием перьев. Замачивали [в воде] воловик и красный клейкий гаолян, через три месяца готовили [на пару, расположив на бамбуковом коврик *бэй* 篔 / *би* 筭 на дне котла], затем поливали [образовавшимся конденсатом, после чего выпаривали до образования густой жидкости] — [в нее] окунали перья. [Если] окунали три раза, [то перо] становилось лиловым, пять раз — красно-коричневым, семь раз — черным» (鍾氏染羽, 以朱湛丹秫, 三月而熾之, 淳而漬之。三入為纁, 五入為緇, 七入為縹) (ЧЛЧШ: 6, 63; ЧЛЧИ: 79, 66). Черно-красный цвет получали, если окунали в краску шесть раз (ЧЛЧШ: 6, 64; ЧЛЧИ: 79, 67).

¹⁰ Речь идет о следующем фрагменте посольского ритуала (*тинь ли* 聘禮): «Гость, [облачившись] в одежду *пьянь* [фу], [отправлялся] с визитом; прибыв ко двору, входил в шатер *цы*» (ИЛ: 3, 18). *Цы* 次 — шатер, который использовали как временное место пребывания перед различными церемониями, в нем могли отдохнуть, сменить одежду, обувь. *Цы* находился перед центральными воротами, с западной стороны (ИЛЧШ: 9, 5; ЧЛ 2017: 85–86).

¹¹ *Чжужэнь* 主人 — хозяин ритуала. Хозяином данного ритуала был *гун*, принимавший в своих владениях посла (гостя).

¹² В это время вместе с хозяином места занимали и другие участники ритуала: *биньчжэ* (подробнее см. ниже) становился за главными воротами; *цинь*, *дафу* и *ши* вставали в должном порядке за

[Начинали подготовку] утвари [к проведению пира].

[Когда] мясная похлебка (*гэн 羹*) была готова, *дяньжэнь*¹³ устанавливали напротив ворот семь котлов *дин*¹⁴ лицевой стороной к югу, с запада [стояли] почитаемые [котлы]; размещали жердь *цзюн*¹⁵ и крышку *ми*¹⁶, которая [сделана из тростника] либо связанного, либо сплетенного¹⁷.

Устанавливали лохань *си*¹⁸, как [предписывал ритуал] пира *сян*¹⁹.

*Сяочэнь*²⁰ в восточной [части] двора располагали лохань *пань*²¹ и ковш *и*²².

воротами храма, входили только после хозяина и гостя; *цзайфу* ожидали за воротами храма (где находилась утварь, которой они ведали). Ритуал пира *ши* предписывал подготавливать утварь только после того, как хозяин занимал свое место, противоположная последовательность действий наблюдается на пире *янь* (ИЛЧШ: 9, 5–6).

¹³ *Дяньжэнь* 甸人 — чиновник из числа подчиненных *чжунцзая* 冢宰, в данном фрагменте выполнял обязанности (*цзянь 兼*) чиновника *пэнжэнь* 享人, в полномочия которого входила подача котлов *дин* (ИЛЧШ: 9, 6), подробнее о *чжунцзая* и *пэнжэнь* см. (ЧЛ 2010: 149–155, 166).

¹⁴ *Дин* 鼎 — жертвенный котел, в котором готовили пищу.

¹⁵ *Цзюн* 扃 — жердь, которую просовывали в ушки котла *дин* для его транспортировки (ИЛЧШ: 9, 6).

¹⁶ *Ми* 甬 — тростниковая крышка котла *дин* (ИЛЧШ: 9, 6).

¹⁷ Чжэн Сюань поясняет: «Все крышки *ми* для котла *дин*, вероятно, делали из тростника (*мао 茅*): длинный — связывали у основания, короткий — сплетали в его центральной части» (ИЛЧШ: 9, 6–7).

¹⁸ *Си* 洗 — лохань, в которой омывали руки или полоскали кубки для вина.

¹⁹ *Сян ли* 饗禮 — пир, обладавший наивысшим ритуальным статусом. Чжэн Сюань писал, что пиры *ши* и *сян* проводили друг за другом: сначала *сян*, затем *ши*, поэтому некоторые детали ритуала схожи (ИЛЧШ: 9, 7). Поскольку глава, посвященная ритуалу *сян ли*, была утеряна, у нас нет возможности определить, где располагалась лохань *си*. Однако если обратиться к содержанию пира *янь* и пира в училище при *сяне* (*сян инь цзю ли* 鄉飲酒禮), то можно обнаружить, что лохань *си* была расположена в одном и том же месте — к юго-востоку от восточных ступеней, поэтому, вероятно, ритуал пира *ши* предписывал установить ее на том же месте.

²⁰ *Сяочэнь* 小臣 — служитель, помогавший в проведении ритуала. Цинский исследователь Ху Пэй-хуэй 胡培翬 (1782–1849), комментируя танского ученого Цзя Гун-яня 賈公彥 (VII в.), писал: «[Цзя Гун-янь] говорил: „*Сяочэнь* на ритуалах пира *сян* и *ши*, [проводимых в рамках встречи] малых гостей, ведали выправлением (*чжэн 正*) одежд и мест правителя“. В *Чжоу ли* в описании обязанностей чиновников *дайту* 太僕 сказано: „[Когда проводили] жертвоприношения, [встречали] гостей... [дайту] выправляли одежду и место *вана*“; в описании обязанностей *сяочэнь* записано: „[Когда проводили] малые жертвоприношения, пиры *сян* и *ши* [в рамках приема] малых гостей... [сяочэнь] ведали делами согласно предписаниям *дайту*“. *Чжухоу* [в рядах чиновников] не имели *тайту*, [поэтому] их обязанности выполняли *сяочэнь*... Таким образом, они ведали теми же [делами], что и *сяочэнь* [в рядах чиновников] *Тянь-цзы*. Так, *сяочэнь* на ритуалах пиров *сян* и *ши*, [проводимых в рамках встречи] малых гостей, ведали выправлением одежд и мест правителя. Также в описании их обязанностей в *Чжоу ли* упомянуто следующее: „[При] жертвоприношениях, аудиенциях [*сяочэнь*] подливали воду, [когда] *ван* омывал [руки]“, поэтому здесь (т.е. в рамках ритуала *гун ши дафу*. — *И.Р.*) омовением [рук] *гуна* ведали *сяочэнь*» (ИЛЧИ 2016: 896).

²¹ *Пань* 槃 — лохань, в которой *чжухоу* омывали руки. Чжэн Сюань поясняет: «*Гун* — почитаем, поэтому не подходил к лохани *си*» (ИЛЧШ: 9, 8). Ху Пэй-хуэй добавляет: «Каждый раз, [когда] проводили ритуал и прибывал гость, равные [по статусу совершали] омовение в лохани *си*. *Гун* почитаем, поэтому не подходил к лохани *си*, специально для него располагали лохань *пань*. [Когда] принесли жертвы [умершему], *ши* 尸 (представитель умершего, который от его лица принимал жертвы. — *И.Р.*) почитаем, [поэтому он] также не подходил к лохани *си*» (ИЛЧИ 2016: 896).

²² *И* 匱 — ковш, которым подливали воду, когда *чжухоу* омывал руки. Ху Пэй-хуэй добавляет: «Каждый раз, когда располагали лохань *пань* и ковш *и*, непременно была круглая бамбуковая коробочка *дань* 簞 и полотенце/платок *цзинь* 巾» (ИЛЧИ 2016: 896). Действительно, лохань *пань* и ковш *и* упоминаются вместе с коробочкой *дань* и платком *цзинь* в описании ритуалов *ши юй ли* 士虞禮, *тэиэн куйши* 禮 特牲饋食禮 и *шаолао куйши* 禮 少牢饋食禮. В коробочку *дань* могли класть платок *цзинь*, гребень *цзе* 櫛 и ткань *бу* 布 (ИЛЧИ 2016: 896).

*Цзайфу*²³ расстилали тростниковую циновку (*янь* 筵)²⁴, [на нее клали] добавочный слой и [на левый край устанавливали] столик *цзи*²⁵.

Не было кубков *цзунь*²⁶.

Очищенное вино²⁷, винный уксус²⁸ ожидали [на подносах *фэн*²⁹] в восточных покоех *фан*³⁰.

Всю утварь, [которой ведали] *цзайфу*, располагали в восточных покоех *фан*.

3

Гун, [облачившись] в одежду, как у гостя³¹, встречал его в главных воротах.

*Дафу*³² [по приказу *гуна*] вводил гостя.

Гость входил, [придерживаясь] левой [створки] ворот, *гун* дважды склонялся в поклоне *бай*; гость, уклоняясь [от такой чести], дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли.

²³ *Цзайфу* 宰夫 — служители, которые, по словам Чжэн Сюаня, «ведали подношением еды и питья гостям» (ИЛЧШ: 6, 23).

²⁴ Ее помещали в зале *тан* 堂 между окном *ю* 牖 и входом *ху* 戶 в комнату *ши* 室, направив длинный край на юг (ИЛЧШ: 9, 9).

²⁵ *Цзи* 几 — столик-подлокотник. Пэн Линь и Ян Тянь-юй отмечают, что столик *цзи* располагали на циновке (ИЛ 2012: 323; ИЛИЧ 2004: 270). Из комментариев Чжэн Сюаня и Ху Пэй-хуэя сложно определить, так ли это было, поскольку знаки *цзо цзи* 左几 могут указывать как на левый край циновки, так и на левую сторону от нее. Ху Пэй-хуэй отмечает: «К западу от входа — так называемое [пространство] „между входом *ху* и окном *ю*“ — почитаемое место в зале *тан*. Каждый раз, когда стелили циновки в зале *тан*, [обращали их] на юг; [если] расстилали циновки в комнате *ши*, [то обращали] их на восток. Слева [ставили] столик *цзи* — ставили для человека, [поскольку] для духов (*шэнь* 神; а также для *ши* 尸. — *И.Р.*) [располагали] справа» (ИЛЧИ 2016: 896). Сунский канонист Чэнь Сян-дао 陳祥道 (1042–1093) изображает столик *цзи* на циновке (см.: ЛШ: 74, 7), таким образом, полагаем, что современные китайские исследователи правы в своих суждениях.

²⁶ Кубки *цзунь* 尊 использовались в различных ритуальных действиях, связанных с вином, например, их наполняли вином во время подношения *сянь* 獻 и выражения благодарности *чоу* 酬, подробнее см. (Кейдун, Рябухин 2022: 222–223); в ходе ритуала пира *ши* на первый план выдвигали яства, а не вино, не совершали *сянь* и *чоу*, поэтому на пиру не было кубков *цзунь* 尊 (ИЛЧШ: 9, 9).

²⁷ *Иньцзю* 飲酒 — букв. «питьевое вино». Чжэн Сюань пишет: «*Иньцзю* — это *цинцзю* 清酒» (ИЛЧШ: 9, 9). Термин *цинцзю* входит в две противоположные группы вин — три вида ритуальных вин *саньцзю* 三酒 (деловое вино *шицзю* 事酒, старое вино *сицзю* 昔酒, чистое вино *цинцзю* 清酒), а также в группу четырех видов напитков *сынь* 四飲 (очищенное вино *цинцзю* 清酒, лечебная настойка *и* 醫, винный уксус *цзян* 漿, рисовое вино *и* 醴). Очевидно, что Чжэн Сюань говорит о *цинцзю* из второй группы, поскольку, как было отмечено выше, в ходе ритуала пира *ши* на первый план выдвигали яства, а не вино, следовательно, ритуальные вина отсутствовали. Цинские исследователи У Тин-хуа 吳廷華 (XVII–XVIII вв.), Чу Инь-лян 褚寅亮 (1715–1790) и Ху Пэй-хуэй также говорят об этом (ЧЛ 2017: 79–80; ИЛЧЦ: 8, 80; ИЛГЦ: 2, 73; ИЛЧИ 2016: 896).

²⁸ *Цзяньбинь* 漿飲 — винный уксус (*цзайцзян* 戴漿) (ИЛЧШ: 9, 9). Очищенное вино и винный уксус не пили, ими полоскали рот (ИЛЧИ 2016: 897).

²⁹ *Фэн* 豐 — ваза-поднос для винных кубков, по форме напоминала чашу *доу* 豆, однако была ниже нее (ИЛЧШ: 5, 97; 6, 9).

³⁰ *Фан* 房 — боковые покои, располагавшиеся слева (западные) и справа (восточные) от комнаты *ши* 室.

³¹ То есть в парадную одежду *чаофу* (см. выше).

³² *Биньчжэ* 擯者 — помощники хозяйина, выполнявшие функции посредников между гостем и хозяином. По старшинству выделяют три *биньчжэ*: *цин* — *шанбинь* 上擯, *сядафу* — *чжунбинь* 中擯, *ши* — *мобинь* 末擯 (ИЛЧШ: 9, 11). В данном фрагменте речь идет о *шандафу*, т.е. о *шанбинь*.

Гун, [совершив] малый поклон и³³, [приглашал гостя] войти — гость следовал [за ним].

Гун подходил к воротам храма³⁴, [совершал] малый поклон и, [приглашая гостя] войти, и гость входил, [после чего они, совершая] три малых поклона, проходили к ступеням, трижды пропуская [друг друга].

Гун поднимался на вторую ступень, гость — [на первую]³⁵.

Дафу вставали [в зале *тан*] к югу от восточной камеры *цзя*³⁶: [обращались] лицом на запад, с северной стороны [становились] старшие; *ши* вставали [во дворе] к востоку от ворот: [обращались] лицом на север, с западной стороны — старшие; *сяочэни* [вставали в] восточной [части] двора: [обращались] лицом на юг, с западной стороны — старшие; [*нэй*]*цзай*³⁷ [вставали] к северу от восточной камеры *цзя*: [обращались] лицом на запад, с южной стороны — старшие; *нэйгуани*³⁸ [в ранге] *ши* вставали к северо-востоку от *цзаев*: [обращались] лицом на запад, с южной стороны — старшие; помощники *цзе* вставали [во дворе] к западу от ворот: [обращались] лицом на север, с западной стороны — старшие.

Гун [становился] под балкой *мэй*³⁹, [обратившись] лицом на север, [совершал] поклон *бай*, [благодаря гостя за] прибытие.

Гость спускался, *гун* дважды склонялся в поклоне *бай*.

Гость [становился] к востоку от западной лестницы, [обратившись] лицом на север, кланялся в ответ, [касаясь головой земли]⁴⁰.

Биньчжэ [по приказу *гуна*] противился [этому, но гость все же] кланялся, [поэтому] *гун* спускался на одну ступень и [приказывал *биньчжэ*] противиться: «Наш Государь проследовал за Вами. Даже если [Вы] намерены склониться в поклоне *бай* — вставайте!»

Гость, шагая по ступеням⁴¹, поднимался [в зал], не кланялся; [*гун*] приказывал ему завершить поклон [в зале⁴², поэтому гость, стоя] на [западных] ступенях лицом на север, дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли.

³³ И 揖 — малый поклон со сложением рук и отведением их от груди.

³⁴ Речь идет о храме отца-предка — *нимяо* 禰廟 (ИЛЧШ: 9, 11).

³⁵ Расстояние между знатым и низким не превышало одной ступени (ИЛЧШ: 9, 12).

³⁶ Цзя 夾 — камера/хранилище *цзя*. Согласно наиболее распространенной гипотезе об устройстве храма предков, камеры *цзя* находились в левой (западной) и правой (восточной) сторонах зала *тан*, южнее соответствующих покоев *фан*. Подробнее о проблеме устройства храма предков см. (Чжэн Сянь-жэнь 2006: 1–40; Шэнь Вэнь-чжо 2006: 37–44).

³⁷ Нэйцзай 內宰 — служители, помогавшие *цзайфу*.

³⁸ Нэйгуань 內官 — евнухи из числа подчиненных *нэйцзаев* (ИЛЧШ: 9, 13). Ху Пэй-хуэй пишет о том, что *нэйгуанями* могли называть чиновников небесного ведомства — *нэйсяочэней* 內小臣 и *сы-жэней* 寺人 (ИЛЧИ 2016: 901). Описание их полномочий см. (ЧЛ 2017: 93–95).

³⁹ Мэй 楣 — поперечная балка зала *тан*, поддерживающая свод. Согласно существовавшей в древнем Китае «Системе пяти балок» (*у цзя чжи чжи* 五架之制) крышу храма предков поддерживали пять горизонтальных балок, расположенных в следующем порядке (с севера на юг): *чжи* 殿 — *мэй* 楣 — *э* 阿 / *дун* 棟 — *мэй* 楣 — *чжи* 殿 (ЮЛДД, 17085).

⁴⁰ На это указывает Ху Пэй-хуэй (ИЛЧИ 2016: 901). Цинский исследователь Фан Бао 方苞 (1668–1749) писал: «Всякий раз, когда кланялись в ответ правителю соседнего царства, [всегда кланялись, касаясь головой земли], редко [встретишь тех, кто] этого не делал» (ИЛСИ: 9, 106).

⁴¹ Ли цзе 栗階/歷階 — букв. «шагать по ступеням». Пэн Линь пишет, что *ли цзе* — это быстрый способ подняться по ступеням: левой ногой шагали на первую ступень, правой — на вторую, левой — на третью и таким образом поднимались в зал (ИЛ 2012: 211). При обычном подъеме *шэн* 升 действовали иначе: сначала левой ногой шагали на первую ступень, затем на эту же ступень подтягивали правую ногу, после чего левой шагали на вторую ступень, следом подтягивая правую ногу,

Ши поднимали котлы *дин*, сняв крышку *ми* за [воротами храма], по порядку вносили [во двор]⁴³, располагали к югу от стелы⁴⁴, лицевой стороной на юг, с западной [стороны] — почитаемые.

Люди⁴⁵, [находившиеся] справа от [котлов], вынув жердь *цзюн*, садились, клали [ее] к западу от котла, [направив на] юг, [после чего] выходили к западу от котлов.

Люди, [находившиеся] слева от [котлов], ожидали [приказа о] наполнении [столиков *цзу* яствами из котлов].

*Юнжэни*⁴⁶ входили со столиками *цзу* и размещали их к югу от котлов.

*Люжэни*⁴⁷, [стоя к северу от котлов, обращались] лицом на юг, клали черпаки (匕 *би*) на котлы *дин*, выходили [из храма].

Дафу по старшинству⁴⁸ [совершали] омовение к юго-востоку от лохани *си*, с севера [становились] старшие, по очереди омывали [руки]: уходивший и приходивший сменялись перед [лоханью]. Закончив омовение, попеременно проходили [к северной части котла, где, обратившись] лицом на юг, черпали [яства⁴⁹, а *ши*, стоявшие слева от котлов, наполняли столики *цзу*, обратившись] лицом на запад.

например, в «Записках о ритуале» (*Ли цзи* 禮記) встречаем такой пассаж: «Хозяин всходит первым, гость следует за ним. Шагнув на ступень, подтягивают [другую] ногу — шаг за шагом поднимаются. Поднимаясь по восточной лестнице, сперва [ступают] правой ногой, поднимаясь по западной лестнице, сперва [ступают] левой ногой» (Кейдун 2001: 153).

⁴² *Гун* не осмеливался принимать поклон гостя, совершенный снизу, во дворе, поэтому приказывал ему подняться в зал и завершить поклоны (*чэн бай* 成拜) там — таким образом проявлял радушие к гостю (*ю ли* 優禮) (ИЛЧИ 2016: 903).

⁴³ Сначала вносили те котлы, что должны были стоять с запада, поскольку «с западной [стороны] располагали почитаемые [котлы]».

⁴⁴ *Бэй* 碑 — стела в центре двора.

⁴⁵ Люди (*жэнь* 人), т.е. вышеуказанные *ши*.

⁴⁶ *Юнжэнь* 雍人饗人 — об этом чиновнике в своей работе «*И ли* с толкованием чиновников» (*И ли ши гуань* 儀禮釋官) пишет Ху Куан-чжун 胡匡衷 (1728–1801): «В *Чжоу ли* в [описании] обязанности *вайюна* 外饗 сказано: „[*Вайюны*] ведали резкой и варкой [продуктов, предназначенных] для внешних жертвоприношений... расставляли котлы *дин* и столики *цзу* и заполняли их тушами животных и сушеной рыбой. При всех делах, [связанных с] ужинами *сунь* 飧, завтраками *юн* 饗, пирами *сян* 饗 и *ши* 食, они действовали таким же образом“. *Тянь-цзы* [в рядах] чиновников имел *вайюнов* и *нэйюнов* 內饗, а *чжухоу* — лишь *юнжэней*. В *Цзо-чжунь*, двадцать восьмой год [правления] Сян-[гуна], упомянуто: „[Служилые мужи] во время службы принимали пищу, каждый день [им подносили] два петуха. [Однажды] *юнжэнь* тайком подменил петухов на уток. Тот, кто подносил [блюда], знал об этом, поэтому убрал их мясо и поднес только мясной отвар, [из-за чего] *Цзы Я* и *Цзы Вэй* разгневались“. [Знаки] *雍* и *饗* взаимозаменяемы, также [возможна форма] 雉. [Так, например], в „Речах царств“ (*Го юй* 國語. — *И.Р.*) [записано]: „Помогающий *юну* (*цзо юн чжэ* 佐誰者) пробует пищу“. ...*Люжэни* 旅人, вероятно, [входили в состав непосредственно] подчиненных [*юнжэням*] как кладовщики *фу* 府 [или] писцы *ши* 史» (ИЛШГ: 3, 36–37; ЧЛ 2010: 165).

Внешними жертвоприношениями (*вай цзи* 外祭) назывались обряды, посвященные Небу, Земле, духам четырех сторон света, гор, рек и т.п. Подробнее см. (ЧЛ 2010: 277–278).

⁴⁷ *Люжэнь* 旅人 — см. в примеч. 46.

⁴⁸ В оригинале использованы три знака *дафу чжан* 大夫長, которые Пэн Линь переводит как «старшие [среди] *дафу*...», что, на наш взгляд, не соответствует действительности. Ху Пэй-хуэй по этому поводу пишет: «В комментариях [Чжэн Сюаня] сказано: „*Чжан* 長 [означает] от старшего к младшему“» (ИЛ 2012: 325; ИЛЧИ 2016: 904). Отсюда наш перевод.

⁴⁹ Фан Бао писал: «Ритуал пира *сян* был утерян; [в ходе] пира *ян* жертвенным животным [была] собака, [ее] использовали для изготовления сушеного мяса и мясного соуса — не нужен был черпак *би*. Только ритуал пира *ши* на первый план [выдвигал] яства: готовили набор жертвенных животных

[К этому времени сушеная] рыба и сушеное мясо уварились⁵⁰.

подавали мясо⁵¹, [направив] жилами (*цзю* 奏/膾) [в сторону того, кому предназначалось подносимое]; семь [штук сушеной] рыбы [клали] вдоль столика *цзу*, [так, чтобы] правая [сторона] лежала [на столике]⁵²; семь кишечников и желудков⁵³ [клали] на один столик *цзу*; [располагали] семь [кусков] отборного мяса⁵⁴.

тайлао 太牢, *гун* лично следил за подношениями [яств], потому *дафу* черпали [еду, а] *ши* наполняли [ею столики *цзу*] — таким образом проявлялось обилие [ритуала. Ритуал] пира *ши* не [наделял] *дафу* и *ши* другими обязанностями, [им следовало] лишь помогать правителю в приеме гостя, поэтому ритуал был обилен и не сокращался» (ИЛСИ: 9, 109–110).

⁵⁰ Чжэн Сюань добавляет важные детали: «[В ходе] ритуала пира *ши* [мясо/рыбу] следовало обрабатывать, а на пире *сян* было сырое [мясо/рыба]» (ИЛЧШ: 9, 20). В данном фрагменте словосочетанием «сушеное мясо» переведен знак *си* 腊, но в тексте *И* 且 также встречается иероглиф 脯 *фу*, который имеет то же значение, что и *си*. Однако в некоторых случаях между ними все же существовали различия, о них пишет сунский кановед Чэнь Сян-дао: «Нарезали [тушу] на кусочки и сушили — это называли *фу* 脯; [сохраняли] целостность [туши] и сушили — это называли *си* 腊. Сушеное мясо *фу* кладут на вазы *бянь* 籩, а *си* — на столики *цзу* 俎. *Фу* зачастую [клали] перед мясным соусом 醢, а *си* обычно — после [сушеной] рыбы» (ЛШ: 78, 98–99). Впрочем, это разграничение не носило абсолютный характер, поскольку *си* могли также называть и разделанное сушеное мясо (СТКЛ 2014: 858).

⁵¹ В оригинале использован знак *ти* 體. Чжэн Сюань комментирует: «*Ти* — речь идет о жертвенных животных (*шэн* 牲) и сушеном мясе».

⁵² Чжэн Сюань комментирует: «Голова [рыбы смотрит] вправо, ее правая [сторона] лежит [на столике; рыбу] подавали, [направив] хребтом (*ци* 鬣/鰭) [в сторону того, кому предназначалось подносимое, поскольку у] сушеной рыбы [чем] ближе к внутренностям (*юй* 腴), [тем] больше костей (*гуэнь* 骨鯁)» (ИЛЧШ: 9, 22). Ху Пэй-хуэй дополняет слова Чжэн Сюаня: «[Если] голова рыбы [смотрит] направо, а левая [сторона] лежит [на столике], то хребет направлен на юг. [Если] голова [рыбы смотрит] направо, а правая [сторона] лежит [на столике, то] хребет направлен на север (относительно человека, взор которого направлен на юг. — *И.Р.*)» (ИЛЧИ 2016: 906). Причину, по которой сушеную рыбу надлежало подносить хребтом к человеку, Ху Пэй-хуэй разъясняет так: «У сушеной рыбы [чем] ближе к брюху, [тем] больше костей, поэтому следовало подносить хребтом к гостю — [так] удобнее принимать пищу (*бянь юй цюй ши е* 便於取食也). Это способ [подношения] еды живому человеку» (ИЛЧИ 2016: 906). Если подношение было предназначено для умершего, то рыбу также подносили хребтом к умершему, однако голова рыбы была направлена влево. Рыбу, которую подносили не в ходе жертвоприношений или формальной части пиров *ши* и *сян* (*сян ши чжэнли* 饗食正禮), клали не вдоль столика, а поперек него (ИЛЧИ 2016: 906), например, «разваренную рыбу (*жуйюй* 濡魚) подносили, [направив] хвостом [к тому, кому предназначалось подносимое], зимой — брюхом направо, летом — хребтом направо» (ЛЦЧИ: 84). Зимой янская *ци* 陽氣 накапливается у рыбы в брюхе, поэтому располагают на столике брюхом вправо, летом — около хребта, поэтому кладут рыбу хребтом направо. Мясо с янской *ци* считалось самым питательным и сочным, его направляли в правую сторону, поскольку, как отмечают средневековые исследователи, так удобнее брать рыбу (ЛЦЧИ: 35, 85).

⁵³ В данном фрагменте речь идет о бараньих и бычьих кишечниках и желудках. Известно, что для них выделяли отдельный столик *цзу*. Ху Пэй-хуэй аргументирует это так: «Туши быков и баранов [располагали] на разных столиках *цзу*, а их внутренности — на одном. Внутренности [быков и баранов] презираемы (*цзянь* 賤), поэтому их не разделяли [на два столика]» (ИЛЧИ 2016: 906). Внутренности других жертвенных животных не использовали, например, в *Ли цзи* встречаем следующее утверждение: «*Цзюнь-цзы* не употребляют в пищу внутренности домашних животных (собаки и свиньи. — *И.Р.*)» (*цзюнь-цзы бу ши хуньюй* 君子不食圉腴) (ЛЦЧИ: 35, 88). На столик клали семь желудков и кишечников барана, семь желудков и кишечников быка — итого двадцать восемь внутренностей (ИЛЧШ: 9, 22).

⁵⁴ *Луньфу* 倫膚 — мясо с изящными жилами, взятое с кожей с боков свиньи. Чжэн Сюань в комментариях отмечает: «*Лунь* — это *ли* 理 (узор. — *И.Р.*). Речь идет об изящных и хрупких жилах» (倫理也, 謂精理滑脆者) (ИЛЧШ: 9, 22). Британский исследователь Чжон Стил (1868–?) переводит этот термин как «side of pork» (TIL 1917: 246), бельгийский ориенталист Шарль де Арлез (1832–1899) —

Кишечники, желудки, отборное мясо — все это раскладывали поперек столика *цзу*, [если что-то не помешалось, то] его свешивали.

Дафу, вычерпав [яства и] положив черпаки *би* на котлы *дин*, уходили в порядке, обратном их приходу, возвращаясь [на прежние] места⁵⁵.

5

Гун спускался омыть [руки], гость спускался [следом], *гун* противился [тому, чтобы гость спускался следом за ним].

Завершив омовение, *гун* [и гость, совершив] единожды малый поклон и единожды уступив [друг другу, поднимались в зал: сначала] поднимался *гун*, [затем] — гость.

Цзайфу из западных покоев передавал [*гуну*] соус *сицзын*⁵⁶, *гун* ставил его [перед циновкой гостя]⁵⁷, гость противился, садился, [обращался] лицом на север, отодвигал соус к востоку — в надлежащее место⁵⁸.

Гун вставал у северного края [восточной] боковой стены *сюй*⁵⁹, [обращался] лицом на запад; гость с почтением стоял к западу от [западной] лестницы.

Цзайфу из восточных покоев выносили шесть чаш *доу*⁶⁰, ставили к востоку от соуса [*си*]*цзын*, с запада — почитаемое: [сначала располагали чашу с] квашеным душистым луком (*цзюцзу* 韭菹), [от нее] к востоку — чаши с мясным соусом (*таньхай* 醃醃) и корнями айра (*чанбэнь* 昌本), к югу от [чаши с] корнями айра — чашу с соусом из мяса марала с костями⁶¹, [от нее] к западу — чаши с квашеными цветками лука (*цзинцзу* 菁菹) и с соусом из мяса оленя с костями (*луни* 鹿麩).

«porc d'une chair excellente» (ILC 1890: 225), наиболее полный перевод предлагает французский миссионер Серафин Куврер (1835–1919) — «morceaux de viande choisis qui ont été pris avec la peau sur le devant du corps du porc» (ILC 1951: 356).

⁵⁵ *Дафу* возвращались на прежние места, а *ши* оставались на месте, через некоторое время им приказывали разнести столики с яствами (ИЛЧИ 2016: 907).

⁵⁶ *Сицзын* 醃醬 — соевая подлива *цзын*, разбавленная (*хэ* 和) кислым соусом *си* (ИЛЧШ: 9, 22). Соус *сицзын* — первая часть основных блюд (*чжэнчжуань* 正饌).

⁵⁷ Ао Цзи-гун поясняет: «*Гун* ставил его [перед циновкой гостя] — демонстрировал, [что это его] личное подношение» (ИЛЧШ: 9, 28). Цинский ученый Лин Тин-кань 凌廷堪 (1757–1809) дополняет: «Основные блюда: соус *сицзын* и мясной бульон [из говядины], дополнительное блюдо (*цзячжуань* 加饌): сосуды *фу* с пшенной кашей — все это располагал лично *гун*» (ЛЦШЛ: 3, 3).

⁵⁸ Лин Тин-кань отмечает: «Все блюда, которые ставил лично *гун*, необходимо сидя отодвинуть» (ЛЦШЛ: 3, 3). Причину такого действия находим в записях Ао Цзи-гуна: «Отодвигал соус — демонстрировал, что не достоин чести [принять пищу, которую] лично поднес *гун*» (ИЛЧШ: 9, 28).

⁵⁹ В оригинале использованы два знака *сюй нэй* 序内, которые указывают на место у северного края восточной стены *сюй*, рядом с проходом, ведущим в восточные покои *фан* (ИЛИЧ 2004: 274).

⁶⁰ *Доу* 豆 — чаши на высоком полом поддоне (Ефименко, Ульянов 2019: 303), существовали бамбуковые чаши для сухих продуктов и деревянные для жидких. Яства в чашах *доу* — вторая часть основных блюд (ИЛЧИ 2016: 910).

⁶¹ В оригинале использованы два знака *ми ни* 糜麩, которые мы, полагаясь на комментарии Чжэн Сюаня, переводим как «соус из мяса марала с костями». Чжэн Сюань отмечает: «[Если] в мясном соусе (*хай* 醃) были кости, [то] его называли *ни* 麩» (ИЛЧШ: 9, 26). В комментариях к тексту *Чжэоли* Чжэн Сюань щедро делится деталями: «Приготовление мясного соуса *хай* и *ни*: сначала необходимо завялить мясо, затем, мелко нарезав его, смешать с пшеном, дрожжами и солью, залить добротным вином и закупорить в глиняном сосуде, через сто дней все готово» (ЧЛЧШ: 1, 103). В позднеханьском словаре «Разъяснение имен» (*Ши мин* 釋名) упомянуто еще одно значение знака 麩: «*麩* [означает] *ни* 肥 — кости, перемешанные с мясом; *肥* был без соуса/сока (*у чжи* 無汁)» (ШМ: 1, 73). В двух значениях прослеживается связь с костями.

Ши ставили столики *цзу*⁶² к югу от чаш *доу*, с запада — почитаемые: говядина, баранина, свинина, [столлик] с [сушеной] рыбой находился к югу от [столика] с говяжьей, [столики] с сушеным мясом, кишечниками и желудками — восточнее [столика с рыбой]. [Столик] с отборным мясом [стоял] отдельно⁶³.

Люжэни брали черпаки *би*, *дяньжэни* поднимали котлы *дин*, [вместе] выходили [из храма] по порядку⁶⁴ и располагали их на прежние места.

Цзайфу ставили шесть сосудов *зуй*⁶⁵ для проса (*шу* 黍) и гаоляна (*цзи* 稷) к западу от столиков [следующим образом]: по два, к северо-востоку — почитаемые: [сосуд с] просом [располагали] напротив столика с говядиной, к западу от него — [сосуд с] гаоляном.

[Сосуды *зуй*] чередуется [с севера] на юг⁶⁶.

Мясной бульон⁶⁷ не приправляли⁶⁸, подавали в кувшине *дэн*⁶⁹.

*Цзай*⁷⁰, держа правой [рукой] кувшин *дэн*, а левой придерживая крышку, входил в ворота [храма], поднимался по восточным ступеням, [взойдя на] последнюю ступень, не поднимался в зал *тан*, [а] передавал [кувшин] *зуну*, [затем], сняв крышку, спускался [с ней во двор], выходил [из храма, клал крышку], входил обратно и возвращался на [прежнее] место.

Гун ставил кувшин с мясным бульоном к западу от соуса [*си*]*цзын*⁷¹ — гость противился, садился, отодвигал соус [к востоку — в надлежащее место].

Цзайфу устанавливали четыре котла *син*⁷² к западу от чаш *доу*, с востока — почитаемые: [сначала ставили котел с супом *син* из] говядины, к западу от [котла с супом из] говядины — [котел с супом из] баранины, к югу от [котла с супом из] баранины

⁶² Яства на столиках *цзу* — третья часть основных блюд (ИЛЧИ 2016: 911).

⁶³ Помещали его на место между столиком с внутренностями и желудками и столиком со свиной (ИЛЧИ 2016: 909).

⁶⁴ Сначала выносили почитаемые котлы *дин*, т.е. те, что стояли с западной стороны.

⁶⁵ Яства в сосудах *зуй* 簋 — четвертая часть основных блюд (ИЛЧИ 2016: 912).

⁶⁶ То есть сосуды *зуй* с просом и гаоляном стояли в шахматном порядке в три ряда: 1 ряд: гаолян — просо; 2 ряд: просо — гаолян; 3 ряд: гаолян — просо.

⁶⁷ *Дагэнци/дайгэнци* 大羹滫 — бульон мясной похлебки *дагэн/дайгэн* 大羹 (ИЛИЧ 2004: 274).

⁶⁸ Чжэн Сюань конкретизирует: «не [добавляли] соль и овощи» (ИЛЧШ: 9, 28). В *Ли цзи* записано: «Похлебку *дагэн* не приправляли — ценили ее простоту» (大羹不和, 貴其質也). Безвкушие похлебки напоминало о былой простоте (*чжи* 質), на смену которой пришла изысканность (*вэнь* 文) настоящего, воплощенная в изучаемом ритуале в виде «множества яств/деликатесов» (*шусю* 庶羞; см. примеч. 86). Участники пира принимали в пищу привычные им блюда, которые в тексте *Или* обозначены как *шусю*, однако, поскольку ритуал предписывал не забывать о своих корнях (*бу ван бэнь* 不忘本), предкам они подносили похлебку *дайгэн*. Это блюдо было привычным и знакомым предкам, его подношение символизировало уважение и память о них. Похлебка *дайгэн* становилась связующим звеном между простым прошлым и изысканным настоящим, предками и современниками.

⁶⁹ *Дэн* 登/登/鐙/鐙 — глиняный кувшин на ножке.

⁷⁰ В отношении упомянутого *цзая* исследователи приводят различные толкования. Чжэн Сюань считает, что это был *дайцзай* 太宰 — канцлер, первый из шести *цинов* (ИЛЧШ: 9, 28). Ху Пэй-хуэй имел отличную точку зрения, он полагал, что под *цзаем* подразумевается *нэйцзай* 內宰, подчиненный *дайцзая*, заведующий внутренними делами двора (ИЛЧИ 2016: 912). Ян Тянь-юй предполагает, что им был *цзайфу* (ИЛИЧ 2004: 275).

⁷¹ Мясной бульон *дайгэнци* — пятая часть основных блюд (ИЛЧИ 2016: 913).

⁷² *Син* 錡 имеет два значения: котел *син* и жертвенный суп *син/сингэн* 錡羹 (от мяса в бульоне *дайгэнци* 大羹滫 отличался лишь тем, что в него добавляли овощи и соль). Дополнительная информация о супе *сингэн* присутствует в записях *цзи* в конце главы. Жертвенные котлы *син* — шестая часть основных блюд (ИЛЧИ 2016: 913).

ны — [котел с супом из] свинины, к востоку от [котла с супом из] свинины — [котел с супом из] говядины.

Очищенное вино наливали в кубок *чжи*, ставили на поднос *фэн*; *цзайфу*, в правой [руке] держа кубок *чжи* и в левой поднос *фэн*, проходил вперед, ставил [кубок] восточнее чаш *доу*⁷³.

Цзайфу, сев лицом на восток, снимали крышки с сосудов *гуй*, каждую [из которых] переворачивали и [клали] к западу от сосуда.

*Цзаньчжэ*⁷⁴, повернувшись спиной к восточным покоем, лицом на юг, сообщал *гуну*, [что основные блюда] готовы [к проведению ритуала].

6

Гун дважды склонялся в поклоне *бай*, малым поклоном *и* [приглашал гостя] к еде.

Гость спускался, [намеревался] кланяться [в ответ] — *гун* противился, [поэтому] гость поднимался [в зал] и дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли.

Гость занимал циновку, садился, брал квашеный душистый лук, окунал во все [пять чаш, что были ниже чаши с] мясным соусом, подносил [его] в жертву между почитаемыми чашами⁷⁵.

Цзаньчжэ [обращался] лицом на восток, садился, [правой рукой] доставал все просо, перекладывал в левую руку, затем полностью [доставал из сосудов] гаолян, перекладывал [просо и гаолян] в правую руку, вставал, передавал гостю — гость приносил их в жертву⁷⁶.

Легкие трех жертвенных животных⁷⁷ нарезали [движениями вдоль и поперек], разрезая до конца⁷⁸, *цзаньчжэ* брал по одному кусочку и передавал гостю.

⁷³ Очищенное вино — седьмая часть основных блюд (ИЛЧИ 2016: 913).

⁷⁴ *Цзаньчжэ* 贊者 — помощник хозяина, ассистент в ритуальных действиях.

⁷⁵ То есть между чашами с мясным соусом и с квашеным душистым луком.

⁷⁶ Гость также вставал, чтобы принять просо и гаолян, затем, сев, принести их в жертву (ИЛЧШ: 9, 32).

⁷⁷ *Саньшэн* 三牲 — три жертвенных животных: бык, баран, свинья.

⁷⁸ В оригинальном тексте использованы три знака *фэй бу ли* 肺不離, которые можно неверно интерпретировать как «легкие не разрезали». Загвоздка кроется в знаке *ли* 離, в контексте чжоуской системы жертвенных легких его неверно переводить как «разрезать», более точный перевод предлагаем в таком виде: «нарезать [легкими движениями вдоль и поперек, не разрезая до конца то место, где пересекаются продольные и поперечные разрезы (т.е. в центре), сохраняя, таким образом, целостность легкого]». Так получали легкое, разделенное на четыре части, скрепленные вместе неразрезанным фрагментом в центре. Следовательно, *бу ли* 不離 означает «не [совершать действие] *ли*», другими словами, полностью разрезать (*цунь* 剗) одно легкое на четыре отдельных кусочка. Авторы *И ли* умышленно не использовали в тексте, на первый взгляд, более точную формулировку — *цуньфэй* 剗肺 «[полностью] разрезать легкое [вдоль и поперек]», поскольку легкое *цуньфэй* относилось к другой группе жертвенных легких — *цзифэй* 祭肺, которые использовали исключительно в ходе ритуалов, посвященных усопшим: похоронно-траурный ритуал, ритуал *шаолао куйши ли* 少牢饋食禮 — подношение мелкого жертвенного скота предкам. Легкие, используемые в ходе ритуалов, посвященных живым людям, называли *цзюйфэй* 舉肺 (или *лифэй* 離肺, *цзифэй* 膾肺). Их использовали для жертвоприношения *цзюэци* 絕祭 и *ляоци* 繚祭, подробнее см. (Кейдун, Рябухин 2022: 234–235). В таком случае, если полностью разрезанные легкие *цуньфэй* использовались в ритуалах, посвященных усопшим, а в ритуале пира *ши* надлежало использовать легкие *цзюйфэй*, тогда почему гостю все же подносили полностью разрезанные легкие, т.е. легкие *цуньфэй*? Чжэн Сюань и Ху Пэй-хуэй аргументируют это удобством гостя в жертвоприношениях: ему было легче приносить в жертву уже разрезанные легкие, ведь не нужно было их отрывать (ИЛЧШ: 9, 32–33; ИЛЧИ 2016: 915–916).

Гость, вставал, принимал [кусочки легкого], садился, приносил в жертву, [после чего], вытерев руки, ложкой *сы*⁷⁹ доставал [овощи] из почитаемого котла *син*⁸⁰, окунал во все [три котла, что были ниже, затем] приносил в жертву между почитаемыми котлами⁸¹, [следом] приносил очищенное вино в жертву между почитаемыми чашами; [сушеную] рыбу, мясо, соус [*си*]цзюэ, мясной бульон — в жертву не приносил.

7

Цзайфу передавал *гуну* [ларь *фу*⁸² с] пшенной кашей⁸³, *гун* ставил его [перед циновкой гостя], к западу от мясного бульона⁸⁴ — гость [обращался] лицом на север, противился, садился и отодвигал [кашу к западу — в надлежащее место].

Гун и гость оба возвращались на прежние места⁸⁵.

Цзайфу подносил [ларь *фу* с] рисовой [кашей, ставил его] к западу от [ларя с] пшенной кашей.

Ши [в чашах *доу*] подносили деликатесы⁸⁶, в каждой [чаше] был большой [ломоть мяса⁸⁷; чашу накрывали] крышкой, подносили так же, как *цзай* [подавал мясной бульон]⁸⁸.

Тот, кто первый [подал деликатесы], возвращался [и брал еще]: входил через ворота [храма], поднимался по западным ступеням.

Тот, кто первый поднимался в зал, располагал [деликатесы] к югу от рисовой каши и к западу от сосудов *гуй*, [оставляя] между ними [расстояние, достаточное для того, чтобы там мог] поместиться человек.

[Деликатесы располагают западнее циновки гостя]⁸⁹ в четыре ряда, с северо-запада — почитаемое: к востоку от похлебки из говядины (*сян* 腳) [располагали] похлебку из баранины (*сюнь* 臠), свинины (*сяо* 臠) и жареную говядину (*нючжи* 牛炙), к югу от жареной [говядины] ставили мясной соус, к западу от [него располагали] большой ломоть говядины (*нюцзы* 牛臠), мясной соус, мелкорубленную говядину (*нюци* 牛鮓), к югу от нее — жареную баранину (*янчжи* 羊炙), к востоку от нее — большой ломоть баранины (*янцзы* 羊臠), мясной соус, жареную свинину (*шичжи* 豕炙), к югу от жареной [свинины] — мясной соус, к западу [от него] — большой ломоть

⁷⁹ *Сы* 柶 — ложка из рога по форме напоминает ложку *би* 匕, обычно использовалась в жертвоприношениях (Ефименко, Ульянов 2019: 304).

⁸⁰ Почитаемый котел *син* (*шан син* 上銅) — котел с жертвенным супом *син* из говядины (ИЛЧШ: 9, 33).

⁸¹ Речь идет о котлах с жертвенным супом *сингэн* из говядины и баранины (ИЛЧШ: 9, 32).

⁸² *Фу* 簠 — ромбовидный ларь (Ефименко, Ульянов 2019: 299), используемый для хранения зерна, а также в качестве церемониальной посуды.

⁸³ Пшенная каша (*фаньян* 飯粱) — первая часть дополнительных блюд (*цзячжуань* 加饌).

⁸⁴ «К западу от мясного бульона» — т.е. к центру циновки (ИЛ 2012: 329).

⁸⁵ *Гун* возвращался к северному краю восточной боковой стены *сюй*, гость вставал к западу от западной лестницы (ИЛЧИ 2016: 918).

⁸⁶ *Шую* 庶羞 — букв. «множество яств/деликатесов». Деликатесы — вторая часть дополнительных блюд.

⁸⁷ Как пишет Чжэн Сюань, «сочный и вкусный» (*фэймэй* 肥美) ломоть мяса (*далуань* 大臠), который использовали для жертвоприношений (ИЛЧШ: 9, 32).

⁸⁸ Имеются в виду действия *цзая*, описанные в пятом разделе, начиная со слов «*Цзай*, держа правой [рукой] кувшин *дэн*».

⁸⁹ Что следует из комментариев (ИЛЧИ 2016: 920).

свинины (*шичжи* 豕臠), соус с горчицей (*цзецзян* 芥醬), мелкорубленую рыбу (*юй-куай* 魚膾).

Множество людей⁹⁰, подносивших деликатесы, [доходили] до последней ступени, не поднимались в зал *тан*, [тут же] передавали [деликатесы *ши*, который поднялся первым, затем], взяв крышки, спускались и выходили из [храма].

Цзаньчжэ, повернувшись спиной к восточным покоем, сообщал *гуну*, [что все деликатесы] готовы [к проведению ритуала].

8

Цзаньчжэ [по приказу *гуна* приглашал] гостя занять [циновку].

Гость садился на край циновки, брал пшеничную и рисовую каши, приносил [их] в жертву между [сосудами с] соусом [*си*]*цзян* и мясным бульоном⁹¹.

Цзаньчжэ [обращался] лицом на север, садился, [затем], собрав все большие ломти с [чаш *доу*] с деликатесами⁹², вставал и по одному подавал гостю — гость принимал [их все] и разом приносил в жертву [между чашами с похлебкой из говядины и баранины]⁹³.

Гость спускался, [намеревался совершить] поклон *бай*, *гун* противился — гость поднимался, дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли; *гун* дважды кланялся в ответ.

9

Гость [обращался] лицом на север, садился между [основными и дополнительными блюдами], левой [рукой] обхватывал ларь *фу* с пшеничной [кашей], правой [рукой] держал мясной бульон, [вставал], спускался [во двор]⁹⁴ — *гун* противился.

Гость [во дворе] к западу от [западных ступеней обращался] лицом на запад, садился, ставил [ларь *фу* на землю, затем, обратившись] лицом на восток, отвечал [*гуну*; обращался] лицом на запад, брал ларь *фу*, [после чего], шагая по ступеням, поднимался [в зал, обращался] лицом на север, возвращал [ларь *фу*] на прежнее место, спускался и противился *гуну*.

Гун соглашался, [поэтому] гость поднимался [в зал].

Гун [приветствовал его] малым поклоном *и*, отступал к [восточному] залу *сян*⁹⁵.

Биньчжэ отступал, вставал спиной к восточной боковой комнате *шу*⁹⁶.

⁹⁰ Речь идет о *ши*, которые поднимались на последнюю ступень и передавали деликатесы.

⁹¹ В отличие от шестого раздела, посвященного ритуальным действиям с основными блюдами, в восьмом разделе хозяин не приглашал гостя к столу малым поклоном *и* 揖 — в этом проявлялось сокращение степени ритуала (*ша ли* 殺禮): от основных блюд переходили к дополнительным, поэтому ритуальные действия сокращались/упрощались.

⁹² См. раздел 7.

⁹³ Что следует из комментариев (ИЛЧИ 2016: 923).

⁹⁴ Поскольку зал *тан* представлял собой крайне почитаемое место, поэтому гость, проявляя должную скромность, брал сосуд с кашей и спускался во двор, чтобы там принять пищу (ИЛЧШ: 9, 40).

⁹⁵ *Сян* 箱 — пространство перед камерой *цзя* 夾 (Чжэн Сянь-жэнь 2006: 30–38; Шэнь Вэнь-чжо 2006: 38). Чжэн Сюань пишет о том, что зал *сян* — это «место ожидания» (*сы ши чжи чу* 俟事之處) (ИЛЧШ: 9, 41). В данном фрагменте сказано о том, что *гун* находился в зале *сян*, пока гость принимал пищу.

⁹⁶ *Шу* 塾 — комнаты, располагавшиеся с востока и запада от центральных ворот. *Биньчжэ* вставал спиной к восточной боковой комнате *шу* и бездействовал (*у ши* 無事) (ИЛЧШ: 9, 41).

Гость садился, тут же скручивал добавочный слой циновки⁹⁷, *гун* не противился [ему в этом].

Гость принимал пищу в три [круга⁹⁸, каждый раз запивая] мясным бульоном [и обмакивая] в соус [*си*]цзян.

Цзайфу брал кубок *чжи* с винным уксусом и, [придерживая] поднос *фэн*, проходил [к циновке гостя]; гость, вытерев руки, вставал, принимал [кубок]; *цзайфу* ставил поднос *фэн* к западу от рисовой каши⁹⁹.

[Мелкие служители] располагали во дворе подношения (*тинши* 庭實) [*гуна* для гостя].

Гость садился, приносил [винный уксус] в жертву, тут же набирал его в рот, [прополаскивал полость рта], затем ставил [кубок] на поднос *фэн*.

10

Гун принимал [из рук] *цзайфу* связку шелка, чтобы [поднести ее гостю] и уговорить [его съесть еще немного]¹⁰⁰, становясь лицом на запад.

Гость покидал циновку, [обращался] лицом на север.

Биньчжэ проходил вперед, [намереваясь] содействовать в подношении.

Гость спускался, противился подношению, затем, [шагая по ступеням]¹⁰¹ поднимался [в зал], выслушивал [*гуна*], спускался, склонялся в поклоне *бай* — *гун* противился.

Гость поднимался, дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли, после чего принимал подношения напротив восточной колонны *ин*¹⁰², [обратившись] лицом на север; отступал к западу от западной колонны, вставал, [поворачивался] лицом на восток.

Гун единожды кланялся; [когда] гость спускался, *гун* дважды склонялся в поклоне *бай*.

Помощники *цзе* выходили [в порядке], обратном [их входу].

Гость, [обратившись] лицом на север, [совершал] малый поклон *и* [и выходил из храма].

[Мелкие служители], держа подношения, выходили [следом за гостем].

Гун спускался, вставал [лицом на юг].

Шанцзе принимал [из рук] гостя подношения.

⁹⁷ Проявлял скромность, не осмеливался следовать «обильному ритуалу» (*лун ли* 隆禮) (ИЛЧИ 2016: 925).

⁹⁸ *Саньфань* 三飯 — букв. «прием пищи в три [круга]». Все три круга гость выполнял в одинаковой последовательности: брал ларь с рисовой/пшеничной кашей, съедал ее, запивая мясным бульоном, после чего съедал мясо, обмакнув его в соус *сицзян* (ИЛИЧ 2004: 279). Чжэн Сюань добавляет детали: «Принимал пищу в три [круга] и останавливался, [поскольку, как говорил Кун-цзы:] „Цзюнь-цзы ест, не домогаясь насыщения“» (ИЛЧШ: 9, 42).

⁹⁹ Таким образом, вино было с восточной стороны (относительно гостя — слева), а винный уксус — с западной (справа). Выражение «слева вино, справа винный уксус» (*цзо цзю ю цзян* 左酒右漿), указывающее на нормативное расположение вина и уксуса, также встречается, например, в трактатах «Гуань-цзы» (*Гуань-цзы* 管子) и «Лес перемен» (*И линь* 易林).

¹⁰⁰ Ху Пэй-хуэй поясняет: «К этому времени гость заканчивал принимать пищу в три круга, намеревался заявить [о своем] уходе, поэтому [хозяин] уговаривал [его] съесть еще немного, [одарив] связкой шелка» (ИЛЧИ 2016: 927).

¹⁰¹ Добавляем со слов Ху Пэй-хуэя (ИЛЧИ 2016: 928).

¹⁰² *Ин* 楹 — вертикальные колонны-опоры в центре зала *тан*.

Сопровождающие [гостя] встречали [служителей *гуна*, у которых] принимали кожу, [подаренную гостю].

11

Гость входил, [придерживаясь] левой [створки] ворот, [вставал под] концом водостока [центральных ворот¹⁰³, обращался] лицом на север, дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли, — *гун* противился.

[Гость и хозяин], как и ранее [совершая] три малых поклона и [трижды] уступая [друг другу], поднимались [в зал].

Гость дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли, *гун* в ответ дважды склонялся в поклоне *бай*.

Гость спускался, как и ранее противился *гуну*, [затем] поднимался [в зал]; *гун*, [поприветствовав его] малым поклоном, отступал к восточному залу *сян*.

Гость, съев кашу из проса и гаоляна¹⁰⁴, трижды набирал в рот винный уксус, [прополаскивал полость рта]; не [пил] мясной бульон и не [обмакивал ничего в] соус.

[Закончив обед], вытирал руки, вставал, [обращался] лицом на север, садился, брал [ларь *фу*] с пшенной кашей и соус [*си*]цзян, спускался [по западным ступеням, обращался] лицом на запад, садился, ставил [ларь и соус] на землю у западной лестницы, [обращался] лицом на восток, дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли.

Гун спускался, дважды склонялся в поклоне *бай*.

Помощники *цзе* выходили [в порядке], обратном [их входу], выходил гость — *гун* в главных воротах провожал [помощников и гостя], дважды склонившись в поклоне *бай*.

Гость не оглядывался.

12

Мелкие служители собирали [остатки яств из] трех жертвенных животных со столиков *цзу* и возвращали в подворье гостя [в бамбуковых ящиках *фэй*¹⁰⁵].

[Сушеную] рыбу, сушеное мясо [и прочее]¹⁰⁶ не возвращали.

13

На следующий день гость, облачившись в парадную одежду *чаофу*, [за воротами] дворца отвечал благодарностью за щедрость [*гуна*]¹⁰⁷: благодарил за обед и подношения — каждый раз дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли.

*Я*¹⁰⁸ выслушивал его, [затем входил во дворец и передавал благодарственные слова *гуну*]¹⁰⁹.

¹⁰³ *Молю* 沒雷 — «конец водостока на стрехе ворот» (門簷雷盡處) (ИЛЧИ 2016: 928).

¹⁰⁴ *Хуэйфань* 會飯 — «каша из проса и гаоляна» (ИЛЧИ 2016: 929).

¹⁰⁵ *Фэй* 篋 — бамбуковый ящик. Добавляем в перевод со слов Чжэн Сюаня (ИЛЧШ: 9, 49–50). Чжэн Сюань указывает на причину этих действий: «Столики *цзу* [с яствами из] трех жертвенных животных, наиболее почитаемые [среди] основных блюд, [поэтому] их, насколько это возможно, возвращали гостю — это и есть вершина почтения» (ИЛЧШ: 9, 49).

¹⁰⁶ А именно: кишечники, желудки, отборное мясо (ИЛЧШ: 9, 49–50).

¹⁰⁷ Вероятно, делал он это за воротами *куньэнь* 庫門 (ИЛЧИ 2016: 932).

¹⁰⁸ *Я* 訝 или *ячжэ* 訝者 — букв. «тот, кто встречал [гостей]».

¹⁰⁹ Именно об этом пишет Чжэн Сюань (ИЛЧШ: 9, 51).

14

[Если проводили пир *ши* для приема посла в ранге] *шандафу*, [то он получал] восемь чаш *доу*¹¹⁰, восемь сосудов *гуй*, шесть котлов *син*, девять столиков *цзу*¹¹¹, два столика *цзу* с [сушеной] рыбой и сушеным мясом.

[Сушеную] рыбу, кишечники, желудки и отборное мясо подавали либо по девять [столиков], либо по одиннадцать, для *сядафу* — либо по семь, либо по девять.

[Количество] рядов деликатесов с запада на восток не должно превышать четырех¹¹².

Шандафу [подносили] двенадцать деликатесов: к [девяти чашам, которые отводились] *сядафу*, добавляли [чаши с мясом] фазана, кролика, перепелки и трехперстки¹¹³.

15

Если [*гун*] не мог лично [присутствовать на] пиру *ши*¹¹⁴, [то он] посылал *дафу*, ранг [которого] соответствовал [рангу гостя], в парадной одежде поднести [гостю] дары.

[То, чем] наполняли чаши *доу*, помещали в кувшины *вэн*¹¹⁵, расставляли их [к югу от центра] колонн *ин*: по два, [с юга] на север; [то, чем] наполняли сосуды *гуй*, помещали в корзины *куан*¹¹⁶, расставляли их [к северу от центра] колонн *ин*: по две, [с севера] на юг; деликатесы расставляли [к северу] от стелы *бэй*, подношения (*тинши* 庭實) — [к югу] от стелы; быков, баранов, свиней привязывали во дворе у западной [створки] ворот [в направлении] с восточной стороны, [где располагали] наиболее почитаемых [из них].

Гость, [облачившись] в парадную одежду, принимал [подношения — все проходило так, как предписывал] ритуал *юн ли*¹¹⁷, [однако *гун*] не благодарил [посланника]¹¹⁸.

На следующий день гость, [облачившись] в парадную одежду, [за воротами] двorca отвечал благодарностью за щедрость [*гуна*].

Я выслушивал его, [затем входил во дворец и передавал благодарственные слова *гуну*].

¹¹⁰ К шести чашам *доу* для *сядафу* добавляли одну чашу с квашеной мальвой (*куйцзу* 葵菹) и одну с моллюсками в мясном соусе (*лохай* 蝸醢) (ИЛЧШ: 9, 51).

¹¹¹ Добавляли один столик с сырой рыбой и с сырым мясом (ИЛЧШ: 9, 52).

¹¹² Это правило распространялось на послов в ранге *шандафу* и *сядафу* (ИЛЧШ: 9, 54).

¹¹³ В оригинальном тексте использован знак *жу* 鷓, который Чжэн Сюань толкует как *мому* 無母 (ИЛЧШ: 9, 54). Ху Пэй-хуэй пишет, что речь идет о птичке трехперстке *янь* 鶉. Также, комментируя слова Чжэн Сюаня, добавляет, что в древности знаки *мо* 無, *моу* 鷓, *моу* 牟 имели схожее чтение, поэтому могли взаимно заменяться (ИЛЧИ 2016: 934).

¹¹⁴ Из-за «болезни или по другой причине» (ИЛЧШ: 9, 54).

¹¹⁵ *Вэн* 甕 — керамический кувшин.

¹¹⁶ *Куан* 筐 — бамбуковая корзина.

¹¹⁷ *Юн ли* 饗禮 — речь идет о ритуале *гуй юн си* 歸饗饋 / *куй юн си* 饋饗饋 — подношение туш (*юн* 饗) и живых (*си* 饋) жертвенных животных. Подробное описание данного ритуала изложено в главе 8 *И ли* (начиная со слов «迎大夫於外門外» и заканчивая «大夫降授老幣») (ИЛЧИ 2016: 936).

¹¹⁸ В оригинале: «не благодарил» (*у бинь* 無償). Если *гун* не мог лично присутствовать на пиру *ши*, то посылал *дафу*, чтобы тот отправился в предместье, в котором пребывал посол, и преподнес ему дары. Когда посланник прибывал в предместье, его отношения с послом регулировались ритуалом между «хозяином и гостем», поэтому хозяин (т.е. посол) должен был поблагодарить (*бинь* 償) парчой/шелком/лошадьми прибывшего гостя (т.е. посланника *дафу*), однако ритуал пира *ши*, в отличие от пира *сян*, предписывал хозяину этого не делать.

[Если] пир *ши* [проходил] между *дафу*, [то хозяин] лично предупреждал и приглашал [гостя, после чего] встречал его за воротами, кланялся, [благодаря за] прибытие, — все поклоны *бай* [совершали] согласно ритуалу пира *сян*.

[Хозяин] спускался омыть [руки, возвращался], принимал соус [*си*]*цзын*, мясной бульон и подношение [в виде] связки парчи, спустившись [с зала] на восточную лестницу; [тот, кто] передавал [подношения], поднимался на одну ступень; гость оставался [в зале].

Гость, взяв пшеничную кашу и мясной бульон, проходил к краю западной стены *сюй*¹¹⁹ — хозяин противился [этому].

Гость возвращался обратно, скручивал добавочный слой циновки — хозяин [вновь] противился, [поэтому] гость возвращал добавочный слой обратно.

[Гость] противился подношениям и спускался на одну ступень — хозяин [противился], следовал [за ним, чтобы возвратиться обратно].

[Гость возвращался], принимал подношения и [в знак благодарности] дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли.

Хозяин провожал подношения, [сделав] то же самое.

[Гость] отказывался от [чести принимать пищу, пока] хозяин [находился рядом], спускался на одну ступень — хозяин [противился], следовал [за ним, чтобы возвратиться обратно].

Закончив обед, [гость сам] убирал [утварь] к краю западной боковой стены *сюй*, дважды склонялся в поклоне *бай*, [обратившись] лицом на восток, [после чего] спускался и выходил.

Все другие [ритуальные действия] совпадали с теми, что [предписывал] ритуал пира *ши*, [проводимый] *гуном* [для приема посла в ранге *ся*]*дафу*.

Если [хозяин] не мог лично [присутствовать на] пиру *ши*, то он посылал *дафу* в парадной одежде, чтобы вручить [гостю] подношения.

Гость принимал [подношения] в зале *тан*, не благодарил [посланника].

Записки.

[*Гун*] не извещал дважды¹²⁰, предупреждал [гостя о готовившемся торжестве только в день его проведения], но не приглашал¹²¹; не передавал столик *цзи*.

Не было почетной циновки¹²².

Варили за воротами с восточной стороны.

¹¹⁹ Поскольку, как сообщает Чжэн Сюань, гость «не осмеливался есть на почитаемом месте (т.е. в зале *тан*. — *И.Р.*)» (ИЛЧШ: 9, 60).

¹²⁰ В оригинале: 不宿戒, где *цзе* 戒 — извещение за три дня до ритуала, *су* 宿 — извещение за один день до ритуала (ИЛЧИ 2016: 939).

¹²¹ Чжэн Сюань добавляет детали: «Утром [в день, когда намеревались провести] пир *ши* [для приема] гостя, пробуждались рано и предупреждали его [о готовившемся торжестве]; гость прибывал [ко двору] вслед за тем, кто его предупреждал (см. раздел 1. — *И.Р.*), [поэтому его] повторно не приглашали» (ИЛЧШ: 9, 62–63).

¹²² *Цзоси* 阼席 — почетная циновка хозяина, которую стелили рядом с почетной (парадной, восточной) лестницей. В комментариях Ху Пэй-хуэя читаем: «[Когда] гость ел [яства, хозяин] отступал к залу *сян*, не сидел у восточной [лестницы], поэтому не было циновки [*цзоси*]» (ИЛЧИ 2016: 939).

[Перед началом пира] *сыгуны*¹²³ подготавливали утварь: столики *цзи*; тростниковую циновку [длинной в один] *чан*¹²⁴, окаймленную черным шелком; добавочную циновку из тонкого тростника, окаймленную черно-красным шелком; все [циновки] скручивали с конца.

[Когда начинался пир], *цзайфу* [выносил] тростниковую циновку из восточных покоев.

Повозку гостя [останавливали] за главными воротами с западной стороны, [гость] вставал лицом на север.

Овощи [для приготовления] жертвенного супа *син*: к говядине [добавляли] гороховую ботву (*хо* 藿), к баранине — горькие травы (*ку* 苦, осот?), к свинине — горошек заборный (*вэй* 薇); все [супы приправляли] мягкой зеленью¹²⁵.

Цзаньчжэ омывал [руки], поднимался [в зал] следом за [теми, кто нес] столики *цзу*.

Ларь *фу* имел крышу и покрывало¹²⁶.

Всякий раз, когда [ели] жареное [мясо], не [обмакивали его в] соус [*си*]*цзян*¹²⁷.

[Если пир *ши* проводили для приема] *шандафу*, [то использовали] тростниковую циновку и добавочную циновку из тонкого тростника, окаймляли их так же, как и [циновки] *сядафу*.

[*Шан*]*бинь* [в ранге] *цин* [помогал в проведении ритуала] во дворе *тин*, а *биньчжэ* [в ранге] *сядафу* — в зале *тан*.

Шандафу деликатесы; очищенное вино, винный уксус, деликатесы — можно/подходить¹²⁸.

[Когда *шандафу*] благодарил за обед и подношения, он всегда дважды склонялся в поклоне *бай*, касаясь головой земли¹²⁹.

¹²³ *Сыгун* 司宮 — чиновник, ведавший делами храма предков (ИЛЧИ 2016: 940).

¹²⁴ *Чан* 常 — мера длины, равная 16 *чи* (в чжоускую эпоху 1 *чи* равнялся 19,91 см, следовательно, 1 *чан* соответствует ок. 319 см) (Кроль, Романовский 2009: 327). Такая длина была необходима, поскольку циновку стелили длинной стороной на юг, при этом по левую руку от сидящего располагали основные блюда, по правую — дополнительные (ИЛЧИ 2016: 940).

¹²⁵ *Хуа* 滑 — мягкая зелень, фиалки вида *цзинь* 堇, *хуань* 苴, мальва *куй* 葵 (ИЛЧШ: 9, 67; ИЛЧИ 2016: 943).

¹²⁶ *Ми* 幕 — покрывало. Перед тем как вынести сосуд, с него снимали крышку и покрывали тканью (ИЛЧШ: 9, 68).

¹²⁷ «[Поскольку мясо] уже было посолено», — отмечает Чжэн Сюань (ИЛЧШ: 9, 68).

¹²⁸ В оригинале: 上大夫庶羞，酒飲漿飲，庶羞可也. Средневековые исследователи полагают, что в данном фрагменте утеряны некоторые иероглифы, что «затрудняет толкование» (ИЛЧИ 2016: 945–946). Ян Тянь-юй предлагает такой перевод: «Если в то время, когда *шандафу* ел деликатесы, *цзайфу* подносил очищенное вино и винный уксус, *шандафу* мог есть деликатесы и пить вино и уксус» (ИЛИЧ 2004: 286). Такой же вариант встречаем в учебном пособии «*И ли* для легкого чтения» (*И ли и ду* 儀禮易讀) цинского автора Ма Цзюна 馬駟 (XVIII в.) (ИЛИД: 9). Ч. Стил переводит совсем иначе: “When a superior great officer is eating the general dainties, wine or other drinks may be served, to be taken along with them as is desired” (ТИЛ 1917: 259). Не менее интересный перевод предлагает С. Кувреп: “Avec les différents mets délicats servis à un grand préfet de première classe, on lui sert du vin ordinaire et de l’eau de riz. Ces boissons vont bien avec tous les mets délicats” (ILC 1951: 372). Отметим, что такие переводы в большей части основаны не на оригинальном тексте, а на домыслах авторов.

¹²⁹ Чжэн Сюань сомневается в том, что *шандафу* (т.е. *цин*) при совершении поклона касались головой земли, вероятно, они этого не делали (ИЛЧШ: 9, 70).

Литература

- Ефименко, Ульянов 2019 — *Ефименко М.В., Ульянов М.Ю.* О наименовании ритуальных бронзовых сосудов эпохи Западное Чжоу // *Общество и государство в Китае*. 2019. Т. 49. № 30. С. 278–310.
- ИЛ 2012 — И ли 儀禮 (Благопристойность и ритуал) / Пэн Линь и чжу 彭林譯注 (Пер. и коммент. Пэн Линь). Пекин: Гуцзи чубаньшэ, 2012.
- ИЛИЧ 2004 — И ли и чжу 儀禮譯注 (*И ли* с переводом и комментариями) / Ян Тянь-юй чжуань 楊天宇撰 (Сост. Ян Тянь-юй). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2004.
- ИЛЧИ 2016 — И ли чжэн и 儀禮正義 (*И ли* с разъяснениями истинного смысла) // Жу цзан 儒藏 (Конфуцианский Канон). Т. 47. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2016.
- Кейдун 2001 — *Кейдун И.Б.* «Ли цзи»: перевод первой главы («Цюй ли») // *Религиоведение*. 2001. № 1. С. 147–163. Благовещенск, 2001.
- Кейдун, Рябухин 2022 — *Кейдун И.Б., Рябухин И.Н.* От ритуального события к идеологии: тексты «И ли» и «Ли цзи»: о ритуале пира в училище при *сяне* // *Великий смысл врат в Сокровенное*. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2022.
- Кроль, Романовский 2009 — *Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Метрология // *Духовная культура Китая*. Т. 5. М.: Вост. лит., 2009. С. 321–339.
- СТКЛ 2014 — Сань ли цыдянь 三禮辭典 (Словарь к Трем книгам о *ли*) / Цянь Сюань, Цянь Син-ци бяньчжу 錢玄, 錢興奇編著 (Сост. Цянь Сюань, Цянь Син-ци). Нанькин: Фэнхуан чубаньшэ, 2014.
- Чжэн Сянь-жэнь 2006 — *Чжэн Сянь-жэнь 鄭憲仁.* Чжоудай чжухоу дафу цзунмяо ту яньцзю 周代諸侯大夫宗廟圖研究 (Исследование карт-планов храмов предков чжоуских *чжухоу* и *дафу*) // *Ханьсюэ яньцзю 漢學研究* (Синологические исследования). 2006. Т. 24. № 2. С. 1–40.
- ЧЛ 2010 — Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Разд. 1. Небесные чиновники. Цз. 1 / Пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прилож. С. Кучеры. М.: Вост. лит., 2010 (Памятники письменности Востока. СХХХVI, 1).
- ЧЛ 2017 — Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Разд. 1. Небесные чиновники. Цз. 2 / Пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прилож. С. Кучеры. М.: Вост. лит., 2017 (Памятники письменности Востока. СХХХVI, 2).
- Шэнь Вэнь-чжо 2006 — *Шэнь Вэнь-чжо 沈文倬.* Чжоудай гунши каошу 周代宮室考述 (Исследование императорского дворца эпохи Чжоу) // *Чжэцзян дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань) 浙江大學學報 (人文社會科學版)* (Вестник Чжэцзянского университета (Социально-гуманитарные науки). 2006 (май). Т. 36. № 3. С. 37–44.
- ILC 1890 — I-li. Cérémonial de la Chine Antique / Avec des Extraits des Meilleurs Commentaires Traduit pour la Première Fois. C. de Harlez. Paris: Jean Maisonneuve Éditeur, 1890.
- ILC 1951 — I-LI. Cérémonial / Traduit par Séraphin Couvreur. Paris: Société d'éditions Les Belles Lettres, 1951.
- TIL 1917 — *The I-li, or Book of Etiquette and Ceremonial* / Translated from the Chinese with introduction, notes and plans, by John Steele. London: Probsthain & Co., 1917.

Электронные ресурсы

- ИЛ — И ли 儀禮 (Благопристойность и ритуал). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=77334> (дата обращения: 15.07.2023).
- ИЛГЦ — И ли гуань цзянь 儀禮管見 (*И ли* с комментариями Чу Инь-ляна). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1611> (дата обращения: 15.07.2023).
- ИЛИД — И ли и ду 儀禮易讀 (*И ли* для легкого чтения). URL: <http://read.nlc.cn/OutOpenBook/OpenObjectBook?aid=442&bid=2675.0> (дата обращения: 15.07.2023).

- ИЛСИ — И ли си и 儀禮析疑 (*И ли с анализом сомнительных фрагментов*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5286> (дата обращения: 15.07.2023).
- ИЛШШ — И ли цзи шо 儀禮集說 (*И ли со сборником изъяснений*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=4919> (дата обращения: 15.07.2023).
- ИЛЧЦ — И ли чжан цзюй 儀禮章句 (*И ли с разбивкой на разделы и фразы*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5287> (дата обращения: 15.07.2023).
- ИЛЧШ — И ли чжу шу 儀禮注疏 (*И ли с комментариями и субкомментариями*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=6100> (дата обращения: 15.07.2023).
- ИЛШГ — И ли ши гуань 儀禮釋官 (*И ли с разъяснением чиновников*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=98783> (дата обращения: 15.07.2023).
- ЛЦЧИ — Ли цзи чжэн и 禮記正義 (*Ли цзи с разъяснениями истинного смысла*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=77717> (дата обращения: 15.07.2023).
- ЛЦШЛ — Ли-цин ши ли 禮經釋例 (*Канон ритуалов со сводными комментариями*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1362> (дата обращения: 15.07.2023).
- ЛШ — Ли шу 禮書 (Книга о ритуалах). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1023> (дата обращения: 15.07.2023).
- СЛТ — Сань ли ту 三禮圖 (Иллюстрации к Трех книгам о ли). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5555> (дата обращения: 15.07.2023).
- ЧЛЧИ — Чжоу ли чжэн и 周禮正義 (*Чжоу ли с разъяснениями истинного смысла*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1358> (дата обращения: 15.07.2023).
- ЧЛЧШ — Чжоу ли чжу шу 周禮注疏 (*Чжоу ли с комментариями и субкомментариями*). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=77333> (дата обращения: 15.07.2023).
- ШМ — Ши мин 釋名 (Разъяснение имен). URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&file=77388> (дата обращения: 15.07.2023).
- ЮЛДД — Юн-лэ да дянь. Цзюань 17085. 永樂大典. 卷 17085 (Энциклопедия, составленная в период правления под девизом Юн-лэ, цзюань 17085). URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/永樂大典/卷17085> (дата обращения: 15.07.2023).

References

- Efimenko, Maria V. & Ul'ianov, Mark Iu. "O naimenovanii ritual'nykh bronzovykh sosudov epokhi Zapadnoe Zhou" [Morphological Classification of the Western Zhou Ritual Bronzes]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2019, vol. 49, no. 30. pp. 278–310 (in Russian).
- I-Li. Cérémonial*. Traduit par Séraphin Couvreur. Paris: Société d'éditions Les Belles Lettres, 1951 (in French).
- I-li. Cérémonial de la Chine Antique: avec des Extraits des Meilleurs Commentaires Traduit pour la Première Fois. C. de Harlez*. Paris: Jean Maisonneuve Éditeur, 1890 (in French).
- The I-li, or Book of Etiquette and Ceremonial*. Translated from the Chinese with introduction, notes and plans, by John Steele. London: Probsthain & Co., 1917 (in English).
- Keidun, Irina B. "‘Li ji’: perevod pervoi glavy (‘Qu li’)" ["‘Li ji’: Translation of the First Chapter (‘Qu li’)"]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 2001, no. 1, pp. 147–163. Blagoveshchensk (in Russian).
- Keidun, Irina B. & Riabukhin, Igor N. "Ot ritual'nogo sobytiia k ideologii: teksty ‘Yi li’ i ‘Li ji’: o rituale pira v uchilishche pri siane" [From a Ritual Event to Ideology: The Texts *Yi Li* and *Li Ji*: About the Feast Ritual at the School in *xiang*]. In: *Velikii smysl vrat v Sokrovennoe* [The Great Meaning of the Mysterious Gates], 2022, vol. 1, pp. 211–257. Moscow: IV RAN [Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences] (in Russian).
- Krol, Iurii L. & Romanovskii, Boris V. "Metrologiia" [Metrology]. *Dukhovnaia kultura Kitaia* [Spiritual Culture of China], 2009, vol. 5, pp. 321–339. Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).
- San li zi dian*. Qian Xuan, Qian Xing bianzhu 三禮辭典. 錢玄, 錢興奇編著 [Dictionary to the Three Books of *li*]. Comp. by Qian Xuan, Qian Xing. Nanjing: Fenghuang chubanshe, 2014 (in Chinese).

- Shen Wen-zhuo 沈文倬. “Zhou dai gongshi kaoshu” 周代宮室考述 [Studies of the Imperial Palace of the Zhou Dynasty]. *Zhejiang daxue xuebao (renwen shehui kexueban)* 浙江大學學報 (人文社會科學版) [Journal of Zhejiang University (Humanities and Social Sciences)], 2006 (May), vol. 36, no. 3, pp. 37–44 (in Chinese).
- Ustanovleniia dinastii Chzhou (Chzhou li)*. Razd. 1. Nebesnye chinovniki. Cz. 1. Per. s kit., vstup. st., komment. i pril. S. Kuchery [The Institutions of Zhou (Zhou li). Pt. 1. Heaven Officials. Chapter 1. Translated from Chinese, with introduction, notes and indices by S. Kuczera]. Moscow: Nauka, 2010 (in Russian).
- Ustanovleniia dinastii Chzhou (Chzhou li)*. Razd.1. Nebesnye chinovniki. Cz. 2. Per. s kit., vstup. st., komment. i pril. S. Kuchery [The Institutions of Zhou (Zhou li). Pt. 1. Heaven Officials. Chapter 2. Translated from Chinese, with introduction, notes and indices by S. Kuczera]. Moscow: Nauka, 2017 (in Russian).
- Yi li*. Peng Lin yizhu 儀禮. 彭林譯注 [Yi li with Translation and Commentary by Peng Lin]. Beijing: Guji chubanshe, 2012 (in Chinese).
- Yi li yi zhu*. Yang Tian-yu 儀禮譯注. 楊天宇撰 [Yi li with translation and commentary. Comp. by Yang Tian-yu]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2004 (in Chinese).
- Yi li zheng yi 儀禮正義 [Yi Li with Explanations of True Meaning]. In: *Ruzang* 儒藏 [Confucian Canon], 2016, vol. 47. Beijing: Beijing daxue chubanshe (in Chinese).
- Zheng Xian-ren 鄭憲仁. “Zhou dai zhuhou dafu zongmiao tu yanjiu” 周代諸侯大夫宗廟圖研究 [A Study of the “Pictures of Suzerains and Aristocrats in Zhou Dynasty Ancestral Temples”]. *Hanxue yanjiu* 漢學研究 [Chinese Studies], 2006, vol. 24, no. 2, pp. 1–40 (in Chinese).

Electronic resources

- “Li ji zheng yi” 禮記正義 [Li ji with explanations of true meaning]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=77717> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Li-jing shi li” 禮經釋例 [The Canon of Rituals with Summary Commentaries]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1362> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Li shu” 禮書 [The Book of Rituals] URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1023> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “San li tu” 三禮圖 [Illustrations of the Three Books of li]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5555> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Shi ming” 釋名 [Explanation of Names]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&file=77388> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li” 儀禮 [Decency and Ritual]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=77334> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li guan jian” 儀禮管見 [Yi li with My Commentaries]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1611> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li ji shuo” 儀禮集說 [Yi li with Collection of Explanations]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=4919> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li shi guan” 儀禮釋官 [Yi li with Explanations of Officials]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=98783> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li xi yi” 儀禮析疑 [Yi li with Analysis of Doubtful Fragments]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5286> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li yi du” 儀禮易讀 [Yi li for Easy Reading]. URL: <http://read.nlc.cn/OutOpenBook/OpenObjectBook?aid=442&bid=2675.0> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li zhang ju” 儀禮章句 [Yi li Broken down into Sections and Phrases]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=5287> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).
- “Yi li zhu shu” 儀禮注疏 [Yi li with Comments and Subcomments]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=6100> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).

“Yong-le da dian”. *Juan* 17085 永樂大典. 卷 17085 [Encyclopedia Compiled during the Reign under the Motto of Yong-le, *juan* 17085]. URL: [https://zh.wikisource.org/wiki/永樂大典/卷 17085](https://zh.wikisource.org/wiki/永樂大典/卷17085) (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).

“Zhou li zheng yi” 周禮正義 [*Zhou li* with Explanations of True Meaning]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=1358> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).

“Zhou li zhu shu” 周禮注疏 [*Zhou li* with Comments and Subcomments]. URL: <https://ctext.org/library.pl?if=gb&res=77333> (date of access: 15.07.2023) (in Chinese).

***Decency and Ritual* (儀禮 *Yi li*). Chapter 9 Introduction, Translation from Chinese, Commentary**

Igor N. RIABUKHIN

Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation

Received 29.08.2023.

Abstract: The publication contains an annotated translation of the ninth chapter of the classic Confucian treatise *Decency and Ritual* (儀禮 *Yi li*) which describes in detail one of the ancient Chinese feasts on the occasion of receiving guests — “The ritual of *shi* feast, [conducted] by *gong* [to receive an ambassador in the rank of *xia*]*dafu*” (公食大夫禮 *Gong shi dafu li*).

Key words: Confucian canon, *Yi li*, *Decency and Ritual*, the *li* rite, the *shi* feast.

For citation: Riabukhin, Igor N. “*Decency and Ritual* (儀禮 *Yi li*). Chapter 9. Introduction, Translation from Chinese, Commentary”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 5–26 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO625386.

About the author: Igor N. RIABUKHIN, Student of the Department of Chinese Studies, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation) (yizhixi@mail.ru). ORCID: 0009-0008-0101-4005.

Очерк истории Кореи в «Начальном обучении юных отроков»

Ю.В. БОЛТАЧ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627127

Статья поступила в редакцию 30.10.2023.

Аннотация: «Начальное обучение юных отроков» (*Тонмон сонсып* 童蒙先習) — базовый учебник, который изучался в конфуцианских школах традиционной Кореи и знакомил учащихся с основами конфуцианской этики и с важнейшими событиями истории Китая и Кореи. Его текст написан на литературном китайском языке и размечен корейскими служебными словами и аффиксами, записанными китайскими иероглифами по способу *кугэль*. В корейской коллекции Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) хранится ксилографическое издание этого памятника (шифр С 64), отпечатанное в год *кечхук* 癸丑 (1793 или 1853 г.) и поступившее в фонды ИВР РАН в составе коллекции акад. М.-Ф. Броссе (1802–1880). Статья содержит первый частичный русский перевод этого учебника, охватывающий очерк истории Кореи с древнейших времен до середины XVI в. Перевод сопровождается комментарием и кратким предисловием.

Ключевые слова: история Кореи, источниковедение Кореи, конфуцианство в Корее, традиционная корейская методика преподавания, «Тонмон сонсып».

Для цитирования: *Болтач Ю.В.* Очерк истории Кореи в «Начальном обучении юных отроков» // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 27–35. DOI: 10.55512/WMO627127.

Об авторе: БОЛТАЧ Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (julia.boltach@gmail.com). ORCID: 0000-0001-9325-7101.

© Болтач Ю.В., 2024

«Начальное обучение юных отроков» (*Тонмон сонсып* 童蒙先習) — широко популярное в традиционной Корее учебное пособие по основам конфуцианской доктрины и истории Китая и Кореи, которое было составлено неизвестным корейским автором в XVI в., — возможно, автором этого текста был конфуцианец эпохи Чосон 朝鮮 (1392–1910) по имени Ким Ангук 金安國 (1478–1543) (Троцевич, Гурьева 2009: 231). Текст написан на литературном китайском языке, который на протяжении почти двух тысячелетий являлся официальным письменным языком Кореи, и размечен корейскими служебными словами и аффиксами по способу *кугэль* 口訣, согласно которому корни корейских служебных слов и аффиксы пишутся китайскими иероглифами, читающимися по значению или по звучанию. Объем памятника составляет один

свиток (кит. *цзюань*, кор. *квон* 卷). Это произведение, предназначенное для заучивания наизусть на начальном этапе школьного обучения, на протяжении нескольких столетий формировало основу мировосприятия корейской образованной элиты.

Текст состоит из краткого введения, пяти небольших параграфов, посвященных пяти базовым видам человеческих отношений, и общего рассуждения, которое, в свою очередь, делится на три части: наставление о важности сыновней почтительности, очерк истории Китая и очерк истории Кореи.

«Начальное обучение юных отроков» представляет собой ценный источник для исследования:

— истории становления в Корее методики преподавания литературного китайского языка, а также основ конфуцианской этики и истории Китая и Кореи;

— особенностей трактовки истории Китая и Кореи корейскими учеными первой половины эпохи Чосон (1392–1910);

— исторической грамматики корейского языка (эволюции его системы аффиксов) и китайско-корейской языковой интерференции.

В корейском фонде Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН под шифром С 64 хранится ксилографическое издание этого памятника, отпечатанное в год под циклическими знаками *кечхук* 癸丑 (1793 или 1853 г.). Книга поступила в коллекцию ИВР РАН в составе собрания акад. М.-Ф. Броссе (1802–1880). Описание данного издания имеется в каталоге А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьевой и включает обзор основных технических параметров публикации (автор, язык, тематика, способ и дата издания, размеры, пагинация, бумага), а также общую характеристику текста и перечисление аналогичных изданий в других собраниях (Троцевич, Гурьева 2009: 231–232). Полный комментированный перевод этого ксилографа в настоящее время готовится нами к печати.

В этой статье вниманию читателя предлагается комментированный русский перевод заключительной части этого учебного пособия — очерка истории Кореи с древнейших времен до середины XVI в.

[Л. 146]

[История Кореи]

[В нашей] Восточной стороне¹ первоначально не было государей [и] старейшин. Случилось [так], [что] чудесный человек снизошел на гору Тхэбэк-сан² под берёзовое³ дерево, [и] жители [нашей] страны возвели [его на престол и] сделали государем. [Он] взошел [на престол] одновременно с Яо. Название государства [было] Чосон⁴. Это был [государь] Тангун⁵.

¹ «Восточная сторона» (*Тон пан* 東方) — Корейский полуостров.

² Гора Тхэбэк-сан 太白山 — вероятно, современная гора Мёхян-сан 妙香山 в провинции Пхёнан-пукто 平安北道 (Ирён 2018: 199).

³ «Береза» — в оригинале использован иероглиф *тан* 檀, в китайском языке обозначающий два вида тропических деревьев: сандаловое дерево (*Santalum sp.*) или дальбергию Хупе (*Dalbergia hupeana*) (оба эти дерева характерны для тропиков и в Корею не растут). Традиционное корейское толкование этого иероглифа — *пакталь* *наму* 박달나무, т.е. береза Шмидта (*Betula schmidtii*) (Хон Кимун 1963: 304).

⁴ Чосон 朝鮮 — Древний Чосон 古朝鮮 (2333–108 гг. до н.э.), легендарное древнейшее государство, существовавшее на Корейском полуострове.

⁵ Тангун 檀君 — мифический первооснователь Древнего Чосона 古朝鮮. Версия легенды о Тангуне, приводимая здесь, существенно отличается от зафиксированной в древнейшем дошедшем до

Чжоуский государь У-ван [пожаловал] князю Цзи-цзы⁶ надел в Чосон, [и Цзи-цзы], обучив народ [нашей страны] этикету [и] долгу, утвердил наставления [в] восьми статьях⁷. [Так] произошло преобразование [нравов народа] гуманным мудрецом.

Уроженец Янь [по имени] Вэй Мань⁸ из-за мятежа Лу Ваня⁹ [был вынужден] спастись бегством. [Вэй Мань] прибыл [в Чосон], заставил Цзи Чжуня¹⁰ покинуть [это владение и] захватил крепость Вангом-сон¹¹.

Во [времена] [л. 15a] Юцюя¹², внука [Вэй Маня], ханьский император У-ди¹³ [пошел] походом [на Чосон и] уничтожил его. Разделив его земли, [У-ди] учредил [на них] четыре округа — Лолан, Линьтунь, Сюаньту [и] Чжэньфань¹⁴. Император Чжао-ди¹⁵ из [округов] Пиннай [и] Сюаньту¹⁶ создал область Пин-чжоу, [а округа] Линьтунь [и] Лолан стали двумя управами общего предводителя¹⁷ Восточной управы.

Цзи Чжунь, спасаясь [от] Вэй Маня, переплыл море и [направился на] юг. [Он] поселился [в] округе Кымма-кун¹⁸. Это стало [владением] Махан¹⁹. Уцелевшие жи-

нас источнике по этой теме — «Оставшихся сведениях [о] трех государствах» (*Самгук юса* 三國遺事, XIII в.) (Ирён 2018: 198–200).

⁶ Князь Цзи-цзы 箕子 (кор. Ки-ча) — дядя Ди Синя 帝辛 (1174–1112 гг. до н.э.), последнего правителя государства Шан-Инь 商殷 (1751–1112 гг. до н.э.), безуспешно пытавшийся увещевать своего царственного племянника и в итоге оказавшийся в тюрьме, откуда он был освобожден чжоуским государем У-ваном 武王 (правил в 1111–1105 гг. до н.э.).

⁷ Частичное перечисление этих восьми статей содержится в «Книге Ранней Хань» (*Цянь Хань шу* 前漢書): убийца подвергается немедленной казни; нанесший ранение другому человеку откупается зерном; вор становится рабом в доме обворованного, а воровка — рабыней, если же они захотят откупиться, то должны заплатить пятьсот тысяч (по предположению Н.Я. Бичурина, речь идет о медных монетах (Бичурин 1950: 30), но маловероятно, чтобы в ту эпоху в Корею существовало развитое денежное обращение).

⁸ Вэй Мань 衛滿 (кор. Ви Ман) — уроженец Янь 燕, который после опалы яньского государя Лу Ваня (см. следующее примечание) бежал на восток, захватил крепости за рекой Пэй-шуй 溟水 (кор. Пхэ-су) и подчинил земли Чжэньфань 眞番 (кор. Чинбон) и Чаосянь 朝鮮 (кор. Чосон) (Бичурин 1950: 16–17; Ирён 2018: 201–202).

⁹ Лу Вань 盧縮 — полководец ханьского императора Гаоцзу 高祖 (256–195 гг. до н.э., правил в 206–202 гг. до н.э.). В 202 г. до н.э. Лу Вань был пожалован титулом государя Янь 燕, но в 195 г. до н.э. был заподозрен в сговоре с мятежником Чэнь Си 陳豨 и лишился титула (Сыма Цянь 1975: 189, 196, 198).

¹⁰ Цзи Чжунь 箕準 (кор. Ки Чун) — потомок князя Цзи-цзы 箕子 (Пак 1961: 128).

¹¹ Крепость Вангом-сон 王儉城 находилась в округе Лолан-цзюнь 樂浪郡 к востоку от реки Пэй-шуй 溟水 (Ирён 2018: 202).

¹² Упомянутое поражение Юцюя 右渠 (кор. Уго) относится к 109 г. до н.э. (Пак 1961: 123).

¹³ У-ди 武帝 (Сяоу-ди 孝武帝, 156–87 гг. до н.э.) — император Хань 漢, правивший с 140 г. до н.э. *Анналы его царствования см.* (Сыма Цянь 1975: 254–285).

¹⁴ Лолан 樂浪 (кор. Наннан), Линьтунь 臨屯 (кор. Имдун), Сюаньту 玄菟 (кор. Хэнтхо) и Чжэньфань 眞番 (кор. Чинбон) — четыре китайских округа (кит. *цзюнь*, кор. *кун* 郡), учрежденные китайскими властями на территории Древнего Чосона 古朝鮮 после уничтожения этого государства. Дольше всех среди них просуществовал округ Лолан в долине реки Тэдон-кан 大同江 — до 313 г. н.э.

¹⁵ Император Чжао-ди 昭帝 (Сяочжао-ди 孝昭帝, 94–74 гг. до н.э.) — сын императора У-ди 武帝, правивший с 86 г. до н.э.

¹⁶ Сообщение о преобразовании округов Пиннай 平那 (кор. Пхённа) и Сюаньту 玄菟 (кор. Хэнтхо) в округ Пин-чжоу 平州 (кор. Пхён-чу) имеется в «Оставшихся сведениях [о] трех государствах» (Ирён 2018: 208).

¹⁷ Управа общего предводителя (кит. *дудуфу*, кор. *тодокпу* 都督府) — военная администрация пограничного округа. Описание функций общего предводителя (кит. *дуду*, кор. *тодок* 都督) в более позднюю эпоху (империя Тан 唐, VII–X вв.) см. (Рыбаков 2009: 450–454).

¹⁸ Округ Кымма-кун 金馬郡 — ныне город Иксан 益山 провинции Чолла-пукто 全羅北道 (Ли Хончжик 2001: 1094; Концевич 2018: 146).

¹⁹ Махан 馬韓 — одно из трех древнекорейских племен (Трех Хан 三韓), населявших на рубеже нашей эры южную часть Кореи.

тели Цинь, спасаясь [от преследователей], прибыли [в земли] Хан²⁰. [Люди] Хан уступили восточную часть [своих земель и] отдали [им]. Это стало [владением] Чинхан²¹. [Народ] Пёнхан²² тогда [тоже] утвердил [свое] государство [л. 156] в земле Хан. Не известны [ни] первооснователи этих [владений], [ни] годы [и] эпохи [правления государей]. Это были Три Хан.

Первооснователь Силла²³ [государь] Хёккосе²⁴ [учредил] столицу [в] землях Чинхан [и] принял как фамилию [иероглиф] «Пак»²⁵.

Первооснователь Когурё²⁶ [государь] Чумон²⁷ прибыл [на реку] Чольбон²⁸. [Он] называл себя потомком Гаосиня²⁹ [и по этой] причине [принял как] фамилию [иероглиф] «Ко»³⁰.

Первооснователь Пэкче³¹ [государь] Ончжо³² [учредил] столицу [в] крепости Виресон³³, [что в местности] Ханам³⁴, [и] принял как фамилию [сочетание иероглифов] «Пуё»³⁵.

Все [эти] три государства, обороняя каждую пядь [своей земли], взаимно вторгались [и] нападали друг на друга.

²⁰ Подробнее об этнониме «Хан» 韓 см. (Троцевич 2016).

²¹ Чинхан 辰韓 — одно из трех древнекорейских племен, населявших на рубеже нашей эры южную часть Кореи. Здесь необходимо пояснить, что по-корейски иероглифы *чин* 辰 (первый знак этнонима «Чинхан») и *чин* 秦 ‘Цинь’ омофоничны.

²² Пёнхан 弁韓 — одно из трех древнекорейских племен, населявших на рубеже нашей эры южную часть Кореи.

²³ Силла 新羅 (57 г. до н.э. — 935 г. н.э.) — одно из трех важнейших государств, существовавших на Корейском полуострове в первой половине I тыс. н.э. Основные анналы Силла содержатся в «Исторических записях Трех государств» (Ким Бусик 2001: 71–294).

²⁴ Хёккосе 赫居世 (69 г. до н.э. — 4 г. н.э., правил с 57 г. до н.э.) — легендарный основатель государства Силла 新羅 (Ким Бусик 2001: 71–74; Ирён 2018: 227–232).

²⁵ «Пак» 朴 — фонетическая иероглифическая запись корейского слова *пак* ㅍак ‘тыква-горлянка’ (согласно преданию, Хёккосе чудесным образом родился из большого яйца, похожего на тыкву (Ким Бусик 2001: 71; Ирён 2018: 231–232)).

²⁶ Когурё 高句麗 (37 г. до н.э. — 668 г. н.э.) — одно из трех важнейших государств, существовавших на Корейском полуострове в первой половине I тыс. н.э. Основные анналы Когурё содержатся в «Исторических записях Трех государств» (Ким Бусик 1995: 35–132).

²⁷ Чумон 朱蒙 (58–19 гг. до н.э., правил с 37 г. до н.э.) — легендарный основатель государства Когурё (Ким Бусик 1995: 35–38; Ирён 2018: 220–223).

²⁸ В комментарии М.Н. Пака к русскому переводу «Исторических записей Трех государств» река Чольбон 卒本 отождествляется с современной рекой Хунь-цзян 淸江, правым притоком реки Амнокан 鴨綠江 (Ким Бусик 1995: 323).

²⁹ Гаосинь 高辛 (кор. Косин) — прозвание мифического императора Ди Ку 帝嚳 (Сыма Цянь 2001: 135–136).

³⁰ По данным других источников, фамилия «Ко» 高 образована от первого иероглифа названия государства Когурё 高句麗 (Ким Бусик 1995: 36; Ирён 2018: 222).

³¹ Пэкче 百濟 (18 г. до н.э. — 660 г. н.э.) — одно из трех важнейших государств, существовавших на Корейском полуострове в первой половине I тыс. н.э. Основные анналы Пэкче содержатся в «Исторических записях Трех государств» (Ким Бусик 1995: 133–191).

³² Ончжо 溫祚 (?–28 г. н.э., правил с 18 г. до н.э.) — легендарный основатель государства Пэкче 百濟 (Ким Бусик 1995: 133–138; Ирён 2018: 372–380).

³³ Крепость Виресон 慰禮城 предположительно располагалась на территории современной городской агломерации Сеула. Она отождествляется современными исследователями с одной из двух древних земляных крепостей — Пхуннап-тхосон 風納洞土城 или Мончхон-тхосон 夢村土城 (Ким Бусик 2002: 369).

³⁴ Ханам 河南 — ныне город Ханам-си 河南省 в провинции Кёнги-то 京畿道, граничащий с Сеулом.

³⁵ По другим данным, фамилия Ончжо была не Пуё 扶餘, а Хэ 解 (Ирён 2018: 376).

После этого танский император Гаоцзун³⁶ уничтожил Пэкче [и] [л. 16а] Когурё. Разделив их земли, [Гаоцзун] учредил [на них] управы общих предводителей [и] оставил [там] Лю Жэньюаня³⁷ [и] Сюэ Жэньгую³⁸, [чтобы] держать эти [земли в] покорности. Срок существования Пэкче [составил] шестьсот семьдесят восемь лет, [а] Когурё — семьсот пять лет.

[В] конце [эпохи] Силла Кунье³⁹ [поднял] мятеж в [малой] столице Пук-кён⁴⁰, [и] название [вновь основанного] государства [было] Тхэбон⁴¹, [а] Кён Хвон⁴² [поднял] мятеж в Вансане⁴³, самовольно назвав [свое государство] Поздним Пэкче⁴⁴. [После этого] Силла погибло. [На протяжении его истории в нем] взаимно передавали друг другу [власть представители] трех фамилий — Пак, Сок [и] Ким⁴⁵. Срок существования [Силла составил] девятьсот девяносто два [л. 16б] года.

Все военачальники [государства] Тхэбон возвели [на престол] [ко]рёского Основателя⁴⁶, сделал [его своим] государем. Название [нового] государства [было] Корё⁴⁷. [Тхэчжо], уничтожив [и] истребив всяческие злоупотребления, полностью объединил Три Хан [и] перенес столицу [в] Солак⁴⁸. [Когда это государство] приблизилось к [своим] закатным годам, [государь] Конмин⁴⁹ не имел [законного] наследника, [на-

³⁶ Гаоцзун 高宗 (628–683) — танский 唐 император, правивший с 649 г.

³⁷ Лю Жэньюань 劉仁願 — китайский полководец, во время завоевания Пэкче 百濟 состоявший в должности *ланцзян* 郎將 ‘молодец-командующий’ (Ким Бусик 1995: 187).

³⁸ Сюэ Жэньгуй 薛仁貴 — китайский полководец, во время завоевания Когурё 高句麗 состоявший в должности *юэцзэй дацзянцзюнь* 右威衛大將軍薛 ‘главнокомандующий Правой величаво-грозной [гвардии]’ (Ким Бусик 1995: 130).

³⁹ Кунье 弓裔 (?–918, правил с 901 г.) — побочный сын одного из последних правителей Силла 新羅, поднявший мятеж в северных областях и в 901 г. основавший там собственное государство. В 918 г. Кунье был свергнут своим военачальником Ван Коном 王建 (Ким Бусик 2002: 194–198).

⁴⁰ Столица Пук-кён 北京 — Пугвон-кён 北原京, ныне город Вончжу-си 原州市 провинции Канвон-то 江原道 (Ли Хончжик 2001: 547; Концевич 2018: 118).

⁴¹ Тхэбон 泰封 — одно из названий государства, основанного Кунье (в 901–904 гг. оно именовалось Корё 高麗, в 904–911 гг. — Мачжин 摩震, а в 911–918 гг. — Тхэбон 泰封). Территориально оно располагалось на севере Корейского полуострова, на бывших землях Когурё (поэтому в литературе оно также именуется Поздним Когурё 後高句麗).

⁴² Кён Хвон 甄萱 (?–936, правил в 892–935 гг.) — военный деятель конца эпохи Силла 新羅, основатель государства Позднее Пэкче 後百濟 (832–936) (Ким Бусик 2002: 198–207; Ирён 2018: 384–410).

⁴³ Вансан 完山 — ныне город Чончжу-си 全州市 провинции Чолла-пукто 全羅北道 (Квон Санно 1994: 447; Концевич 2018: 157). В эпоху Силла 新羅 это была область Чон-чу 全州 (Ким Бусик 2002: 80–81).

⁴⁴ Позднее Пэкче 後百濟 (892–936) — название государства, основанного Кён Хвоном 甄萱. Территориально оно располагалось в юго-западной части Корейского полуострова, на бывших землях Пэкче 百濟.

⁴⁵ Пак 朴, Сок 昔 и Ким 金 — фамилии трех правящих родов Силла 新羅, основателями которых были соответственно Пак Хёккосе 赫居世 (69 г. до н.э. — 4 г. н.э., правил с 57 г. до н.э.) (Ким Бусик 2001: 71–74; Ирён 2018: 227–232), Сок Тхархэ 昔脫解 (?–80, правил с 57 г.) (Ким Бусик 2001: 79–82; Ирён 2018: 236–241) и Ким Альчжи 金闕智 (65–?) (Ким Бусик 2001: 81; Ирён 2018: 241–242).

⁴⁶ Основатель 祖 — государь Тхэчжо 太祖, по личному имени Ван Кон 王建 (877–943, правил с 918 г.), полководец на службе Кунье 弓裔, свергший своего сюзерена и переименовавший страну в Корё 高麗. В 935 г. в состав Корё вошли бывшие земли Силла, а в 936 г. — Позднего Пэкче.

⁴⁷ Корё 高麗 — государство, существовавшее на Корейском полуострове в 918–1392 гг.

⁴⁸ Солак 松嶽 — ныне город Кэсон-си 開城市 в провинции Кёнги-то 京畿道 (Ли Хончжик 2001: 682).

⁴⁹ Конмин 恭愍 — государь Конмин-ван 恭愍王 (1330–1374), 31-й правитель государства Корё 高麗, правивший с 1351 г.

следовавший ему] лжеправитель Син У⁵⁰ [был] невежественным, грубым [и] распустившим себя, а [государь] Конъян⁵¹ не [вел себя как подобает] правителю. Тогда [Корё] пришло к гибели. Срок существования [этого государства составил] четыреста семьдесят пять лет.

[Когда] небесный мандат перешел к Истинному властителю⁵², [л. 17а] достойный августейший император Тайцзу-гаохуанди⁵³ великого [дома] Мин изволил сменить название [нашего] государства на Чосон⁵⁴. [Тхэчжо] утвердил [свои] треножки в Ханяне⁵⁵. Совершенномудрые сыновья [и] божественные внуки непрестанно следовали [в его роду один за другим]. [Они] ярко сияли [своей добродетелью и] постоянно [пребывали в] гармонии, [и] так продолжается до нынешнего [времени]. Поистине, мириады поколений [наслаждаются] безграничным покоем.

О! Хотя наша страна находится вдали, [в] захолустье [за] морем, [и] размеры [ее] земель чрезвычайно малы, [существующие в ней] этикет, музыка, законоуложение, одежды [и] шапки, [а также] произведения культуры всецело следуют образцам Цветущего [государства]. Устои человеческих [отношений] проясняются для вышестоящих, наставительное преобразование [нравов] осуществляется для нижестоящих. Красота обычаев [и] нравов вполне [л. 17б] сопоставима [с существующей в] Среднем цветущем [государстве]⁵⁶. Жители Цветущего [государства] называют нашу [страну] именем «Маленькое Среднее цветущее [государство]». Разве это не сохранившиеся [поныне следы] преобразующего [влияния] князя Цзи-цзы?

О! Вы, малые дети, должны непременно узреть, прочувствовать и глубоко воодушевиться [этим]!

Литература

- Бичурин 1950 — Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2 / Отв. ред. С.П. Толстов; ред. текста, вступит. ст., коммент. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Ирён 2018 — Ирён. Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна, вступит. ст., коммент. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: ИД «Гиперион», 2018.
- Квон Санно 1994 — Тхвегёндан Квон Санно 退耕堂 權相老. Хангук чимён ёнхёк сачжон 韓國地名沿革事典 (Словарь изменений корейских географических названий). Сеул 서울: Ихва мунхва чхульпханса 이화 문화 출판사, 1994.

⁵⁰ Син У 辛禡 — государь У-ван 禡王 (1364–1388, правил с 1374 г.), рожденный от связи государя Конмин-вана 恭愍王 со служанкой придворного Син Тона 辛屯 (называя здесь государя У-вана «Син У», корейский автор недвусмысленно намекает, что этот государь был сыном Син Тона, а не Конмин-вана).

⁵¹ Конъян 恭讓 — государь Конъян-ван 恭讓王 (1345–1394), тридцать четвертый и последний правитель государства Корё 高麗, правивший в 1389–1392 гг.

⁵² Истинный властитель 眞主 — государь Тхэчжо 太祖, по личному имени Ли Сонге 李成桂 (1335–1408, правил в 1392–1398 гг.), военачальник государства Корё 高麗, свергший государя Конъян-вана 恭讓王 и после захвата власти изменивший название страны на Чосон 朝鮮.

⁵³ Достойный августейший император Тайцзу-гаохуанди 太祖高皇帝 — император Хунью-ди 洪武帝 (1328–1398, правил с 1368 г.), основатель империи Мин 明 (1368–1644).

⁵⁴ Чосон 朝鮮 — государство, существовавшее на Корейском полуострове в 1392–1910 гг.

⁵⁵ Ханян 漢陽 — ныне Сеул.

⁵⁶ «Срединное цветущее [государство]» 中華 — в эпоху написания данного памятника образное название Китая (в качестве официальных использовались названия династий), поэтому оно переведено здесь буквально.

- Ким Бусик 1995 — *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака; отв. ред. Л.Р. Концевич. М.: Вост. лит., 1995.
- Ким Бусик 2001 — *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Силла / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001.
- Ким Бусик 2002 — *Ким Бусик*. Самгук саги. Разные описания. Биографии / Изд. текста, пер., вступит. ст., коммент., прилож. под общ. ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича; отв. ред. М.Н. Пак, Л.Р. Концевич. М.: Вост. лит., 2002.
- Концевич 2018 — *Концевич Л.Р.* Словарь географических названий Республики Корея: справочное пособие. М.: Наука — Вост. лит., 2018.
- Ли Хончжик 2001 — Чынбо сэ кукса сачжон 增補 新 國史事典 (Новый словарь отечественной истории [с] приложениями) = Encyclopedia of Korean History / Сост. Ли Хончжик 李弘植. Сеул 서울: Кёхакса 敎學社, 2001.
- Пак 1961 — *Пак М.Н.* Описание корейских племен в начале новой эры (по «Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. 1961. № 1. С. 115–138.
- Рыбаков 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.
- Сыма Цянь 1975 — *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). В 9 т. Т. 2 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. М.: Наука, ГРВЛ, 1975.
- Сыма Цянь 2001 — *Сыма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи»). В 9 т. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина; вступит. ст. М.В. Крюкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2001.
- Троцевич 2016 — *Троцевич А.Ф.* Сведения о древнем «государстве» Чин гук 辰國 и владениях Хан 韓 в китайских исторических сочинениях (опыт анализа текста) // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13. № 3 (вып. 26). С. 66–90.
- Троцевич, Гурьева 2009 — *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009.
- Хон Кимун 1963 — Сэ окпхён 새옥편 (Новый словарь иероглифов) / Ред. Хон Кимун 흥기문. Пхеньян 평양: Квахагвон чхульпханса 과학원 출판사, 1963.

References

- Bichurin, N.Ia. (Iakin). *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena*. Т. 2 [A Collection of Information on Peoples Who Inhabited Central Asia in Ancient Times. Vol. 2]. [Executive editor S.P. Tolstov; text editing, introduction and commentary by A.N. Bernshtam and N.V. Kiuner]. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950 (in Russian).
- Iren. *Ostavshiesia svedeniia [o] trekh gosudarstvakh (Samguk iusa)* [Memorabilia of the Three Kingdoms (*Samguk yusa*)]. Translation from Hanmun, introduction, commentary and indexes by Iu.V. Boltach. St. Petersburg: Hyperion, 2018 (in Russian).
- Kim Busik. *Samguk sagi. Letopisi Kogure. Letopisi Pekche. Khronologicheskie tablitsy* [Samguk sagi. Goguryeo's Records. Baekje's Records. Chronological Tables]. Text editing, translation, introduction and commentary by M.N. Pak. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian).
- Kim Busik. *Samguk sagi. Letopisi Silla* [Samguk sagi. Silla's Records]. Text editing, translation, introduction and commentary by M.N. Pak. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Russian).
- Kim Busik. *Samguk sagi. Raznye opisaniia. Biografii* [Samguk sagi. Monographs. Biographies]. Text editing, translation, introduction, commentary and appendices under the general supervision by M.N. Pak and L.R. Kontsevich. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian).

- Kontsevich, Lev R. *Slovar' geograficheskikh nazvanii Respubliki Koreia: spravocnoe posobie* [Dictionary of Place Names of the Republic of Korea]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2018 (in Russian).
- Li Hongjik 李弘植. *Jeungbo sae guksa sajeon* 增補 韓國史事典 = *Encyclopedia of Korean History*. Seoul 서울: Gyohaksa 教學社, 2001 (in Korean).
- Pak, Mikhail N. “Opisanie koreiskikh plemion v nachale novoi ery (po «San'-go chzhi»)” [Description of Korean Tribes in the Beginning of Our Era (according to “San guo zhi”)]. *Problemy vostokovedeniia* [Problems of Oriental Studies], 1961, vol. 1, pp. 115–138 (in Russian).
- Rybakov, Viacheslav M. *Tanskaia biurokratiia. Chast' 1: Genezis i struktura* [Tang Bureaucracy. Part 1: Genesis and Structure]. St. Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009 (in Russian).
- Sae okpyeon saeokpyeon* (A New Chinese-Korean Dictionary). Ed. by Hong Gimun 홍기문. Pyongyang 평양: Gwahagwon chulpansa 과학원 출판사, 1963 (in Korean).
- Syma Tsian'. *Istoricheskie zapiski* (“*Shi tsi*”) [Records of the Grand Historian (*Shiji*)]. Vol. 2. Translation from Chinese and commentary by R.V. Viatkin and V.S. Taskin; under the general supervision by R.V. Viatkin. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975 (in Russian).
- Syma Tsian'. *Istoricheskie zapiski* (“*Shi tsi*”) [Records of the Grand Historian (*Shiji*)]. Vol. 1. Translation from Chinese and commentary by R.V. Viatkin and V.S. Taskin; under the general supervision by R.V. Viatkin; introduction by M.V. Kriukov. 2nd ed. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 2001 (in Russian).
- Toegyongdang Gwon Sangno 退耕堂 權相老. *Han'guk jimyeong yeonhyeok sajeon* 韓國地名沿革事典 (A Dictionary of Changes in Korean Place Names). Seoul 서울: Ihwa munhwa chulpansa 이화 문화 출판사, 1994 (in Korean).
- Trotsevich, Adelaida F. & Gur'eva, Anastasia A. *Opisanie pis'mennykh pamiatnikov koreiskoi traditsionnoi kul'tury. II: Koreiskie pis'mennye pamiatniki v rukopisnom otele Instituta vostochnykh rukopisei Rossiiskoi akademii nauk* [Description of Manuscripts and Block-Prints of Korean Traditional Culture. Part II: Manuscripts and Block-Prints in Keeping of the Manuscript Department of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2009 (in Russian).
- Trotsevich, Adelaida F. “Svedeniia o drevnem ‘gosudarstve’ Chin guk 辰國 i vladeniakh Khan 韓 v kitaiskikh istoricheskikh sochineniiakh (opyt analiza teksta)” [Information on the Ancient “State” of Chin guk 辰國 and of the Han 韓 Domains Derived from Chinese Historical Works]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2016, vol. 13, no. 3 (iss. 26), pp. 66–90 (in Russian).

An Outline of the History of Korea in *The Primer for Children*

Iuliia V. BOLTACH

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.10.2023.

Abstract: In traditional Korea, *The Primer for Children* (*Dongmong seonseup* 童蒙先習) was a basic textbook studied in Confucian schools. It introduced students to the basics of Confucian ethics and to the main events of the history of China and Korea. The text is composed in literary Chinese and marked with Korean auxiliary verbs and affixes written in Chinese characters using the *gugyeol*

method. The Korean Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) includes a xylographic edition of this textbook (С 64), which was printed in the year *gyechuk* 癸丑 (1793 or 1853) and entered the funds of the IOM, RAS, as part of the collection of Academician M.F. Brosset (1802–1880). The paper contains the first partial Russian translation of this textbook presenting the outline of the history of Korea from ancient times to the mid-16th century. The translation is accompanied with a commentary and a brief preface.

Key words: history of Korea, study of Korean historical sources, Confucianism in Korea, traditional Korean methods of teaching, *Dongmong seonseup*.

For citation: Boltach, Iuliia V. “An Outline of the History of Korea in *The Primer for Children*”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 27–35 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627127.

About the author: Iuliia V. BOLTACH, Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (julia.boltach@gmail.com). ORCID: 0000-0001-9325-7101.

Критика учения Бхартрихари об уровнях речи в «Шивадришти» Сомананды

Е.А. ДЕСНИЦКАЯ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO625853

Статья поступила в редакцию 22.01.2024.

Аннотация: Кашмирский философ Сомананда (X в. н.э.), основатель традиции пратьябхиджня, критиковал грамматиста Бхартрихари (V в. н.э.) за отождествление «зрящей» речи *пашьянти* с Брахманом. Последующие философы школы пратьябхиджня включили учение Бхартрихари об уровнях речи в состав собственной доктрины и дополнили четвертой высшей речью (*пара вач*). Современные исследователи традиции пратьябхиджня склонны полагать, что учение о четырех уровнях речи было известно уже Бхартрихари и что Сомананда критиковал Бхартрихари потому, что был недостаточно хорошо знаком с его трудами. В статье подробно рассматривается учение об уровнях речи в «Вакьяпадии» Бхартрихари и в комментариях, а также история трансформации этого учения в работах кашмирских шиваитов. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что приписывание Бхартрихари четвертого уровня речи безосновательно, а Сомананда в своей критике верно выявил проблематичность онтологического статуса речи в лингвистической философии Бхартрихари.

Ключевые слова: Бхартрихари, Сомананда, кашмирский шиваизм, индийская лингвистическая философия, пратьябхиджня.

Для цитирования: Десницкая Е.А. Критика учения Бхартрихари об уровнях речи в «Шивадришти» Сомананды // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 36–48. DOI: 10.55512/WMO625853.

Об авторе: ДЕСНИЦКАЯ Евгения Алексеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (khecari@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7890-2061.

© Десницкая Е.А., 2024

Введение

Бхартрихари — известный индийский грамматист-философ, живший на рубеже V–VI вв., в трактате «Вакьяпадия» (далее — ВП) обобщил разнообразные учения лингвистического и лингвофилософского характера и переосмыслил их в духе лингвистического монизма. Благодаря Бхартрихари древнеиндийская традиционная грамматика (*вьякарана*) из преимущественно технической дисциплины превратилась в пол-

ноценную философскую школу, оказавшую существенное влияние на дальнейшее развитие индийской философии. В частности, значимую роль учение Бхартрихари играло в философской традиции пратьябхиджня, сложившейся в X–XI вв. в рамках кашмирского шиваизма. Представители этой школы заимствовали в свою систему и развили введенное Бхартрихари учение об уровнях речи. Об интересе к наследию Бхартрихари в Кашмире свидетельствует и то обстоятельство, что именно кашмирцы Пуньяраджа и Хелараджа в X–XI вв. написали фундаментальные комментарии ко второй и третьей книгам ВП, повлиявшие на последующие трактовки труда Бхартрихари.

В то же время отношение кашмирских авторов к учению Бхартрихари не было линейным. Основатель школы пратьябхиджня Сомананда (ок. 900 — 950)¹ был настроен к автору ВП крайне враждебно и посвятил критике философии грамматистов целую главу в своем программном трактате «Шивадришти». Критика носила весьма жесткий характер: Сомананда не только опровергал отдельные аспекты онтологического учения Бхартрихари, но и ставил под сомнение право грамматистов заниматься философией. Тем удивительнее, что непосредственный ученик Сомананды Утпаладева (ок. 925 — 975) кардинальным образом изменил отношение к Бхартрихари, стал рассматривать его в качестве одного из своих предшественников и включил в учение собственной традиции классификацию уровней речи, являвшуюся главной мишенью для критики со стороны Сомананды. Благоклонное отношение к Бхартрихари было характерно и для последующих представителей пратьябхиджни, в частности, для прославленного философа Абхинавагупты (ок. 975 — 1025).

Подобное расхождение в точках зрения внутри традиции пратьябхиджня обычно объясняют тем, что Сомананда был недостаточно хорошо знаком с учением Бхартрихари, в том числе ошибочно предполагал, что Бхартрихари вводил всего три уровня речи и отождествлял высший из них — *пашьянти* — с Абсолютом. В действительности же, по мнению Утпаладевы и его последователей, Бхартрихари постулировал существование четвертого высшего уровня речи (*пара, пара вач*), и это позволяет согласовать его воззрения с учением пратьябхиджни. Примечательно, что такое мнение разделяют и ведущие современные специалисты по философии кашмирского шиваизма Рафаэль Торелла и Джон Немес (Torrella 1994: XXVI, 120; Nemes 2011: 60). В частности, они объясняют критику Сомананды тем, что ему не был известен комментарий «Вритти» к первой книге ВП, который нередко считается принадлежащим самому Бхартрихари и в котором, по утверждению этих исследователей, в эксплицитной форме сформулировано учение о высшей речи *пара вач*.

Само по себе стремление рассматривать предшествующие учения сквозь призму собственной доктрины вполне типично для индийских интеллектуальных традиций². Ученые, специализирующиеся на кашмирском шиваизме, солидаризируются с мнением кашмирских авторов о философии Бхартрихари не в последнюю очередь потому, что современные исследования учения Бхартрихари в значительной степени опираются на интерпретации, предложенные средневековыми комментаторами (близкими к традиции кашмирского шиваизма) и авторами доксографических трактатов. Однако, если в качестве отправной точки исследования выбрать не позднейшие интер-

¹ Годы жизни авторов школы пратьябхиджня приводятся по (Nemes 2011: 2).

² Можно считать это проявлением тенденции к инклюдизму — стремлению включать чужие доктрины в состав собственного учения на иерархически подчиненном положении (Десницкая 2021; 2022).

претации, а сам текст ВП, можно с иной стороны рассмотреть вопрос о степени знакомства Сомананды с трудом Бхартрихари, а также об адекватности интерпретаций, предложенных Утпаладевой и последующими кашмирскими философами.

Онтологическое учение о языке в ВП и в комментариях

Воззрения Бхартрихари в позднейших доксографических трактатах принято характеризовать как лингвистический монизм (*шабда-адвайта*) — учение, в рамках которого слово, понимаемое как квинтэссенция речи, отождествляется с Абсолютом-Брахманом. Подобная точка зрения транслируется в значительном числе современных исследований философии Бхартрихари — например, в томе «Энциклопедии индийских философий», посвященном индийской грамматической традиции (Raja, Soward 1995: 34). Однако более пристальный взгляд на ВП, представляющую собой весьма обширное и тематически разнообразное произведение, позволяет усомниться в правомерности таких интерпретаций. Как отмечал в связи с этим вопросом голландский исследователь Ян Хубен, «если предположить, что в ВП Бхартрихари считал своей основной задачей изложение лингвистического монизма, придется признать, что он справился с этой задачей не полностью или неудовлетворительно... Попытки интерпретировать учение Бхартрихари в рамках „лингвистического монизма“ с неизбежностью оставляют без объяснения некоторые важные черты трактата» (Houben 1995: 14–15). Одна из причин для подобных сомнений заключается в том, что онтологические воззрения Бхартрихари достаточно разнородны: помимо учения о лингвистической природе Брахмана и учения о трех уровнях речи³ Бхартрихари апеллирует к буддийскому по духу представлению о языке как источнике двойственного концептуального восприятия (*кальпана, викальпа*) (Desnitskaya 2018). Притом словесная природа Брахмана и три уровня речи упоминаются в ВП однократно, в то время как понятие *викальпа* встречается регулярно.

Следует также отметить, что популярные изложения учений о лингвистическом Брахмане и об уровнях речи не согласуются с той информацией, которую можно непосредственно почерпнуть из текста ВП. Так, само выражение Шабда-Брахман («словесный/лингвистический Брахман», *śabda-Brahman*), с которым принято отождествлять онтологическое учение Бхартрихари, в тексте ВП не фигурирует⁴. В первой строфе трактата (ВП I.1) Бхартрихари характеризует Абсолют как наделенный природой *шабды* (*śabda-tattva*), однако дальнейшего развития эта мысль не получает. Более того, абсолютный характер речи в доктрине Бхартрихари вызывает сомнения. Три уровня речи перечислены в ВП I.159:

«[Грамматика] — это высшая чудесная обитель [троичной речи, разделенной на множество путей [в виде] грубой (*vaikhari*), срединной (*madhyamā*) и зрящей (*rasyantī*)]»⁵.

³ Эти два учения упоминаются по-отдельности в разных местах трактата, причем лаконичный характер соответствующих пассажей не дает достаточной информации, позволяющей считать данные концепции взаимодополняющими. Тем не менее в позднейшей традиции и в ряде современных исследований учения о лингвистической природе Брахмана и об уровнях речи обычно соединяются вместе.

⁴ Подробнее об истоках концепции Шабда-Брахмана см. (Десницкая 2023а).

⁵ *vaikharyā madhyamāyās ca rasyantīyās caitad adbhutam anekatīrthabhedāyās trayūā vācaḥ paraṃ padam.*

Отличительные особенности каждого уровня⁶ приводятся в комментарии «Вритти» (возможно, авторском). Следует подчеркнуть, что ни в строфе, ни в комментарии нет упоминаний о четвертом уровне речи, на существовании которого впоследствии настаивали кашмирские шиваиты. Единственной «зацепкой» для кашмирских интерпретаторов могла служить завершающая характеристика зрящей речи в комментарии «Вритти»:

«Высшая же форма *пашьянти* лишена неправильностей, не загрязнена и находится вне сферы обыденного словоупотребления»⁷.

Примечательно, что эту точку зрения комментатор маркирует как разделяемую лишь некоторыми учеными (*ekeṣām*). Более того, синтагму *paraṃ tu* можно перевести и как противительный союз «но, однако». В этом случае предложение будет переводиться как: «Но форма *пашьянти* лишена неправильностей...», и тогда утверждения о четвертом уровне речи в комментарии «Вритти» становятся безосновательными. Субкомментатор Вришабхадева (VII в. н.э.), судя по всему, придерживался именно такой позиции, поскольку о высшей форме *пашьянти* не упоминал. Если все же предположить, что автор «Вритти» допускал существование двух форм *пашьянти*, то из приводимой характеристики не следует, что он приписывал высшей из них абсолютный статус⁸. Возможно, речь идет об очищенной от неправильных или диалектных форм речи, которая не связана со сферой обыденного узуса (*loka*) и потому — в соответствии с известной уже из «Махабхашьи» оппозицией *loka-veda* — относится к сфере ритуальной деятельности (*veda*), по умолчанию лишенной отклонений от нормы. Дополнительных пояснений или эксплицитного противопоставления «зрящей» речи ее гипотетической высшей форме ни в комментарии, ни в субкомментарии Вришабхадевы не содержится.

Это в особенности бросается в глаза в связи с тем, что комментатор цитирует знаменитую строфу из «Ригvedы» РВ I.164.45: «На четыре части размерена Речь...»⁹. Данная цитата могла бы послужить отличным поводом для введения четвертого уровня речи, отсутствующего в ВП I.159, однако комментатор о нем не упоминает и предлагает иную интерпретацию. Он отмечает, что невыразимая троичная речь лишь одной своей четвертью проявляется среди людей: они используют ее небольшую часть, тогда как остальная речь выходит за пределы узуса (*sāmānya-vyavahārātīta*)¹⁰. Таким образом, в глазах комментатора трехуровневое деление в ВП и четырехчастная конструкция из РВ не изоморфны, и попытка их совместить выглядит не вполне убедительно.

О том, что Бхартрихари не допускал существования четвертого уровня речи, свидетельствует и «Махабхашья-дипика» — комментарий Бхартрихари к трактату грамматиста Патанджали «Махабхашья» (ок. II в. до н.э.). Патанджали, обосновывая необходимость изучать грамматику, также цитирует РВ I.164.45, правда, отождествляет упомянутые там четыре четверти с четырьмя частями речи, приводимыми в «Нирук-

⁶ Подробнее об уровнях речи см. (Десницкая 2023б: 136).

⁷ *paraṃ tu paśyantī-rūpam anapabhraṃśam asaṃkīrṇam loka-vyavahārātītam*.

⁸ На такой интерпретации настаивает С. Айер (Iyer 1969: 144).

⁹ *catvāri vāk parimitā padāni...*

¹⁰ *saiṣā trayī vāk caitanya-granṭhi-vivartavad anākhyeya-parimāṇā turīyeṇa manuṣyeṣu pratyavabhāṣate. tatrāpi cāsyāḥ kiṃcid eva vyavahārikam, anyat tu sāmānya-vyavahārātītam* (Iyer 1966: 220).

те» Яски¹¹. Бхартрихари в своем комментарии к соответствующему пассажиру, в свою очередь, не упоминает про уровни речи — что само по себе ожидаемо, поскольку, как было сказано выше, данная концепция лишь однократно фигурирует в ВП. Примечательно, что грамматист Кайята (ок. XI — XII вв.) в комментарии к «Махабхашье» также не упоминает об уровнях речи. Эксплицитное отождествление четырех четвертей речи из ведийского гимна и четырех уровней речи встречается лишь в комментарии Нагешы (XVIII в. н.э.)¹², а вне грамматической традиции — четырьмя столетиями ранее в «Ригведа-бхашье» Саяны (Torella 1994: 121).

Отсутствие такого напрашивающегося сопоставления в более ранних произведениях можно считать признаком того, что для Бхартрихари, для автора комментария «Вритти» (в случае если мы считаем его отличным от Бхартрихари), а также для Кайяты конструкция из четырех уровней речи не выглядела чем-то само собой разумеющимся. Не упоминает о четвертом уровне речи и субкомментатор к первой канде ВП Вришабхадева¹³. А поскольку в кариках ВП эксплицитно упомянуты только три уровня речи, это дополнительный аргумент в пользу того, что четвертый уровень речи (*пара вач*) грамматистам был неизвестен. Далее, при обсуждении критики учения Бхартрихари в «Шивадришти» Сомананды станет понятно, почему этот вопрос имеет принципиальное значение.

Критика учения Бхартрихари в «Шивадришти»

Трактат Сомананды «Шивадришти» (*Śivadr̥ṣṭi*) (далее — ШД) — основополагающий труд школы пратьябхиджня и первое собственно философское произведение кашмирского шиваизма, прежде являвшегося герметичной тантрической традицией. Импульс, заданный в ШД, позволил кашмирским шиваитам занять значимое место в истории индийской философии. Однако, как отмечает Джон Немес, целевой аудиторией Сомананды оставались посвященные в тантру, и это в значительной степени определяет используемый в трактате стиль аргументации и рассматриваемые темы (Nemes 2011: 13–19). Критике учения грамматистов посвящена целиком вторая глава ШД, следующая непосредственно за первой, излагающей основы учения шиваизма. С точки зрения содержания данную главу можно охарактеризовать как наиболее «философскую» в теологическом по преимуществу трактате. Сам по себе выбор грамматиста Бхартрихари в качестве объекта для ожесточенной критики со стороны тантрика и теолога Сомананды может показаться неожиданным. Дж. Немес предположил, что подлинными оппонентами для автора ШД могли выступать представители какой-то тантрической школы, чтившие *шакти* в образе богини речи и использовавшие

¹¹ Примечательно, что в самой «Нирукте» в ином контексте тоже приводится строфа РВ I.164.45, но в комментарии к ней Яска соотносит четыре четверти речи с тремя Ведами и повседневной речью людей (Joshi, Roodbergen 1986: 54–55).

¹² *padajātāni parā-paśyanī-madhyamā-vaikharyaḥ, nāmādīni ca. nāmādi-madhye ca ekaikaṃ caṣṭṣ-pādam* (цит. по: Joshi, Roodbergen 1986: xii): «Четыре части речи — это *пара, пашьянти, мадхьяма* и *вайкхари*, а также имя и прочие [части речи]. Среди имени и прочих [частей речи] каждое также поделено на четыре части».

¹³ В своей интерпретации РВ I.164.45 он недвусмысленно следует Яске: «Вследствие разделенности на имя, глагол и пр. в четырехчастной [речи] людям доступна одна четверть от каждого [типа слов]. Три же [оставшиеся части доступны] мудрым» (*nāmākhyātādi-bhedāc catur-vidhāyām api pratya-kaṃ caturtho bhāgo manuṣyeṣu bhāsate. trayas tu manīṣiṇām eveti*) (Iyer 1966: 220).

идеи грамматической философии для обоснования собственных взглядов (Nemes 2011: 68).

Критические высказывания Сомананды в адрес грамматистов можно свести к трем основным тезисам:

- 1) грамматисты необоснованно считают речь онтологической сущностью и ошибочно отождествляют «зрящую» речь *пашьянти* с Брахманом;
- 2) грамматисты ошибочно считают мир феноменов иллюзорным;
- 3) грамматику вообще не следует считать самостоятельной философской школой.

Из этих трех тезисов второй не находит подтверждения в тексте ВП, а третий, очевидно, является оценочным суждением. Пристального рассмотрения заслуживает первый тезис, тем более что его обсуждению посвящена большая часть второй главы, начиная с первых строф:

«2.1. То, что мы считаем силой познания, имеющей форму Садашивы¹⁴, у почтенных грамматистов это — *пашьянти*, высшее состояние [речи]¹⁵.

2.2: Они [грамматисты] говорят так: высший Брахман, безначальный и нерушимый, — это слог [*Ом*] в звучащем облике. Это *пашьянти*, высшая речь»¹⁶.

Вторая строфа представляет собой парафраз ВП I.1¹⁷, однако Сомананда дополняет ее отсылкой к учению об уровнях речи, которое сам Бхартрихари вводит лишь в ВП I.159. Стоит отметить, что позиция Бхартрихари относительно онтологического статуса *пашьянти* была неопределенной, а возможно, и намеренно уклончивой. Из утверждения о том, что *пашьянти* — высшая из трех уровней речи, не следует, что Бхартрихари считал ее тождественной Брахману, наделенному словесной/звучащей природой. Возможно, такого воззрения придерживались те тантрические последователи Бхартрихари, против которых Сомананда направлял свой полемический пыл. Вместе с тем предложенный Соманандой синтез двух концепций, по-отдельности представленных в ВП, сам по себе вполне естественен. Энциклопедический или антологический текст ВП достаточно аморфен, и читатель, желающий представить воззрения Бхартрихари в виде целостной системы, волей-неволей вынужден проводить сопоставления и сравнивать отдельные части трактата.

В то же время следует помнить, что авторы индийских полемических произведений не стремились к беспристрастной и объективной репрезентации учений своих оппонентов. Обычной практикой была реинтерпретация чужих аргументов с целью выявления их несообразности и внутренней противоречивости. Такими методами не пренебрегал и Сомананда, отмечавший, например, что речь можно считать органом действия, подобным руке или ноге (ШД 2.13), либо же акустическим звуком, вроде шума океанских волн (ШД 2.36), поэтому нет смысла рассуждать о ее онтологическом статусе. Сомананда также подвергал критике само название «зрящей» речи. Он подчеркивал, что процесс зрения подразумевает, что у речи должен быть объект,

¹⁴ Третья градация проявления Шивы (третья *тамтва*) в учении Кашмирского шиваизма.

¹⁵ athāsmākaṃ jñānaśaktir yā sadāśivarūpatā
vayākaraṇasādhūnām paśyanti sā parā sthitiḥ.

¹⁶ ity āhuḥ te paraṃ brahma yad anādi tathākṣayam
tad akṣaraṃ śabdārūpaṃ sā paśyanti parā hi vāk.

¹⁷ anādinidhanam brahma śabdatattvaṃ yad akṣaram
vivartate 'rthabhāvena prakriyā jagato yataḥ.

Подробнее об этой строфе см. (Десницкая 2023б: 136).

а это противоречит представлению о том, что *пашьянти* как высший уровень речи пребывает вне субъект-объектных различений (ШД 2.2.1 ab):

«Глагольный корень ‘видеть’ переходный (= обладает объектом), поэтому скажите: что *пашьянти* видит?»¹⁸

Развивая эту мысль, Сомананда последовательно опровергает предположения о том, что *пашьянти* созерцает саму себя, а не отличные от нее объекты (ШД 2.40); что, пребывая в настоящем, она способна видеть будущее (ШД 2.47); имеет в качестве объекта неопределенное универсальное знание (ШД 2.48–49) или сама созерцает себя, будучи свободной от внутренних различий (ШД 2.52). В связи с тем что *пашьянти* доступна человеку в опыте, Сомананда задается вопросом о ее локусе: пребывает ли она в теле человека или же где-то вовне (ШД 2.41)?

Современные исследователи школы пратьяхиджня Р. Торелла и Дж. Немес предполагают, что Сомананда критиковал Бхартрихари потому, что был недостаточно хорошо знаком с его трудом — в частности не читал комментариев «Вритти» к первой канде ВП, авторство которого традиция приписывает самому Бхартрихари и в котором, по мнению указанных исследователей, сформулировано учение о четвертом высшем уровне речи (*пара вач*). Утпаладева же и последующие представители школы пратьяхиджня были избавлены от подобных заблуждений и потому не критиковали Бхартрихари, а инкорпорировали его учение о четырех уровнях речи в собственную доктрину (Torella 1994: XXVI, 120; Немес 2011: 60–64).

Характерно, что подобная точка зрения воспроизводит традиционную аргументацию самих кашмирских шиваитов, стремившихся представить Бхартрихари в качестве одного из своих предшественников и продемонстрировать согласованность его учения с собственным. Как было показано выше, комментарий «Вритти» — независимо от того, как решать вопрос о его авторстве, — не содержит убедительных свидетельств в пользу четвертого уровня речи. И даже гораздо более поздние грамматисты не были знакомы с четырехчастной конструкцией. Поэтому критика Сомананды была вызвана не его недостаточным знакомством с учением Бхартрихари, а скорее принципиальными разногласиями в понимании онтологического статуса речи. Далеко не все возражения Сомананды выглядят обоснованными и в полной мере могут быть соотношены с лаконичной репрезентацией *пашьянти* в тексте ВП. И в то же время следует признать, что его критика выявляет потенциально слабое место в лингвистической онтологии Бхартрихари — неопределенный статус речи, которая, с одной стороны, связывается с Брахманом, а с другой стороны, предстает источником двойственности и именуется концептуальным конструированием (*кальпана/викальпа*)¹⁹.

Сам по себе вопрос о степени знакомства автора ШД с трактатом Бхартрихари остается открытым. Сомананда ссылается лишь на строфы из первой канды, что, впрочем, может объясняться тем, что именно этот онтологический раздел представлял для него наибольший интерес или же активно использовался в учении той тантрической школы, с которой он полемизировал. Помимо парафраза ВП I.1 в ШД 2.2 Сомананда в ШД 2.9–2.11 приводит и дословные цитаты из трактата Бхартрихари. Из этих стрóf ШД 2.9 воспроизводит ВП I.1. ШД 2.10 представляет собой контамина-

¹⁸ *dr̥ṣīḥ sakarmako dhātuḥ kiṃ paśyantīti kathyatām.*

¹⁹ Подробнее о проблематичности лингвистического абсолютизма в философии Бхартрихари см. (Десницкая 2023б).

цию из двух источников: первая строчка воспроизводит ВП I.131ab (na so'sti pratyauo loke yaḥ śabdānugamād ṛte), тогда как вторая происходит из строфы, которая приводится в «Майтраяния-упанишаде» 6.22 (śabda-brahmaṇi niṣṇātaḥ paraṃ brahmādhigacchati) (Buitenen 1962: 143). Возможно, подобное смешение строф бытовало в устной тантрической традиции²⁰. ШД 2.11ab воспроизводит ВП I.167ab — строку из строфы, которую традиционно принято относить к субкомментарии «Вритти»²¹.

Уровни речи в учении Утпаладевы и его последователей

Ученик Сомананды Утпаладева не разделял критический настрой своего учителя в отношении Бхартрихари, а, напротив, стремился подчеркнуть связь философии грамматистов с собственным учением. Это объясняется не просто желанием представить школу пратьябхиджня продолжением авторитетной грамматической традиции. С одной стороны, представление о речи как сущности, репрезентированной на различных уровнях мироздания, проистекало из ведийского мифоритуального мировоззрения, к которому так или иначе исторически восходили и философия грамматистов, и шиваитская тантрическая традиция. С другой стороны, Утпаладева апеллировал к учению Бхартрихари о неразрывной связи языка и мышления для опровержения учения буддийских логиков, настаивавших на принципиальном отличии «чистого» восприятия от умозаключения и иных «логических» форм познания (Torella 1992; 1994: XXV).

В отличие от Сомананды, предпочитавшего — в духе учения санкхьи — рассматривать речь как орган действия, Утпаладева подчеркивает включенность речи во все формы познавательной деятельности. В комментарии к ШД 2.1 он отмечает (правда, в гипотетическом ключе), что во «Вритти» к ВП I.159 можно усмотреть допущение существования высшей формы *пашьянти*:

«Если все же у *пашьянти* есть высшая форма...»²²

Впрочем, подлинной целью Утпаладевы была не апология Бхартрихари, а утверждение собственной доктрины. Поэтому в «Ишварапратьябхиджня-кариках» 1.5.13 он без обиняков формулирует свое видение высшей речи, отождествляя ее с предельной субъектностью и сознанием как высшей формой Шивы:

«Сознание по своей природе рефлексивно (pratyavamarśātmā). Это высшая речь (parā vāk), возникающая самопроизвольно (svarasoditā). Это абсолютная свобода, независимость (aiśvarya) высшей субъектности»²³.

²⁰ Дж. Немес считает ШД 2.10cd цитатой из «Махабхараты» (Шантипарва. 12.224.60cd) (Nemes 2011: 154), однако «Майтраяния-упанишада», несомненно, может считаться более ранним источником.

²¹ С. Айер на этом основании заключает, что Сомананда считал «Вритти» неотъемлемой частью ВП (Iyer 1969: 21). Это противоречит тезису Дж. Немеса о том, что Сомананда не знал «Вритти». Впрочем, в свете отмеченной выше контаминации строф из различных источников в ШД 2.10, с уверенностью можно говорить лишь о том, что все приводимые цитаты были известны Сомананде как принадлежащие наследию грамматистов.

²² param aṇi hi rūpaṃ yadi paśyantyā[h]... (Nemes 2011: 305).

²³ citiḥ pratyavamarśātmā parā vāk svarasoditā

svātantryam etan mukhyaṃ tad aiśvaryaṃ paramātmanaḥ (Torella 1994: 23).

Бхартрихари вряд ли согласился бы с подобным определением речи — хотя бы уже потому, что вопросы о природе субъектности и индивидуального или универсального сознания в ВП не рассматриваются²⁴. И в то же время примечательно, что ключевые для учения пратьяхиджни понятия сознания (*prakāśa*) и рефлексии (*vimarśa*) впервые фигурируют в ВП I.132²⁵. Впрочем, смысл этих терминов в ВП несомненно отличался от того, который вкладывали в них кашмирские шиваиты, и интерпретировать ВП I.132 в духе учения пратьяхиджни возможно, только прибегая к герменевтическим уловкам²⁶.

Свидетельства о расхождении между тремя уровнями речи у Бхартрихари и четырехуровневой схемой, принятой в учении пратьяхиджни, можно обнаружить и в трудах последующих кашмирских авторов. Так, ученик Утпаладевы Рамакантха отождествлял с *шабда-таттва* Брахманом именно высшую речь *пара вач*, а «зрящую» *пашьянти* считал лишь эманацией высшей речи, силой познания (*jñāna-śaktiḥ*)²⁷. Еще более показателен пример Кшемараджи (конец X — начало XI в.), который в трактате «Пратьяхиджняхридая» при изложении учения грамматистов об уровнях речи воспроизводит трактовку Сомананды из в ШД 2.1:

«Грамматисты, полагающие, что основа субъектности (*ātma-tattva*) наделена природой звучащего Брахмана (*Śabda-brahma-maya*) в облике зрящей речи (*paśyantī*), ошибаются, принимая [за нее] *таттву* Садашивы»²⁸.

Совсем иначе Кшемараджа излагает аутентичное для школы пратьяхиджня учение о высшей речи:

«И тогда высшая (*parā*) сила речи, неотличимая от света сознания (*cit-prakāśa*), имеющая форму постоянно звучащей *мантры*, состоящая из осознания полноты *Я* (*pūrṇāhaṃ-vimarśamayī*), служащая основой для круга неизмеримых сил от *акшары* 'а' до *акшары* 'kṣa', посредством уровней *пашьянти*, *мадхьяма* и др. проявляется в роли познающего субъекта (*grbhaka-bhūmikv*)»²⁹.

Используемая Кшемараджей терминология, в частности, упоминание тантрического круга слогов-*акшар*³⁰, недвусмысленно указывает на то, что здесь он излагает

²⁴ Об отсутствии понятия Атмана в ВП см. (Bronkhorst 1995). В свете общей ориентации монистических учений веданты на обсуждение природы Атмана, позиция Бхартрихари выглядит нарочитой. Можно предположить, что она была вызвана нежеланием вступать в спор с буддистами, в отношении которых Бхартрихари придерживался отчетливо компромиссной позиции.

²⁵ *vāgrūpatā cet utkrāmed avabodhasya śāśvatī na prakāśaḥ prakāśeta sā hi pratyavamarśinī.*

²⁶ Примером такой апостериорной интерпретации строф Бхартрихари сквозь призму учения кашмирцев, несомненно, является (Iyer 1969: 106–107).

²⁷ *atra brahma-paryāya-śabda-tattvayā pārameśvaram rūpaṃ nirdiṣtam. tad iyam parā śaktir eva svamārga-sthā jñātā tathā samyak-pratipanna-svabhāvā satī sampūrṇāṃ siddhim upapādayatīty uktam. seyam eva vaikharī-rūpatām āpannā puruṣa-prāṇa-parispandādhīmābhivyaktikatvāt sthūlā kriyā-śaktiḥ, ity apī kvacid ukta. tat-pūrvā ca madhyamā vāk icchā-śaktiḥ, tat-pūrvā ca paśyantī jñāna-śaktiḥ iti (Chatterji 1913: 153).*

²⁸ *Śabda-brahmamayaṃ paśyantī-rūpaṃ ātma-tattvam iti vaiyākaraṇāḥ śrī-sadā-śiva-padam adhyāsitāḥ (Singh 1980: 67).*

²⁹ *tathā hi cit-prakāśāt avyatiriktā nityodita-mahā-mantra-rūpā pūrṇāhaṃ-vimarśamayī yeyaṃ parā-vāk-chaktiḥ ādi-kṣānta-rūpāśeṣa-śakti-cakra-garbhīṇī sā tāvat paśyantī-madhyamādi-krameṇa grāhaka-bhūmikāṃ bhāsayati (Singh 1980: 79).*

³⁰ Подробнее см. (Иванов 2014: 135–138).

именно учение своей школы, без каких-либо отсылок к Бхартрихари. Очевидно, что Кшемараджа (вслед за Утпаладевой и в отличие от Сомананды) воспринимал учение об уровнях речи не как инновацию, а как неотъемлемую часть учения школы пратьябхиджня, не требующую ни опровержения, ни дополнительного обоснования. При этом он осознавал различие между трехуровневой моделью грамматистов и четырехуровневой моделью, принятой в собственной школе, и не видел смысла его затушевывать. В отличие от Сомананды, Утпаладева и его последователи отказались от критики Бхартрихари и инкорпорировали элементы его учения в собственную доктрину, дополнив это учение четвертым уровнем речи. Однако в понимании оригинального учения Бхартрихари об уровнях речи они в целом солидарны с Соманандой, хотя, разумеется, не склонны явно артикулировать расхождения между текстом ВП и дальнейшим развитием идей трактата в рамках собственного учения.

Заключение

Таким образом, расхожее представление о том, что Сомананда неверно трактовал учение грамматической философии об уровнях речи и что Утпаладева и его последователи вернулись к изначальному пониманию лингвистической онтологии Бхартрихари, не соответствует действительности. В ВП I.159 и в первичном комментарии к этой строфе перечислены лишь три уровня речи. Онтологический статус высшей речи *пашьянти* эксплицитно не обозначен, и нет оснований предполагать, что Бхартрихари допускал существование четвертого уровня речи, либо же отождествлял *пашьянти* с Абсолютом. Автор ВП сохраняет в этом вопросе отчетливую недоговоренность, и нельзя не признать, что критика Сомананды — несмотря на ее нарочитую тенденциозность — выявляет именно это внутреннее противоречие в учении грамматической философии.

Утпаладева, в отличие от Сомананды, воспринимал Бхартрихари не как соперника, но как союзника, к авторитету которого удобно прибегать в ходе полемики с буддистами. Однако и он осознавал проблематичность лингвистической онтологии Бхартрихари и потому, включив три уровня речи в философию собственной традиции, дополнил их четвертой недвойственной *пара вач*. Само это дополнение свидетельствует, что Утпаладева был солидарен с Соманандой в том, что *пашьянти* не тождественна Абсолюту, однако решал этот вопрос по-своему: вместо того чтобы критиковать Бхартрихари, модифицировал его учение, согласовав с положениями собственной школы. Последующие представители школы пратьябхиджня (например, Кшемараджа) считали концепцию четырех уровней речи неотъемлемой частью собственной доктрины, но также осознавали ее отличие от оригинального учения Бхартрихари. Поэтому можно констатировать, что разрыв между Соманандой и последующими представителями пратьябхиджни в интерпретации учения Бхартрихари об уровнях речи не столь радикален, как это принято трактовать в исследовательской литературе.

Современные исследователи Бхартрихари склонны рассматривать его онтологическое учение сквозь призму позднейших кашмирских интерпретаций — именно этим объясняется акцент на учении об уровнях речи, которое в строфах ВП упоминается лишь однократно. В трудах Утпаладевы и его последователей структура уровней речи предстает в более разработанном виде, и, в отличие от Сомананды, авторы этих трудов были склонны считать Бхартрихари не соперником, но единомышленником. Од-

нако это не является достаточным основанием для ретроспективного отождествления учения ВП с его кашмирскими модификациями, тем более что Утпаладева и его последователи, очевидно, не стремились воспроизвести учение Бхартрихари в исходном виде. Напротив, следуя духу инклюзивизма, характерному для индийских интеллектуальных учений, они адаптировали и переосмысливали учение об уровнях речи, согласовывая его с базовыми постулатами собственной традиции. Анализ карик ВП и комментариев, а также исторического контекста лингвистической онтологии Бхартрихари, позволяет предположить, что Сомананда в своей (пусть во многом и тенденциозной) критике был ближе к изначальному пониманию учения об уровнях речи в ВП, чем его последователи.

Литература

- Десницкая 2021 — Десницкая Е.А. Инклюзивизм как категориальное средство в работах Пауля Хакера и Герхарда Оберхаммера // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 191–200. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-191-200.
- Десницкая 2022 — Десницкая Е.А. Инклюзивизм, перспективизм и плюралистические тенденции в истории индийской культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 2. С. 342–352. DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-2-342-352.
- Десницкая 2023а — Десницкая Е.А. Истоки представления о Шабда-Брахмане // Asiatica: Труды по философии и культурам Востока. 2023. Т. 17. № 1. С. 64–79.
- Десницкая 2023б — Десницкая Е.А. Лингвистический абсолютизм в «Вакьяпади» Бхартрихари // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 10: Востоковедение. С. 132–142. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-10-132-142.
- Иванов 2014 — Иванов В.П. «Атомизм» в звуковых построениях индийской тантры // Вопросы философии. 2014. № 6. С. 132–142.
- Bronkhorst 1995 — Bronkhorst J. Studies on Bhartṛhari, 7: Grammar as the Door to Liberation // Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. 1995. Vol. 76. No. 1. P. 97–106.
- Buitenen 1962 — Buitenen J.A.B. van (ed.). The *Maitrāyaṇīya* Upaniṣad: A Critical Essay with Text, Translation and Commentary. Hague: Mouton, 1962.
- Chatterji 1913 — Chatterji J.C. (ed.). Rāmakaṇṭha. Spandakārikāvivṛti. Srinagar: KSTS, 1913.
- Desnitskaya 2018 — Desnitskaya E. Language and Extra-linguistic Reality in Bhartṛhari's *Vākya-padīya* // Sophia. 2018. Vol. 57(4). P. 643–659. DOI: 10.1007/s11841-018-0645-x.
- Houben 1995 — Houben Jan E.M. The *Saṃbandha-Samuddeśa* (Chapter on Religion) and Bhartṛhari's Philosophy of Language. Groningen: Egbert Forsten, 1995.
- Iyer 1966 — Iyer K.A.S. (ed.). *Vākya-padīya* of Bhartṛhari with the Commentaries Vṛtti and Paddhati. Kāṇḍa I. Poona: Deccan College, 1966.
- Iyer 1969 — Iyer K.A.S. Bhartṛhari: A Study of the *Vākya-padīya* in the Light of the Ancient Commentaries. Poona: Deccan College, 1969.
- Joshi, Roodbergen 1986 — Joshi S.D., Roodbergen J.A.F. (eds). Patañjali's *Yākarāṇa-Mahābhāṣya*. Paspāśhnika. Poona: University of Poona, 1986.
- Nemec 2011 — Nemec J. The Ubiquitous Śiva. Vol. I: Somānanda's *Śivadrṣṭi* and His Tantric Interlocutors. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Raja, Coward 1995 — Raja K.K., Coward H.G. The Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. 5: The Philosophy of the Grammarians. Delhi: Motilal Banarsidass, 1995.
- Singh 1980 — Singh J. (ed.). Pratyabhijñāḥṛdayam: The Secret of Self-recognition. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1980.
- Torella 1992 — Torella R. The Pratyabhijñā and the Logical-Epistemological School of Buddhism // Goudriaan T. (ed.). Ritual and Speculation in Early Tantrism: Studies in Honor of André Padoux. Albany: State University of New York Press, 1992. P. 327–345.

Torella 1994 — Torella R. (ed.). *The Īśvarapratyabhijñākārikā of Utpaladeva with the Author's Vṛtti: Critical Edition and Annotated Translation*. Roma: Istituto italiano per il medio ed estremo oriente, 1994 (Serie Orientale Roma. T. 71).

References

- Bronkhorst, Johannes. “Studies on Bhartṛhari, 7: Grammar as the Door to Liberation”. *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute*, 1995, vol. 76, no. 1, pp. 97–106 (in English).
- Buitenen, Johannes A.B. van (ed.). *The Maitrāyaṇīya Upaniṣad: A Critical Essay with Text, Translation and Commentary*. Hague: Mouton, 1962 (in Sanskrit).
- Chatterji, J.C. (ed.). *Rāmakaṇṭha. Spandakārikāvivṛti*. Srinagar: KSTS, 1913 (in Sanskrit).
- Desnitskaya, Evgeniya A. “Language and Extra-linguistic Reality in Bhartṛhari's Vākyapadīya”. *Sophia*, 2018, vol. 57(4), pp. 643–659 (in English). DOI: 10.1007/s11841-018-0645-x.
- Desnitskaya, Evgeniya A. “Inkluzivizm kak kategorial'noye sredstvo v rabotakh Paula Hackera I Gerharda Oberhammera” [Inclusivism as a Conceptual Means in the Works by Paul Hacker and Gerhard Oberhammer]. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 5, pp. 191–200 (in Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-191-200.
- Desnitskaya, Evgeniya A. “Inkluzivizm, perspektivizm i pluralisticheskie tendentsii v istorii indiiskoi kultury” [Inclusivism, Perspectivism and Pluralistic Tendencies in the History of Indian Culture]. *RUDN Journal of Philosophy*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 342–352 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-2-342-352.
- Desnitskaya, Evgeniya A. “Istoki predstavleniia o Shabda-Brahmane” [The Origin of Śabda-Brahman]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kulturam Vostoka*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 64–79 (in Russian).
- Desnitskaya, Evgeniya A. “Lingvisticheskii absolutizm v ‘Vākyapadīi’ Bhartṛhari” [Linguistic Absolutism in Bhartṛhari's Vākyapadīya]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 132–142 (in Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-10-132-142.
- Houben, Jan E.M. *The Saṃbandha-Samuddeśa (Chapter on Religion) and Bhartṛhari's Philosophy of Language*. Groningen: Egbert Forsten, 1995.
- Ivanov, Vladimir P. “‘Atomizm’ v zvukovikh postroeniyakh indijskoi tantry” [“Atomism” in Sonic Concepts of Hindu Tantra]. *Voprosy filosofii*, 2014, no. 6, pp. 132–142 (in Russian).
- Iyer, K.A. Subramania (ed.). *Vākyapadīya of Bhartṛhari with the Commentaries Vṛtti and Paddhati. Kāṇḍa I*. Poona: Deccan College, 1966 (in Sanskrit).
- Iyer, K.A. Subramania. *Bhartṛhari: A Study of the Vākyapadīya in the Light of the Ancient Commentaries*. Poona: Deccan College, 1969 (in English).
- Joshi, Shivram Dattatray & Roodbergen, Jouthe Anthon Fokko (ed.). *Patañjali's Vyākaraṇa-Mahābhāṣya. Paspasāhnikā*. Poona: University of Poona, 1986 (in Sanskrit).
- Nemec, John. *The Ubiquitous Śiva. Vol. I: Somānanda's Śivadṛṣṭi and His Tantric Interlocutors*. Oxford: Oxford University Press, 2011 (in English).
- Raja, K. Kunjuni & Coward, Harold G. *The Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. 5: The Philosophy of the Grammarians*. Delhi: Motilal Banarsidass, 1995 (in English).
- Singh, Jaideva (ed.). *Pratyabhijñāhṛdayam: The Secret of Self-recognition*. Delhi: Motilal Banarsidass Publ., 1980 (in Sanskrit).
- Torella, Raffaele. “The Pratyabhijñā and the Logical-Epistemological School of Buddhism”. In: Goudriaan, T. (ed.). *Ritual and Speculation in Early Tantrism: Studies in Honor of André Padoux*. Albany: State University of New York Press, 1992, pp. 327–345 (in English).
- Torella, Raffaele (ed.). *The Īśvarapratyabhijñākārikā of Utpaladeva with the Author's Vṛtti: Critical Edition and Annotated Translation*. Roma: Istituto italiano per il medio ed estremo oriente, 1994 (Serie Orientale Roma. T. 71) (in Sanskrit).

Somānanda's Critique of Bhartṛhari's Doctrine of the Levels of Speech

Evgeniya A. DESNITSKAYA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 22.01.2024.

Abstract: Somānanda, a famous Kashmiri philosopher of the 10th century CE and the founder of the Pratyabhijñā tradition, criticized Bhartṛhari's view that the *paśyantī* speech was identical to Brahman. Later Pratyabhijñā philosophers adopted Bhartṛhari's doctrine of the three levels of speech and added a fourth level — the Supreme Speech (*parā vāc*). Modern scholars of Pratyabhijñā usually believe that Bhartṛhari was aware of the fourth level of speech and that Somānanda criticized him because he did not know his works properly. The article describes the doctrine of speech levels in Bhartṛhari's *Vākyaṇadīya* and in the commentaries, as well as the evolution of this doctrine in the works of Kashmiri philosophers. No traces of the fourth level of speech can be found in Bhartṛhari's work. It can be suggested that Somānanda in his critique highlighted the ambiguous ontological status of speech in Bhartṛhari's linguistic philosophy.

Key words: Bhartṛhari, Somānanda, Kashmiri Shaivism, Indian linguistic philosophy, pratyabhijñā.

For citation: Evgeniya A. Desnitskaya. "Somānanda's Critique of Bhartṛhari's Doctrine of the Levels of Speech". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 36–48 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO625853.

About the author: Evgeniya A. Desnitskaya, Cand. Sci. (Philosophy), Researcher, Section of South Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (khecari@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7890-2061.

Этническая группа *загава* Судана и Чада: кланы и традиционная знать

И.В. ГЕРАСИМОВ

Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург, Россия

Н.А. ДОБРОНРАВИН

Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург, Россия

АБД АР-РАХМАН АБД АЛ-ВАХАБ НУР АД-ДАИМ САИД

Университет аз-Заима ал-Азхари
Хартум, Судан

DOI: 10.55512/WMO627280

Статья поступила в редакцию 12.02.2024.

Аннотация: Представленная статья освещает вопросы истории изучения значительного народа *загава* в Судане и Чаде, а также его социальных структур и различных кланов, составляющих эту этническую группу. Работы по истории кланов *загава* довольно редки в отечественной науке, тогда как значение этой группы и ее влияние на общественную и политическую жизнь становятся все более заметными. Существенную трудность при определении иерархии кланов *загава* составляет выделение «исконных» субэтносов, в отличие от кланов, чуждых *загава* по происхождению. Более того, наименования, которые используются соседними народами для обозначения *загава*, создают определенную проблему, поскольку названия данной этнической группы у других народов бывают крайне противоречивыми и расплывчатыми. Разные кланы *загава* имеют собственные исторические традиции и разные представления о клановой иерархии. В работе анализировались труды исследователей на русском, европейских и арабском языках, а также сведения, собранные в ходе встреч с представителями различных кланов *загава*.

Ключевые слова: *загава*, Чад, Судан, кланы, санусийа.

Для цитирования: Герасимов И.В., Добронравин Н.А., Абд ар-Рахман Абд ал-Вахаб Нур ад-Даим Саид. Этническая группа *загава* Судана и Чада: кланы и традиционная знать // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 49–60. DOI: 10.55512/WMO627280.

Об авторах: ГЕРАСИМОВ Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия) (igorfarouh@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5592-3505.

ДОБРОНРАВИН Николай Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой политики, факультет международных отношений СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия) (n.dobronravin@spbu.ru). ORCID: 0000-0002-4248-5857.

Абд ар-Рахман Абд ал-Вахаб Нур ад-Даим САИД, кандидат экономических наук, первый проректор университета аз-Заима ал-Азхари (Хартум, Судан) (dr.abdelrahman@gmail.com).

Судан является большим полиэтническим государством, история которого во многом зависела и зависит до настоящего времени от кланов и племен арабского и неарабского происхождения. Многие народы в западных районах Судана имеют родственные кланы и племена в соседних странах. Это обстоятельство позволяет представителям племен легко перемещаться из одной страны в другую и взаимодействовать между собой, прежде всего в экономической и политической сферах. При этом родственные связи служат прочным основанием для любой формы сотрудничества. К таким народам относится этническая группа *загава*.

Загава — один из относительно немногочисленных народов Сахары и Сахеля. Его представители как в прошлом, так и в настоящее время играют важную роль в политической жизни двух крупных государств — Судана и Чада, претендуя на ведущие позиции в государственных органах и оказывая военно-политическое влияние на другие страны региона. Народ *загава* находится в центре внимания многих простых суданцев и политических деятелей страны, поскольку считается, что его представители чрезвычайно активны в своих действиях не только в некоторых штатах Судана, прежде всего в Дарфуре, где от них зависит формирование союзов и коалиций в противостоянии с соседними народами и правительственными организациями, но и в соседнем Чаде, где они, по сути, и составляют политическую элиту. О кланах *загава* за рубежом написано много, но почти нет работ сравнительного характера. В нашей стране труды по истории *загава* еще довольно немногочисленны, также недостаточно изучены их социальные структуры, клановая иерархия, локальные особенности в сферах религии, образования и фольклора.

Цель данной статьи — обобщить информацию о *загава*, их клановой иерархии и традиционных лидерах, представленную в научной литературе. Также использовались данные, полученные авторами от информантов-*загава*, прежде всего в Судане и Чаде.

Британский колониальный чиновник Гарольд Мак-Майкл, вероятно впервые собравший различные этнонимы, обозначающие этот народ, писал: «Форы называют их *мерида* (Mérida), *мидоби* (мейдоб), *кебади* (Kébádi), тама (и зренга) используют этноним *куйук* (Kuyuk), а они сами называют себя *берри* (Berri): однако в диалектах *дагу* (даджу) они представлены как *загава* (Zagáwa). *Биргид* используют форму *зауге* (Zaugé)» (MacMichael 1922: 57). Скорее всего, не все подобные названия сохранились до настоящего времени; к примеру, *биргид* почти полностью перешли на арабский язык и стараются использовать те же этнонимы, что и их соседи-арабы.

Из личной беседы с представителем *загава* Абд ал-Мун'имом Абдаллахом в августе 2023 г., стало известно, что в наши дни многие суданцы из западных районов страны также предпочитают называть *загава берри*. Вместе с тем, насколько могли судить авторы данной статьи, в разговоре на арабском или английском языке, а также в официальных названиях своих объединений сами *загава* обычно используют широко распространенный экзотоним *загава*. В социальных сетях встречается и название *бери*.

Основная территория расселения *загава-берибе* (букв. «дом бери»), возможно, калька с арабского названия «дар *загава*») находится на северо-востоке Чада и в соседнем суданском регионе Дарфур (в основном в штате Северный Дарфур). Согласно переписи 2009 г., *загава* (“Zaghawa (Bideyat/Kobé)”) насчитывали 252 921, или 2,4% населения Чада. Отдельно учитывались «иностранные этносы», к которым были отнесены суданские *загава-тур*. На языке *загава* в Чаде тогда говорили 3,1% населения (République du Tchad 2013). В Судане «племена», объединенные в более крупные

«племенные группы», учитывались лишь в переписи 1955/1956 гг. В те годы *загава* составляли 60 тыс., или 0,6% населения (Area Handbook 1973: 74). В связи с отделением Южного Судана процентное соотношение этнических групп в Республике Судан изменилось, но *загава* по-прежнему составляют меньшинство во всех штатах страны, в том числе и в регионе Дарфур.

Сообщения об истории этого племени уходят в первые века ислама, когда о его существовании писали ранние арабские географы и историки.

В арабской литературе этноним *загава* упоминался еще в IX в. Ибн Кутайба (213/828–276/889) указал, ссылаясь на Вахба б. Мунаббиха: «И родил Хам Куша ибн Хама, Кан'ана ибн Хама и Фута ибн Хама... Что же касается Куша и Кан'ана, то племена черных — *нуба, зиндж, каран, загавы, хабаши, копты и берберы* — произошли от детей их обоих» (Арабские источники 1960: 21).

Ал-Идриси (1100–1165) в своем труде «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям») демонстрирует прежде всего знакомство с землями к западу от Нила в районе современного Дарфура. Он упоминает народы *загава* и *таджувийуна*, характеризуя их как огнепоклонников, а также народ *беджа* (История Африки 1990: 309–310).

Совсем немного сведений о Судане приводит произведение Ибн Саида (1214–1274 или 1286) «Китаб джуграфия фи-л-акалим ас-саб'а» («Книга географии относительно семи климатов»). Даны лишь сведения о нахождении Донголы в градусах по широте и долготе, а также упомянуты населявшие Дарфур *таджувийцы* и *загава* (История Африки 1990: 330).

Краткая информация о нубийцах, их войске и распространении среди них христианства содержится у ал-Харрани (ум. 1295). В его произведении «Китаб джами' ал-фунун ва салват ал-махзун» («Книга собрания наук и утешение опечаленного»), как и в более ранних источниках, повторяется сообщение о *загава* и *таджувийцах* (Арабские источники 2002: 287).

Европейские сведения о *загава* относятся к концу XVIII в. У.Дж. Браун, посетивший Дарфур, писал о чернокожих жителях страны: «Первые, кого я увидел, называются *зегава*; они не негры, а отдельная раса» (Browne 1799: 165). Путешественник также слышал, что *загава* «когда-то составляли отдельное королевство, чей вождь отправлялся на поле боя с тысячей всадников, как говорят, из числа своих собственных подданных»; они говорят на особом диалекте, а их султан «зависит от Фура» (Browne 1799: 285, 469). Затем от Мухаммада ат-Туниси в Европе узнали о Дарфуре и *загава* (al-Tunisi 2020). В сочинении о его путешествии в Дарфур, в частности, упоминается Мухаммад Санджак, *малик* области Сувайни, с комментарием, что *загава* — «одно из великих племен черных, а суданцы называют вождя *маликом*» (al-Tunisi 2020: 85).

В 1860 г. французский путешественник Г. Лежан посетил населенный *загава* горный массив Хараза в Кордофанае. Он писал: «Жители этой горы, а также некоторые жители Каймара называют себя *зеравы* и говорят на особом языке, который не является ни нубийским, ни куджара¹ Дарфура. Словарный запас их языка мог бы помочь что-то узнать о происхождении этого маленького народа, который, должно быть (как и *зеруа* в Дарфуре), был остатком важной империи Зерава (Зегава), которая во времена Эдриси² и его последователей занимала весь восточный Судан до реки Нил. Я почти убежден, что *зеруа* были тиббу...» (Lejean 1865: 302). В 1869 г. Густав Нахтигаль по-

¹ Видимо, опечатка; речь идет о языке куджара (*фор*).

² ал-Идриси.

сетил Тибести и Вадаи. В его книге «Сахара и Судан» были впервые подробно описаны *бидейат*, которых он считал одним из племен союза *загава* (Нахтигаль 1987). В ходе европейского завоевания Дарфура и соседних областей Сахары и Сахеля развивалось изучение истории и обычаев *загава* в Великобритании и Франции, носившее в основном прикладной характер.

В России первое упоминание о *загава* на русском языке появилось, вероятно, в 1840 г. в журнале «Библиотека для чтения» (по сочинению Мухаммада ат-Туниси во французском переводе Перрона): «Множество мелких государств зависят от Дарфура. На севере лежит провинция Загава, земля обширная и населенная, управляемая особым султаном, который в сравнении с султаном дарфурским просто губернатор» (Путешествие шерифа Мухаммеда 1840: 102). Затем о *загава* и их соседях писал, опираясь на мнение Г. Лежана, профессор Киевской духовной академии А.В. Розов (Розов 1890: 294).

В советский период о *загава* обычно упоминали в работах по истории Африки, опиравшихся на издания арабских источников (Арабские источники 1960; Киселев 1985: 118–139). В исследованиях по истории и этнографии Судана этому народу почти не уделялось внимания, в отличие от племен суданского Юга, в связи с многолетним конфликтом, который привел к образованию независимого Южного Судана.

В наши дни о *загава* помимо ученых Судана и Чада пишут во Франции, Германии, Норвегии и других странах, в основном в связи с конфликтом в Дарфуре. Доколониальной историей Дарфура, включая изучение документов, в которых упоминаются *загава*, много лет занимался Шон О'Фахи. Самые известные исследователи этнографии *загава* в XX — начале XXI в. — французские ученые Жозеф, Мари-Жозе и Жером Тубиана. Научный «клан» Тубиана работал на севере Чада и в Дарфуре с 1950-х годов. С докладами о своей работе Ж. Тубиана выступал и в нашей стране — в Москве и Ленинграде. В 1965 г. была опубликована статья М.-Ж. Тубиана о полевых исследованиях в Чаде. В переводе этой статьи есть неточности, например, *бидейат* вместо правильного *бидейат*; отмечается, что исследователи посетили пять кланов: *кобе*, *капка*, *киже*, *диронг* и *гуруф*; вместо несуществующего *киже* следует читать *киге* (Тубиана 1965: 134–139). В 1979 г. были опубликованы переводы сказок *загава*, собранных Ж. и М.-Ж. Тубиана (Сказки народа *загава* 1979).

После 1991 г. в России, как и за рубежом, о *загава* обычно писали в связи с ситуацией, возникшей в Дарфуре (Костелянец 2014). Также вышли в свет несколько работ, посвященных фольклору *загава* и их языку (Бондарев 1999; Суетина 2016; Старостин 2017). В 2022 г. был опубликован русский перевод воспоминаний беженки из Дарфура, точнее, ее «роман-исповедь», написанный в соавторстве с британским журналистом (Башир, Луис 2020).

В целом представления об истории и культуре *загава* в России не соответствуют роли этого народа в истории Сахары и Сахеля. *Загава* отличаются от некоторых других народов этого обширного региона, прежде всего по форме этнической идентичности, включающей самоназвание (эндоэтноним) *бери*. В отличие от *загава*, такие сахарские общности, как *туареги* и *даза*, не имеют собственного этнонима и пользуются только описательными выражениями («тамашекофоны», «говорящие на даза»), либо европейскими или арабскими названиями — соответственно *туареги/таварик* и *горан*.

Арабы, а за ними и европейцы различают собственно *загава* и *бидейат*. Однако и те и другие называют себя *бери* и в основном говорят на одном языке. Некоторые

группы *загава*, включая уже упоминавшихся ранее жителей Кордофана, полностью перешли на арабский язык. Часть *бидейат* теперь говорят на языке *даза* и близки к соседям (*даза* и *теда*, или *тубу*) по своему образу жизни. Вероятно, это сходство привело к тому, что *загава* иногда описывают в литературе как часть *тубу*. В некоторых работах одновременно рассматриваются фольклор и история *теда*, *даза* и *загава* (Tubiana 2007).

Загава, как уже отмечалось, живут не только в Чаде и Судане, но и в соседней Ливии. В литературе и СМИ встречается мнение, что изначально предки этого народа кочевали в Фецане, но из-за изменений климата, вторжения иноземцев, внутренних политических коллизий они сместились к югу и закрепились на тех территориях, где проживают и в настоящее время. Научных исследований по истории и этнографии *загава* в Ливии, по-видимому, не проводилось; обычно представители этого народа упоминаются в связи с действиями дарфурских вооруженных движений и миграцией из стран Африки в Европу.

Вплоть до египетского завоевания Судана в 1821 г. *загава*, находившиеся на дарфурском отрезке дороги в Египет, известной как «дарб ал-'арба'ин» («сорокадневный путь»), постоянно взаимодействовали с арабами долины Нила. Согласно исторической традиции Дарфура, сохранившейся до сих пор, его границы доходили до современного Омдурмана; что, возможно, дало основание современным исследователям, высказывать точку зрения, что *загава* не только торговали с долиной Нила, но и внесли свою лепту в падение христианского государства Алва и возвышение султаната в Сеннаре (ад-Дали 2013: 24). Данное мнение вызывает большие сомнения и может основываться лишь на сообщениях отдельных представителей *загава*. Каких-либо упоминаний о *загава* в связи с конфликтами в долине Нила в конце XV — начале XVI в. пока не обнаружено.

Основу социальной структуры, согласно европейской научной и политической традиции, составляют так называемые кланы. Сами *загава* используют заимствования из арабского языка (тирга, нафар), либо говорят о *бие-а* (на языке *бериа*, букв. «рот дома», очевидно, калька с арабского диалектного *хишм ал-байт*). В литературе упоминается много этнонимов *загава* с суффиксом *-da /-ra /-ta*, обычно образованных от географических названий³. Иногда это, вероятно, не названия кланов, а катойконимы (названия жителей района, деревни, стоянки кочевников). Некоторые этнонимы, скорее всего, представляют собой следы ассимиляции пришлых групп и утратили прежнее значение. В списке, который составил чадский исследователь Закария Фадул Хидир, насчитывается более 100 названий различных субэтносов (“fractions, sous-fractions, clans et sous-clans”) (Khidir 2016: 25–29).

Исследователи и сами *загава* различают от трех до семи, но чаще пять больших кланов с различной степенью политического влияния и экзогамии (Tubiana 1985). Например, в одном из вариантов тремя основными ветвями *загава* называют *ваги* (воги, веги), *бидейат* (туба, или тоба) и *кобе* (кубара); в другом — *ваги*, *бидейат*, *кобе*, *борогат*, *диронг-гуруф* (в латинской транслитерации, которую использовал Осман Абдуллахи ат-Тум: “Wagi, Bedayat/Toba, Kobi/Kubara, Burogat, Dirong-Groff”) (El Tom 2014: 1). Названия кланов могут различаться в разных диалектах языка *бериа*. Следу-

³ См., например: *kúbé* ‘человек из Кубе’ — *kúbá-rá* ‘люди из Кубе’, *gúríf* ‘человек из местности Гуруф’ — *gúríf-tà* ‘люди из местности Гуруф’, *diron* ‘человек из местности Диронг’ — *diron-da* ‘люди из местности Диронг’ (Суетина 2016: 272). В этих примерах речь идет и о кланах (кобе, гуруф, диронг).

ет также отметить, что *борогат* в европейской научной литературе обычно считают одной из ветвей *бидейат*, наиболее близкой по культуре к *даза*.

Этнограф и политолог Жером Тубиана придерживается классификации, согласно которой в состав *воги* входят шесть «вождеств»: Дар Гала, Дар Туэр, Музбат («независимый от Дар Туэр с 1995 г.), Дар Артадж, Дар Суэйни и Дар Бейре (Tubiana 2008). При таком подходе речь идет уже не столько о родстве, сколько об определенной территории или, согласно дарфурской традиции, о *хавакир*, землях кланов/племен, в основном разграниченных в колониальную эпоху.

По мнению суданского исследователя ат-Тиджани Мустафы Мухаммада Салиха, «*загава* разделены на четыре соседних *дара* (территории), известных как Дар Туэр, Дар Гала, Дар Кобе и Дар Артадж. Население Анка и Бейре также относится к *загава*, но в административном отношении оно подчиняется Кайтинга, соседнему административному образованию со времен правления султана Ахмада Дауры в султанате форов. Каждый *дар* представляет собой в некоторой степени отдельную лингвистическую область, поскольку *кубара* (*кобе*), *унай* (*артадж*), *веги* (*туэр* и *гала*) и *туба* (*бидейат*) говорят на разных различных диалектах. *Дары* названы в честь гор, вокруг которых жили предки-основатели основных кланов, населявших каждый *дар*, когда они впервые прибыли в этот район. За исключением нескольких случаев в Дар Туэр и Дар Гала, кланы *дара* не претендуют на общего предка. Символ клана — его тамга...» (El Tigani 1988: 23–24).

Фуад Ибрахим считает основными ветвями *загава* группы *туэр* (со столицей в Ум Бару), *кобе* (с центром в Тина) и *бидейат* (в Чаде). По его мнению, в суданской части *Дар загава* существует семь территорий под управлением традиционной администрации, различающихся по численности населения — Дар Галла (глава — *шартай*, центр — Карной), Дар Туэр (глава — *малик*), Дар Бери (*малик* в Диса, или Бери), Дар Кобе (султан), Дар Артадж (*малик*, центр — Ум Хараз), Дар Сувайни (*малик*, ад-Дор) и Дар Кабка (султан в Тундубайа) (Ibrahim 1997: 274).

Суданский лингвист Идрис Йусуф Ахмад Мухаммад также насчитывает шесть *хавакир загава* в Дарфуре, но уже с другими названиями и, очевидно, границами — Дар Гала, Дар Фуравийа, Дар Кайтинга, Дар Кобе, Дар Кабка и Дар Артадж (Идрис 2016: 234).

Знакомство с различными списками кланов оставляет впечатление, что *кобе* и *бидейат* занимают в них особое место. *Кобе* — крупнейший клан *загава*. С колониальных времен *кобе* одновременно возглавляют два султана — в Ириба (Чад) и в суданской части г. Тина, разделенного государственной границей. *Бидейат* отличаются от других *загава* по образу жизни (более близкому к *даза*) и сохранению доисламских традиций (их исламизация проходила уже после появления в области Эннеди тариката санусийя в XIX в.). Упоминание других субэтносов как основных или ведущих кланов *загава*, скорее всего, зависит от того, к какому из них принадлежит сам исследователь. Возможно, перечисление *хавакир* связано и с тем, что в ходе конфликта в Дарфуре многие *загава* покинули свои земли, на которых поселились сторонники режима Омара ал-Башира (в основном, арабы из племени *ризейкат*, а также представители других групп населения, лояльных по отношению к правительству), и это необходимо для утверждения их прав на отторгнутые территории.

На протяжении столетий некоторые кланы *загава*, как и кочевники-арабы, прежде всего соседние *ризейкат*, подчинялись властям Дарфура лишь формально. Султаны, выдвинувшиеся из одного из субэтносов фор и возводившие свое происхождение

к арабам, воевали с *загава*. Несмотря на военные кампании, они в то же время стремились породниться с главами кланов — своих оппонентов. Нестабильность в султанате сохранялась вплоть до его присоединения к владениям Египта (1821) и восстания махдистов во второй половине XIX в. Часть *загава*, в том числе и из влиятельного клана *кобе*, подчинялись не Дарфуру, а соперничавшему с ним соседнему султанату Вадаи; *бидейат* в районе Эннеди находились под влиянием тариката санусийя, но фактически не подчинялись ни сануситам, ни султанатам. В наследие от того периода у жителей Дарфура осталось высказывание, произнесенное в личной беседе с представителем *загава* Абд ал-Мун'имом 'Абдаллахом, из которого видно их отношение к *загава*: «Нет войны в Дарфуре без участия форов, и нет побед в войнах без племени *загава*».

У каждого большого ответвления *загава* в Судане есть собственная традиционная администрация (*ал-идара ал-ахлиййа*), официально признанный глава клана и совет (*шура*). Обычно во главе клана находится *малик* либо *шартай*, а иногда *султан*. В доколониальную эпоху иногда также использовался титул *баси*, обычно принадлежавший знати из клана *кейра* народности *форов*. Последний султан независимого Дарфура даровал этот титул главе клана *авлад диггайн (загава)* в области Дар Туэр (O'Fahey, Abu Salim 1983: 149). Глава большого клана традиционно совмещал функции политического лидера, военного вождя и председателя совета глав менее крупных кланов. В колониальный период британские чиновники вмешивались в процесс передачи власти и фактически превратили традиционную администрацию в часть государственного аппарата, необходимую для поддержания порядка и сбора налогов. В независимом Судане такая система сохранялась до 1970-х годов, когда традиционная администрация была упразднена при президенте Дж. Нимейри. В 1990-х годах режим «спасения» во главе с президентом Омаром ал-Баширом восстановил прежний статус глав кланов, но, как и в колониальный период, фактически сохранил контроль за передачей власти. У *султана*, *малика* или *шартая* теперь есть (или должен быть) собственный большой дом, где проводятся совещания и принимают гостей.

Кланы *загава* делятся на линиджи (*эркаби* на языке *барее*, в арабской терминологии — *'ашира*, мн.ч. *'аша'ир*). Группа семей (*'а'ила*) или домов (*байт*), число которых обычно составляет от 25 до 35, образует еще одно звено в традиционной иерархии — *лухма* (ад-Дали 2013:27). Согласно другой точке зрения, следующий за *эркаби* элемент социальной системы и расселения *загава* — «группа хижин, обычно окруженных колючей изгородью, которая отделяет ее от других домохозяйств. *Загава* называют ее *доро*. В идеале в него входят семья из нескольких жен одного мужчины и семьи его женатых сыновей» (El Tigani 1988: 38). Самой малочисленной ячейкой общества *загава* является семья (*усра*, *'а'ила*, в языке *барее* — «мисагу лаккой»), которая состоит из мужа, жены и их детей.

Во главе линиджа обычно стоит *омда*. Этот термин, заимствованный из египетской административной практики, был введен в Дарфуре в колониальную эпоху и сохранился после провозглашения независимости Судана (1956). Тот же или менее значимый статус имеет *шейх*. В то же время термин *шейх* используется и в широком смысле, например, когда в некоторых официальных документах требуется ответить на вопросы «из какого вы племени?» и «кто ваш шейх?».

Важную роль у *загава* играют выходцы из «благородного сословия», которых обозначают словом *димлидж* (мн.ч. *дамалидж*, букв. «браслет», по их традиционному символу). В доколониальный период им принадлежала власть над территориями *дим-*

лиджийя. Выше в политической иерархии находилась *шартайя* — область, которой управлял *шартай*. Всего на севере Дарфура было примерно 12 *шартайя*, которыми в конечном счете управлял представитель знати с титулом *таканави*, а затем *макдум*, подчинявшийся султану Дарфура (O'Fahey, Abu Salim 1983: 6). Традиционно для *димлидж*, видимо, была характерна эндогамия; представители других «сословий» не допускались до сближения со знатью. В условиях усиления централизации в султанате Дарфур в период XVI–XVIII вв. «правлящая элита при всем доминировании форов, постепенно становилась более интернациональной. Как минимум два султана родились в смешанных браках между форами и *загава*» (Герасимов 2018: 111). Это было показателем готовности *загава* к выходу за пределы узкоклановых традиций брака и свидетельствовало о стремлении участвовать, если не сказать доминировать, в политической жизни государства. В колониальный период социальная структура с некоторыми изменениями получила закрепление британскими властями. Например, в начале 1940-х годов у *загава туэр* была введена система административного правления, в которой центральное место принадлежало правителю-*малику*, затем следовало сословие *димлидж*, а часть управленческих функций возлагалась на *омду*. Всего на территории Дар Туэр было образовано 12 административных единиц.

Говоря о высшем или, иначе, правящем слое следует иметь в виду, что положение в нем достигалось в прошлом не самим человеком благодаря его заслугам, а по рождению. В этом смысле наблюдается сходство между кланами *загава* и кланом *набатаб* у племени беджа *бани амир*. Выходца из благородной семьи *загава* можно узнать по добавленному к имени слову *аббо* (в переводах — *эмир*, принц). Суданская народная этимология возводит слово «аббо» к арабскому отец (*аб*). Однако история этого термина, возможно, не связана с заимствованием из арабского языка. Что касается самих *загава*, то в воспоминаниях Сулеймана Бушары утверждается, что титул *аббо* есть только у них (El Tom 2014: 22–23). В действительности это слово известно не только у *загава*, но и у некоторых других народов Чада. Оно же использовалось как титул в историческом регионе Канем-Борно. К Борно и в наши дни возводят свое происхождение некоторые семьи и кланы *загава*.

В настоящее время знатное происхождение учитывается и в плане сохранения памяти о прошлом, и в политической жизни, поскольку старые и влиятельные кланы играют важную роль в социально-политической жизни у *загава*. В то же время, как уже упоминалось, современное суданское государство взяло на себя ряд ролей, ранее принадлежавших правителям. В начале XXI в., особенно после падения режима «спасения», заметно выросла роль традиционных лидеров как посредников в разрешении конфликтов, в том числе и между кланами. Однако на практике наиболее влиятельные руководители вооруженных движений и государственных силовых структур, в том числе и *загава* (независимо от их происхождения), обладают военными и финансовыми возможностями, достаточными для того, чтобы привлечь на свою сторону представителей традиционной администрации.

Литература

Арабские источники 1960 — Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и переводы Л.Е. Куббеля и В.В. Матвеева. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

- Арабские источники 2002 — Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. М.: Вост. лит., 2002.
- Башир, Луис 2020 — *Башир Х. Луис Д.* Слезы пустыни. СПб.: Аркадия, 2020.
- Бондарев 1999 — *Бондарев Д.Г.* Женщины загава: Сказка. Ритуал. Социум // Астарта. Культурологические исследования из истории древнего мира и средних веков: проблемы женственности. Вып. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 130–158.
- Герасимов 2018 — *Герасимов И.В.* История и культура Судана XVI–XIX вв. СПб.: Галерея Печати, 2018.
- История Африки 1990 — История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия / Сост. С.Я. Берзина и Л.Е. Куббель. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.
- Киселев 1985 — *Киселев Г.С.* Загава древнего Судана // Мероэ. История, история культуры и языки стран Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна. 1985. Вып. 3. С. 118–139.
- Костелянец 2014 — *Костелянец С.В.* Дарфур: история конфликта. М.: Ин-т Африки РАН, 2014.
- Нахтигаль 1987 — *Нахтигаль Г.* Сахара и Судан. Результаты шестилетнего путешествия по Африке / Пер. с нем. М.: Наука, ГРВЛ, 1987.
- Олейников 1974 — *Олейников И.* Современные бери — африканский народ на границе Чада и Судана // Реферативный журнал «География». 1974. Вып. 5. С. 52.
- Путешествие шерифа Мухаммеда 1840 — Путешествие шерифа Мухаммеда, тунисского уроженца, в Судан // Библиотека для чтения. 1840. Т. 42. С. 101–109.
- Розов 1890 — *Розов А.В.* Христианская Нубия: Историко-критическое и церковно-археологическое исследование А. Розова. Ч. 1. Источники для истории христианства в Нубии. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890.
- Сказки народа загава 1979 — Сказки народа загава // Осень в горах: Восточный альманах. Вып. 7. М.: Худ. лит., 1979. С. 663–683.
- Старостин 2017 — *Старостин Г.С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 3. Нило-сахарские языки. М.: Языки славянской культуры, 2017.
- Суетина 2016 — *Суетина Ю.Г.* Об именной морфологии в сахарских языках // Исследования по языкам Африки. Вып. 6. М.: Ключ-С, 2016. С. 269–275.
- Тюбиана 1965 — *Тюбиана М.Ж.* Работа экспедиции Музея Человека (Париж) в районе озера Чад // Советская этнография. 1965. № 1. С. 134–139.
- Area Handbook 1973 — Area Handbook for the Democratic Republic of Sudan. Washington: U.S. Government Printing Office, 1973.
- Browne 1799 — *Browne W.G.* Travels in Africa, Egypt, and Syria: From the Year 1792 to 1798. London: Printed for T. Cadell Junior and W. Davies... and T.N. Longman and O. Rees, 1799.
- Ibrahim 1997 — *Ibrahim F.N.* Observations on the Mobility of the Zaghawa of Northern Darfur, Sudan // *Ibrahim F., Ndagala D., Ruppert H.* (eds). Coping with Resource Scarcity. Case Studies from Tanzania and the Sudan. Bayreuth: Naturwissenschaftliche Gesellschaft Bayreuth, 1997. P. 274–287.
- Khidir 2016 — *Khidir Z.F.* Anthropologie des populations tchadiennes. Les Béri du Tchad. Paris: L'Harmattan, 2016.
- Lejean 1865 — *Lejean G.* Voyage au Haraza // Nouvelles annales des voyages, de la géographie, de l'histoire et de l'archéologie. 1865. Vol. 1. P. 300–313.
- MacMichael 1922 — *MacMichael.* A History of the Arabs in the Sudan. And Some Account of the People who Preceded Them and of the Tribes Inhabiting Darfur. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1922.
- O'Fahey, Abu Salim 1983 — *O'Fahey, R. Sean, M.I., Abu Salim.* Land in Dar Fur: Charters and Related Documents from the Dar Fur Sultanate. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- République du Tchad 2013 — République du Tchad. Deuxième recensement général de la population et de l'habitat (RGPH2, 2009). Analyse thématique des résultats définitifs. État et structures de la population. N'Djamena: INSEED, 2013.
- El Tigani 1988 — *El Tigani Mustafa Mohamed-Salih.* Social Stratification among the Zaghawa Muslim Community in the Sudan. MPhil Thesis, University of St Andrews, 1988. <http://hdl.handle.net/10023/15375>.

- El Tom 2014 — *El Tom A.O.* The Zaghawa Aptitude for Commerce: A Biography of Bushara Suleiman Nour of Darfur, Sudan. Trenton: The Red Sea Press, 2014.
- Tubiana 2007 — *Tubiana J.* Contes Toubou du Sahara. Paris: L'Harmattan, 2007.
- Tubiana 2008 — *Tubiana J.* Land and Power: the Case of the Zaghawa. 28 May 2008. <https://africanarguments.org/2008/05/land-and-power-the-case-of-the-zaghawa/>.
- Tubiana 1985 — *Tubiana M.J.* Des troupeaux et des femmes: mariage et transferts de biens chez les Beri (Zaghawa et Bideyat) du Tchad et du Soudan. Paris: L'Harmattan, 1985.
- al-Tunisi 2020 — *al-Tunisi M.* In Darfur: An Account of the Sultanate and Its People. 2 vols. New York: New York University Press, 2020.
- Биршам 2014 — *Биршам Н.М.* Асл ва та'рих ша'б аз-загава [Происхождение и история народа загава]. [Б.м.]: Дар гариб ли-т-тиба'а, 2014.
- ад-Дали 2013 — *ад-Дали ал-Хади ал-Мабрук.* Каба'ил аз-загава. 'Умк ат-та'рих ва-ваки' ал-джуграфийа [Племена загава. Глубины истории и географические реалии]. Тараблус: Марказ ал-бухус ва-д-дирасат ал-ифрикийа. Либия, 2013.
- Идрис 2016 — *Идрис Йусуф Ахмад Мухаммад.* Лугат ал-фур (фуранг били) ва-л-'алака ма'а ба'д ал-лугат ал-инсанийа [Язык форов (фуранг били) и связи с некоторыми живыми языками]. Хартум, 2016.

References

- Arabskie istochniki VII–X vekov po etnografii i istorii Afriki iuzhnee Sakhary. Podgotovka teksta i perevody L'va E. Kubbelia i Viktora V. Matveeva* [Arab Sources of the 7th–10th Centuries on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa. Preparation of the Text by Lev E. Kubbel', Viktor V. Matveev]. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960 (in Russian).
- Arabskie istochniki XIII–XIV vekov po etnografii i istorii Afriki iuzhnee Sakhary* [Arab Sources of the 13–14th Centuries on the Ethnography and History of Sub-Saharan Africa]. Vol. 4. Moscow: Izdatel'skaya firma Vostochnaya literatura RAN, 2002 (in Russian).
- Area Handbook for the Democratic Republic of Sudan.* Washington: U.S. Government Printing Office, 1973 (in English).
- Bashir, Khalima & Lewis, Damien. *Sliozы pustyni* [Tears of the Desert]. St. Petersburg: Arkadiya, 2020 (in Russian).
- Birsham, Nurain Miawi. *Asl ya ta'rikh sha'b al-zagawa* [The History and Roots of the Zaghawa People]. Dar garib li-l-tiba'a [Printing House al-Garib], 2014 (in Arabic).
- Bondarev, Dmitriy G. "Zhenshiny Zagava: Skazka. Ritual. Sotsium" [Zaghawa Women: Fairy Tale. Ritual. Society]. In: *Astarta. Kul'turologicheskie issledovaniya iz istorii drevnego mira i srednikh vekov: Problemy zhenstvennosti. Vyp. 1* [Cultural Studies from the History of the Ancient World and the Middle Ages. Problems of Femininity. Iss. 1]. St. Petersburg: Izdatelstvo SPbGU, 1999 (in Russian).
- Browne, William George. *Travels in Africa, Egypt, and Syria: From the year 1792 to 1798.* London: Printed for T. Cadell junior and W. Davies... and T.N. Longman and O. Rees, 1799 (in English).
- 'ad-Dali, al-Hadi al-Mabruk. *Qaba'il al-zagawa. 'Umq al-ta'rikh ya yaqi' al-jugrafiyya* [Zaghawa Tribes. The Depths of History and Geographical Realities]. Markaz al-buhus ya ad-dirasat al-Ifriqiyya. Tarablus: Libiya [Center for African Studies]. Tripoli: Libiya, 2013 (in Arabic).
- Gerasimov, Igor V. *Istoria i kul'tura Sudana XVI–XVIII vekov* [The History and Culture of Sudan in the 16–18th Centuries]. St. Petersburg: Galereia pečati, 2018 (in Russian).
- Ibrahim, Fouad N. "Observations on the Mobility of the Zaghawa of Northern Darfur, Sudan". In: Ibrahim F. & Ndagala D. & Ruppert H. (eds.). *Coping with Resource Scarcity. Case Studies from Tanzania and the Sudan.* Bayreuth: Naturwissenschaftliche Gesellschaft Bayreuth, 1997, pp. 274–287 (in English).
- Idris, Yusuf Ahmad Muhammad. *Lugat al-Fur (furang bili) wa-l-'alaqa m'a ba'd al-lugat al-insaniyya.* [The Fur Language and Its Relations with Some Human Languages]. Hartum, 2016 (in Arabic).

- Istoriia Afriki v drevnikh i srednevekovykh istochnikakh* [The History of Africa in Ancient and Medieval Sources]. Khrestomatiya. Sostaviteli Svetlana Ya. Berzina i Lev E. Kubbel [Anthology. Compiled by S.Ya. Berzina and L.E. Kubbel]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 1990 (in Russian).
- Khidir, Zakaria Fadoul. *Anthropologie des populations tchadiennes. Les Béri du Tchad*. Paris: L'Harmattan, 2016 (in English).
- Kiseliov, Grigorii S. "Zagawa drevnego Sudana" [Zaghawa of Ancient Sudan]. In: *Meroe. Istorია, istoria kul'tury i iazyki stran Severo-Vostochnoi Afriki i Krasnomorskogo basseina*. [Meroe. History, Cultural History and Languages of the Countries of Northeast Africa and the Red Sea Basin], 1985, vol. 3, pp. 118–139 (in Russian).
- Kostelianets, Sergei V. *Darfur: istoriya konflikta* [Darfur: A History of the Conflict]. Moscow: The Institute of Africa (RAN), 2014 (in Russian).
- Lejean, Guillaume. "Voyage au Haraza". *Nouvelles annales des voyages, de la géographie, de l'histoire et de l'archéologie*, 1865, vol. 1. pp. 300–313 (in English).
- MacMichael, H.A. *A History of the Arabs in the Sudan. And Some Account of the People who Preceded Them and of the Tribes Inhabiting Darfur*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1922 (in English).
- Nakhtigal, Gustav. *Sakhara i Sudan. Rezul'taty shestiletнего puteshestviia po Afrike* [Sahara and Sudan. The Results of a Six-year Journey through Africa]. Transl. from German. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 1987 (in Russian).
- O'Fahey, Abu Salim & O'Fahey, R. Sean & M.I. Abu Salim. *Land in Dar Fur: Charters and Related Documents from the Dar Fur Sultanate*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983 (in English).
- "Puteshestvie sherifa Mukhammeda, tunisskogo urozhentsa, v Sudan" [The Journey of Sherif Mohammed, a Tunisian Native, to Sudan]. *Biblioteka dlia chtenia* [Library for Reading], 1840, vol. 42, pp. 101–109 (in Russian).
- République du Tchad. Deuxième recensement général de la population et de l'habitat (RGPH2, 2009)*. Analyse thématique des résultats définitifs. État et structures de la population. N'Djamena : INSEED, 2013 (in French).
- Rozov, Aleksei V. *Khristianskaya Nubia: Istoriko-kriticheskoe i tserkovno-arkheologicheskoe issledovanie A. Rozova. Ch. 1. Istochniki dlia istorii khristianstva v Nubii* [The Christian Nubia: Historical-Critical and Church-Archaeological Research by A. Rozov. Part 1. Sources for the History of Christianity in Nubia]. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo, 1890 (in Russian).
- "Skazki Naroda Zagawa" [Fairy Tales of the Zaghawa People]. In: *Osen' v gorakh: Vostochnyi Almanakh*. [Autumn in the Mountains: An Oriental Almanac]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1979, iss. 7, pp. 663–683 (in Russian).
- Starostin, Georgiy S. *Iazyki Afriki. Opyt postroeniia leksikostatisticheskoi klassifikatsii*. [Languages of Africa. The Experience of Constructing a Lexico-statistical Classification]. Nilo-sakharskie iazyki. [Nilo-Saharan Languages]. Vol. 3. Moscow: Languages of Slavic culture, 2017 (in Russian).
- Suetina, Yulia G. "Ob imennoi morfologii v sakharskikh iazykakh" [On Nominal Morphology in the Saharan Languages]. *Issledovaniia po yazykam Afriki* [Studies in the Languages of Africa]. Moscow: M: Key-S, 2016, iss. 6, pp. 269–275 (in Russian).
- El Tigani, Mustafa Mohamed-Salih. *Social Stratification among the Zaghawa Muslim Community in the Sudan*. MPhil Thesis: University of St Andrews, 1988. <http://hdl.handle.net/10023/15375> (in English).
- El Tom, Abdullahi Osman. *The Zaghawa Aptitude for Commerce: A Biography of Bushara Suleiman Nour of Darfur, Sudan*. Trenton: The Red Sea Press, 2014 (in English).
- Tubiana, Jérôme. *Contes Toubou du Sahara*. Paris: L'Harmattan, 2007 (in French).
- Tubiana, Jérôme. *Land and Power: the Case of the Zaghawa. 28 May 2008*. <https://africanarguments.org/2008/05/land-and-power-the-case-of-the-zaghawa/> (in English).
- Tubiana, Mari Zh. "Rabota ekspeditsii Muzeia Cheloveka (Parizh) v raione ozera Chad" [The Work of the Expedition of the Museum of Man (Paris) in the Area of Lake Chad]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography], 1965, no. 1, pp. 134–139 (in Russian).

Tubiana, Marie José. *Des troupeaux et des femmes: mariage et transferts de biens chez les Béri (Zaghawa et Bideyat) du Tchad et du Soudan*. Paris: L'Harmattan, 1985 (in French).
al-Tunisi, Muḥammad. *In Darfur: An Account of the Sultanate and Its People*. 2 vols. New York: New York University Press, 2020 (in English).

The Zaghawa Ethnic Group of Sudan and Chad: Clans and Traditional Nobility

Igor V. GERASIMOV

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Nikolai A. DOBRONRAVIN

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

Abdelrahman Abdelwahab Noureldayem SAEED

Khartoum University
Khartoum, Sudan

Received 12.02.2024.

Abstract: The presented article highlights the issues of the history of the Zaghawa people in Sudan and Chad, as well as major social structures and various clans that make up this ethnic group. Research on Zaghawa clans and their history is still rare in Russia, while the importance and influence of this group on public and political life are becoming more and more noticeable. A significant difficulty in determining the hierarchy of major Zaghawa factions is the identification of the “original” clans, as distinct from the clans which are treated as not having a common origin with the Zaghawa. Moreover, the ethnonyms that are used by different neighbours to designate the Zaghawa are problematic, since the designation of this people by other communities in Sudan and Chad can be contradictory and vague. The Zaghawa clans have their own historical traditions and concepts of clan hierarchy. While preparing the present work, the authors scrutinized research papers and books in multiple languages (including Arabic), as well as the first-hand data obtained during interviews with the representatives of several Zaghawa clans.

Key words: Zaghawa, Chad, Sudan, clans, Senusiyya.

For citation: Gerasimov, Igor V. & Dobronravin, Nikolai A. & Abdelrahman Abdelwahab Noureldayem Saeed. “The Zaghawa Ethnic Group of Sudan and Chad: Clans and Traditional Nobility”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 49–60 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627280.

About the authors: Igor V. GERASIMOV, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of the History of the Middle East Countries, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (igorfarouh@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5592-3505.

Nikolai A. DOBRONRAVIN, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of World Politics, Faculty of International Relations (St. Petersburg, Russian Federation) (n.dobronravin@spbu.ru). ORCID: 0000-0002-4248-5857.

Abdelrahman Abdelwahab Noureldayem SAEED, Ph.D. in Economics, Wakil of Al-Zaeem al-Azhari University (Khartoum, Sudan) (dr.abdelrahman@gmail.com).

Торговый проект европейского купца Ф.В. Нипполо

Е.Ю. ЯНУШКЕВИЧ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627114

Статья поступила в редакцию 09.01.2024.

Аннотация: В данной статье анализируется неопубликованный и поэтому малоизвестный исследователям торговый проект европейского купца Ф.В. Нипполо, предложенный им правительству Николая I (1825–1855). Цель этого проекта, датированного 1828 г., — использовать российскую территорию и ее транспортные пути, с тем чтобы наладить более оживленную торговлю европейских стран с Персией и Индией. Согласно изучаемым источникам из фондов Российского государственного исторического архива, предложенный проект был отклонен российскими властями. Однако часть положений, изложенных Ф.В. Нипполо, наглядно отражают шаги, предпринятые чиновничеством Николаевской эпохи в последующие годы.

Ключевые слова: 1828 г., русско-персидская торговля, Потти, Нипполо Ф.В., Российский государственный исторический архив.

Для цитирования: Янушкевич Е.Ю. Торговый проект европейского купца Ф.В. Нипполо // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 61–68. DOI: 10.55512/WMO627114.

Об авторе: ЯНУШКЕВИЧ Елизавета Юрьевна, аспирант ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия), библиотекарь I категории отдела БАН при ИИМК РАН (Санкт-Петербург, Россия) (eyuya97@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8986-9439.

© Янушкевич Е.Ю., 2024

Русско-персидская торговля в правление Николая I — процесс многогранный, а потому неизбежно сопровождавшийся большим числом делопроизводственных документов. Довольно внушительная часть источников, касающихся развития торговых отношений между Россией и Персией в Николаевскую эпоху, находится в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). Так, среди них нами были обнаружены два небольших, но крайне важных по своему содержанию дела: «По прошению некоего Нипполо в рассуждение открытия торговли с Персией и самою Индией»¹ и «Об отклонении проекта Нипполо Ф.В. об установлении торговых отношений с Персией через город Потти»². Несмотря на то что указанные документы находятся в разных фондах: Ф. 1284 — Департамент общих дел Министерства внут-

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143.

² РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603.

ренных дел, Ф. 18 — Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, общая тематика дел позволила связать их друг с другом и рассмотреть как единый комплекс. При более детальном изучении источников, общим объемом 12 листов, удалось восстановить историю обращения европейского купца Ф.В. Нипполо к российским властям с торговым проектом. Историю, которая для упомянутого негоцианта не имела счастливого финала.

В первую очередь обратит внимание на датировку исследуемых источников. Оба дела относятся к 1828 г. — началу царствования Николая I. Первое из них было заведено 29 сентября 1828 г.³ и решено одним днем. Решение по второму было вынесено к концу октября того же года, и 26 октября делопроизводство по данному вопросу прекратилось. Таким образом, комплекс источников возник после подписания 10 февраля 1828 г. Туркманчайского мирного договора, который, в числе прочего, восстановил русско-персидские торговые отношения. Однако на момент появления документов Российская империя с 14 апреля 1828 г. начала вести военные действия против Османской Порты, в том числе на Кавказском направлении, и до заключения Адрианопольского мира 2 сентября 1828 г. оставался без малого год. В это время иностранный купец Ф.В. Нипполо решает обратиться в Министерство внутренних дел Российской империи с торговым проектом, предполагавшим организацию торговли с Персией и Индией через г. Потти.

В общей сложности в двух исследуемых документах содержится шесть писем. Так, дело «По прошению некоего Нипполо в рассуждение открытия торговли с Персией и самою Индией» включает: Перевод на русский язык письма Ф.В. Нипполо от 29 сентября 1828 г.; Письмо министра внутренних дел А.А. Закревского⁴ министру финансов Е.Ф. Канкрину⁵ от 30 сентября 1828 г. В дело «Об отклонении проекта Нипполо Ф.В. об установлении торговых отношений с Персией через город Потти» входят: Письмо А.А. Закревского к Е.Ф. Канкрину от 2 октября 1828 г.; Письмо Ф.В. Нипполо на немецком языке от 24 сентября 1828 г.; Мнение о проекте Ф.В. Нипполо 1 Отделения 2 Стола Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, представленное Е.Ф. Канкрину; Письмо Е.Ф. Канкрину чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Прусском дворе, графу Д.М. Алопеусу⁶ от 26 октября 1828 г. Опираясь только лишь на приведенные в источниках даты, мы можем отметить, что письмо Нипполо от 24 сентября входит в состав более позднего по времени появления «октябрьского» дела, а потому приступим к изложению цепочки событий в правильной хронологической последовательности, углубляясь в содержание документов.

Точкой отсчета в этой истории является решение европейского купца Ф.В. Нипполо из г. Клеве обратиться к российскому правительству с оригинальным предложением — наладить торговлю с Персией и Индией через г. Потти. Здесь уместно остановиться на личности главного инициатора документооборота — Ф.В. Нипполо. Кроме фамилии с инициалами и своих идей в означенном письме о себе предприимчивый

³ Все даты даны по ст. стилю.

⁴ Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) — российский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал-губернатор Великого княжества Финляндского и командующий Отдельного Финляндского корпуса (1823–1831), министр внутренних дел (1828–1831).

⁵ Канкрин Егор Францевич (1774–1845) — российский государственный деятель, генерал от инфантерии, министр финансов (1823–1844).

⁶ Алопеус Давид Максимович (1769–1831) — российский дипломат, граф, чрезвычайный посланник и полномочный министр при Прусском дворе (1813–1831).

делец сообщает, что ранее он вел весьма обширную торговлю в Роттердаме и Амстердаме, а ныне «желает, по причине ежедневно упадающей торговли в сих странах, заняться столь же значительным торгом в других местах»⁷. Нипполо рекомендует себя как человека опытного в торговых делах, а потому предполагает, что своими действиями может принести пользу российскому государству. Тем не менее чиновничество, задействованное в рассмотрении дела, относится к личности предпринимателя весьма настороженно, поскольку «о благонадежности качеств Г. Нипполо»⁸ не имеет никакого удостоверения»⁹.

После получения в Министерстве внутренних дел немецкоязычного письма Нипполо его переводит на русский язык служащий министерства г-н Шлейзнер, что следует из карандашной приписки в документе. Сопоставление немецкого и русского текстов свидетельствует о том, что перевод был точен, расхождений в содержании нами выявлено не было. Далее с русским переводом знакомится А.А. Закревский. После чего министр внутренних дел перенаправляет немецкоязычное письмо негодичанта Е.Ф. Канкрину «по принадлежности сих проектов к Министерству Финансов... с тем, чтобы в случае каких-либо дальнейших в рассуждении проекта его отношений, обращался он к Вашему Высокопревосходительству»¹⁰. В сопроводительном документе от 30 сентября А.А. Закревский помимо причин передачи дела в ведение Министерства финансов также кратко излагает содержание проекта Нипполо. Аналогичный текст содержится в письме от 2 октября, которое открывает комплекс источников из фонда Министерства финансов. Далее мнение о письме Нипполо выносит Департамент мануфактур и внутренний торговли. И наконец, ознакомившись с мнением Департамента, министр финансов составляет письмо к Д.М. Алопеусу с просьбой довести до сведения Нипполо, что «сколь ни благонамерен вызов его, но Правительство наше воспользоваться оным не может»¹¹.

Таким образом, нарушение хронологической последовательности объясняется передачей письма Нипполо на немецком языке в другое министерство. Несмотря на различное авторство, по своему содержанию большая часть представленных документов являют собой многократный пересказ проекта Нипполо с добавлением оценочных суждений и объяснением причин принятия тех или иных решений. В чем же заключалось предложение Нипполо и почему оно было отклонено?

Нипполо полагал, что «при вспоможении высокого правительства и при разумном управлении Поти может быть возвышен до степени купеческого города»¹² и обогатиться за счет торговли с восточными странами. Нипполо также считал, что провинции Закавказья «доселе запущенные, могут быть приведены в цветущее состояние, земледелие и фабрики посредством торговли возвысятся, и при транзитном торге из Каспийского моря и в оное с Персиею и Индией оживится навигация и кораблестроение и многие другие отрасли промышленности»¹³. Желая самолично способствовать развитию навигации и торговли, Нипполо предлагает два «средства», при помощи которых г. Поти с округой может стать жемчужиной в короне Российской империи: во-первых, назначение Нипполо торговым агентом Российского правитель-

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143: 1 об.

⁸ Господина Ф.В. Нипполо.

⁹ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603: 5 об.

¹⁰ Е.Ф. Канкрину (РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603: 1–1 об.).

¹¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603: 7 об.

¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143: 1 об.

¹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143: 1 об.

ства или его определение «к какому-нибудь тамошнему департаменту»¹⁴; во-вторых, денежная субсидия от российского правительства «с обязанностью действовать для выгоды казны»¹⁵.

Таким образом, выгода для российского правительства, которую можно было бы извлечь из оживления торговли с Востоком, напрямую сопрягается с личной выгодой подателя проекта. Подобное состояние дел в целом не является чем-то исключительным для Николаевского времени. Так, направляя копию отчета о ходе переселения армян из Персии в Россию А.А. Закревскому, полковник Л.Е. Лазарев¹⁶ свой подробный доклад сопровождает прошением о назначении его на должность¹⁷. Тем не менее вернемся к торговому проекту и приступим к изложению его положений. При назначении на должность или финансировании российским правительством цель стараний Нипполо заключалась бы в следующем:

«1. Усиление вывозной торговли

- а) улучшением земледелия, устройством фабрик для приобретения большего количества и лучшей доброты продуктов к вывозу;
- б) вспомоществованием построению кораблей;
- с) отысканием новых выгодных рынков для сбыта тамошних произведений.

2. Усиление привозной торговли

- д) отысканием и устройством кратчайших и легчайших водяных и сухопутных сообщений и удалением встречающихся препятствий;
- е) заведением выгодных связей с Персией и Индией.

3. Учреждение вексельных и торговых судилищ и страховых обществ, и всех улучшений и заведений, коих потребует постепенное расширение тамошней торговли»¹⁸.

Текст проекта занимает менее одного листа. Налицо крайне обобщенная формулировка положений, еще больше усиливающая впечатление, что главная цель Нипполо заключалась в извлечении личной выгоды путем организации сбыта в Персии и Индии европейских товаров, провезенных через Закавказские провинции Российской империи. Забегая вперед, скажем, что в 1836 г. Е.Ф. Канкриним был предложен более обстоятельный и выгодный для России проект по учреждению Российско-Азиатской компании¹⁹. В сравнении с проектом 1836 г. предложения Нипполо проигрывают и в объеме, и в охвате содержания, и в глубине проработки положений. Если же подойти к проекту Нипполо с точки зрения пользы для г. Поти и Закавказских провинций, то и здесь мы обнаружим куда более серьезные рассуждения по предмету развития внутренних областей империи в лице проекта Закавказской торговой компании А.С. Грибоедова²⁰ и П.Д. Завилейского²¹ 1828 г. (Общий взгляд 1831). Веро-

¹⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143: 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143: 2.

¹⁶ Лазарев Лазарь Екимович (1797–1871) — чиновник по особым поручениям при генерале И.Ф. Паскевиче в Тифлисе (с 1827), участник русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн, один из организаторов переселения армян из Персии в Российскую империю в 20-х годах XIX в.

¹⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 539: 1–3 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 13. Отд. I. Ст. 1. Д. 143: 2.

¹⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 2. 1836 г. Д. 141.

²⁰ Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — русский драматург, дипломат, участвовал в подготовке нереализованного проекта «Российской Закавказской компании», внес значительный вклад

ятно, получив проект иностранца Нипполо, министр финансов был поражен слабой аргументацией сочинения.

Обращает на себя внимание и выбор г. Потти. Подобное предложение вызывает скепсис по нескольким причинам. Во-первых, до 15 июля 1828 г., когда отряд генерал-майора К.Ф. Гессе²² после семидневной осады взял Потти, означенный город входил в состав Османской Порты, и, как было указано ранее, война с османами к осени 1828 г. еще не была окончена. Предложение наладить торговлю через захваченный город в непосредственной близости от театра военных действий до подписания мирного договора видится несколько преждевременным. Во-вторых, г. Потти расположен на р. Фазис²³ при впадении ее в Черное море, тогда как торговля между Россией и Персией велась через Каспийское море или же караванами через Тифлис и далее по Военно-Грузинской дороге через Большой Кавказский хребет. Содействовать развитию российской торговли с Персией и тем более Индией на побережье Черного моря представляется несколько затруднительным. В-третьих, «запущенный» Потти мало что мог предложить в качестве экспортных товаров для персидских и индийских рынков. В-четвертых, по замечанию Г.П. Небольсина, «большие купеческие суда не могут подходить к городу» (Небольсин 1835: 140) из-за множества островов и отмелей в устье р. Риони, и даже в 1835 г. можно было лишь ожидать, «что сей порт сделается весьма важным пунктом Закавказской торговли» (Там же: 141). В-пятых, в 18 км от Потти в 1804 г. был заложен город-крепость Редут-Кале, который наряду с Сухум-Кале относительно успешно справлялся с аккумуляцией потока транзитных товаров.

Из анализируемого источника напрямую следует, что негодянта интересовало развитие транзитной торговли через Закавказье, вероятно, европейскими товарами. Подобное предложение для российского правительства представляло скорее угрозу, нежели благо. На момент описываемых событий транзитная торговля осуществлялась в соответствии с льготным тарифом 1821 г., однако уже в 1831 г. в Закавказье была введена запретительная таможенная система. Транзит европейских товаров был частично перекрыт из-за невозможности сбывать в достаточном количестве продукты российских фабрик и мануфактур, ввиду того что отечественные промышленные товары уступали европейским в качестве и выбывали из конкурентной борьбы за восточные рынки. Можно предположить, что одна из основных причин отказа заключается именно в нежелании развивать транзитную торговлю через Закавказье европейскими товарами. Если же речь заходила о частной инициативе, направленной на расширение сбыта российских товаров, то правительство готово было поддержать подобные проекты. Так, в 1826 г. нидерландским подданным Ленсену и Делеге было позволено учредить Черноморскую Торговую Компанию в Одессе с целью «распространения отпускной Российской торговли с иностранными державами особенно вне Европы» (Полное собрание законов Российской империи 1830: 206), в том числе в

в разработку статей Туркманчайского мира (1828), полномочный министр Российской императорской миссии в Персии (1828–1829).

²¹ Завилейский Петр Демьянович (1800–1843) — российский государственный деятель, составитель проекта «Российской Закавказской компании», в 1828 г. назначен исправляющим должность начальника казенной экспедиции Верховного грузинского правительства.

²² Гессе Карл Федорович (1788–1842) — генерал-лейтенант русской императорской армии, участник наполеоновских, русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн, в 1827 г. был назначен на Кавказ командиром 3-й бригады 22-й пехотной дивизии.

²³ Совр. р. Риони.

Голландских колониях и Америке. Приведенный пример убеждает нас в мысли, что Россию куда больше интересовали новые рынки сбыта, нежели транзит через ее территорию товаров заграничных мануфактур и фабрик.

Обратимся теперь к критическим замечаниям, касающимся проекта Нипполо, изложенным в исследуемом комплексе документов. Указывая на несвоевременность реализации подобных идей, Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов отмечает, что «до восстановления мира между империей и Портой Оттоманской нельзя знать, в чьих границах останется Поти»²⁴. Министр финансов добавляет к этому, что «учреждение и восстановление торговых сношений в каких бы то ни было пределах России предоставляется свободному действию и расчету самих торгующих»²⁵, подчеркивая тем самым, что правительство не желает вмешиваться в частную инициативу по организации и налаживанию торговых отношений. Также Е.Ф. Канкрин сообщает, что «правительство наше ни через кого не ведет торговли на свой счет, а если и употребляет иногда кого-либо агентом в делах, до Коммерции относящихся, то для сего имеются особые чиновники и другие известные ему лица»²⁶, давая понять, что Россия не испытывает кадрового голода и не нуждается в услугах посторонних иностранцев.

При всех своих недостатках проект Нипполо прекрасно отражает основные шаги, которые будут предприняты российским правительством в последующие 30 лет. Он словно опережает свое время. Запретительный тариф будет отменен в 1846 г. с принятием закона «О облегчениях Закавказского края в торговле». В этом же, 1846 г. при поддержке российского правительства будет открыт Московский дом для торговли с Азией через Астрабад. В 1852 г. в Записках Императорского Русского географического общества прозвучит идея И.А. Дюкруасси²⁷ о развитии паромства по закавказским рекам — Куре и Риону²⁸ (Дюкруасси 1852: 145–146, 149). Всё это будет, но немного позже и несколько в ином исполнении — с упором на выгоду, которую может извлечь государство, поставляя свои товары на экспорт.

Анализируемые нами документы показывают заинтересованность европейских купцов в развитии торговли с Персией и Индией через Российское государство. Торговый путь на Восток через территорию России был, несомненно, выгоден европейцам и мог значительно сократить время доставки их грузов. Безусловно, столь обобщенный и краткий проект Нипполо не мог стать прямым руководством к действию. И воплощение такого проекта в военное время было невозможным, как и привлечение к осуществлению его совершенно постороннего купца-иностранца. И тем не менее проект Нипполо напрямую отражает идеи и события Николаевской эпохи. Возможно, этим мы обязаны тому, что автор действительно обладал немалым опытом в ведении торговли на практике, и потому его теоретические рассуждения так хорошо ложатся в общий ряд действий, предпринятых в правление Николая I и направленных на развитие торговли с Персией.

²⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603: 5 об.

²⁵ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603: 7 об.

²⁶ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 603: 7 об.

²⁷ Дюкруасси-Даспик Ипполит Александрович (?–1873) — российский чиновник, член Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Происходит из иностранцев и по прибытии в Россию присягнул на подданство в 1821 г. В 1851 г. был произведен в действительные статские советники и в 1853 г. назначен членом совета главного управления и управления Закавказским карантинным таможенным округом.

²⁸ Совр. р. Риони.

Литература

- Дюкруаси 1852 — *Дюкруаси И.А.* Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 1. СПб., 1852. С. 145–166.
- Небольсин 1835 — *Небольсин Г.П.* Статистические записки о внешней торговле России. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1835.
- Общий взгляд 1831 — Общий взгляд на обширные виды, которые могут постепенно и по ходу дел войти в круг действий учреждаемой в Тифлисе Закавказской торговой компании // Тифлиские губернские ведомости. 1831. № 18–20.
- Полное собрание законов Российской империи 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 1. С 12 декабря 1825 по 1827. Закон № 145. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

References

- Diukruasi, Ippolit A. “Kratkoe opisanie glavnykh torgovykh putei soobshcheniia Zakavkazskogo kraia” [A Brief Description of the Main Trading Routes of the Transcaucasian Territory]. In: *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperial Russian Geographical Society* [Notes of the Caucasian Department of Imperial Russian Geographical Society]. B. 1. St. Petersburg, 1852, pp. 145–166 (in Russian).
- Neboľ'sin, Grigorii P. *Statisticheskie zapiski o vneshnei torgovle Rossii* [Statistical Notes about Russia's Foreign Trade]. St. Petersburg: Tipografiia Departamenta vneshnei torgovli, 1835 (in Russian).
- “Obshchii vzgliad na obshirnye vidy, kotorye mogut postepenno i po khodu del voiti v krug deistvii uchrezhdaemoi v Tiflise Zakavkazskoi torgovoi kompanii” [A General View of Vast Prospects that Can Gradually and in the Course of Events Enter the Circle of Actions of the Transcaucasian Trading Company Established in Tiflis]. In: *Tiflisskie gubernskie vedomosti* [Tiflis Provincial Statements]. Tiflis, 1831, no. 18–20 (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [A Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. 2nd corpus. Vol. 1. From 12 December 1825 to 1827. Law No. 145. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830 (in Russian).

The Trading Project of the European Merchant F.V. Nippolo

Elizaveta Yu. YANUSHKEVICH

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 09.01.2024.

Abstract: The article analyzes an unpublished, and therefore hardly familiar to researchers, trading project of the European merchant F.V. Nippolo, which was proposed by him in 1828 to the government of Nicholas I (1825–1855). The purpose of this project was the use of Russian territory and its transport routes for the trade of European countries with Persia and India. According to the

sources from the Russian State Historical Archives, the proposed project was rejected by the Russian authorities. However, some of F.V. Nippolo's proposals explicitly illustrate the steps taken by the bureaucrats of Nicholas I's era in subsequent years.

Key words: 1828, Russian-Persian trade, Poti, Nippolo F.V., Russian State Historical Archive.

For citation: Yanushkevich, Elizaveta Yu. "The Trading Project of the European Merchant F.V. Nippolo". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 61–68 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627114.

About the author: Elizaveta Yu. YANUSHKEVICH, Ph.D. Student, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Librarian at the Department of the Library, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (eyuya97@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8986-9439.

Кодикологический анализ еврейско-персидского словаря «Сэфер ха-Мелица» (Евр. I 75–76) в собрании РНБ

Е.М. БЕЛКИНА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627273

Статья поступила в редакцию 07.02.2024.

Аннотация: В статье представлен разбор кодикологического аспекта средневекового еврейско-персидского словаря «Сэфер ха-Мелица». Две единицы хранения в собрании РНБ, Евр. I 75 (том в переплете) и 76 (отдельные фрагменты), можно разделить на два самостоятельных списка: перед нами рукопись 1340 г. и более поздний памятник, на первый взгляд, являющийся только восстановлением утрат первого. Однако результаты подробного анализа структуры текста позволяют утверждать, что две рукописи существовали самостоятельно, так как они повторяют тексты друг друга. Основываясь на кодикологии памятников и на тексте колофона (л. 87а), можно считать, что перед нами список с оригинала сочинения, но, к сожалению, не автограф средневекового словаря.

Ключевые слова: рукопись, кодикология, еврейско-персидский язык, словарь, Средние века, персидские евреи, РНБ.

Для цитирования: *Белкина Е.М.* Кодикологический анализ еврейско-персидского словаря «Сэфер ха-Мелица» (Евр. I 75–76) в собрании РНБ // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 69–81. DOI: 10.55512/WMO627273.

Об авторе: БЕЛКИНА Екатерина Максимовна, младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (belkinakat@gmail.com). ORCID: 0000-0002-2592-8679.

© Белкина Е.М., 2024

*Памяти проф. Шауля Шакеда и Малахи Бейт-Арье,
с которыми мне удалось познакомиться
в Иерусалиме в 2017 г.*

Сегодня в двух собраниях Санкт-Петербурга — в Российской национальной библиотеке (РНБ) и в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН) — находится несколько десятков еврейско-персидских рукописей. Большинство из них представ-

ляют собой либо литературные произведения (поэтические диваны, сочинения Шахина, Имрани и Элишы бен Шмуэля и пр.¹), либо литературу теологического и/или галахического характера (караимский комментарий (*тафсир*) к книге Пророков², построчные переводы Писания³).

Два памятника под шифрами Евр. I 75–76 представляют собой средневековый «Еврейско-халдейско-персидский словарь *Сэфер ха-Мелица*», как указано во внутренней описи РНБ⁴. Первый из них (под шифром Евр. I 75) является основной частью произведения — сам словарь Шломо бен Шмуэля из Ургенча (евр. שלמה בן שמואל מגורג) в форме кодекса, одетого в новый переплет в Императорской Публичной библиотеке в XIX в. Вторая единица хранения (под шифром Евр. I 76) — это отдельные фрагменты разной величины и формата. На первый взгляд можно объяснить такое разделение плохой сохранностью этих фрагментов, и поэтому они не были включены в переплет вместе с основным блоком *единой средневековой* рукописи. Тем не менее при подробном исследовании памятников выяснилось, что действительно понадобятся два шифра для этих единиц хранения — внутри переплетенной части, в кодексе, обнаружены два самостоятельных списка словаря разных периодов.

Цель настоящей статьи — проанализировать структуру текста и кодикологический аспект памятников Евр. I 75–76 и тем самым уточнить датировку источников. В результате исследования можно будет ответить на вопрос: является ли рукопись автографом «Сэфер ха-Мелица» или же это более поздние списки.

Первое и единственное упоминание о структуре кодекса оставил Вильгельм Бахер в своем подробном исследовании рукописей «Сэфер ха-Мелица» в разных коллекциях⁵: «Кодекс из 87 листов содержит лишь часть словаря; отдельные листы размещены в другом месте... Однако в рукописи четко различимы две руки; листы 1–9, 36–43, 50–57, 59–74, 77–87 берутся из одной [рукописи], а остальные листы — из другой» (Vacher 1900: 5–6). В своей работе он также отмечает, что колофон был опубликован Нойбауэром и Штейншнайдером, двумя крупными исследователями-гебраистами конца XIX в., и приводит его сам (Ibid.). Наша задача — разобраться, какие «две руки» участвовали в формировании данной рукописи. Подробного кодикологического исследования Бахер не провел, так как его работа посвящена всем известным ему спискам словаря: в ней дается их краткое описание, главное же — лексикография Шломо бен Шмуэля из Ургенча и текстологический анализ его сочинения. С фрагментами «в другом месте» (предполагаем, что Бахер имел в виду Евр. I 76) он, по видимому, не работал.

¹ Упомянутые авторы являются классиками еврейско-персидской литературы: Шахин Ширази — поэт XIV в., автор «Муса-наме», «Берешит-наме» и других поэм в рамках персоязычного канона Средних веков; Имрани — его «последователь», крупный поэт XV в.; Элиша бен Шмуэль, по прозвищу Самарканди, — автор поэмы «Шахзаде ва-Суфи» («Принц и суфий»), поэт XVII в. О двух рукописях Шахина в собраниях РНБ и ИВР РАН см. (Белкина 2021б), о поэтах и их текстах см. (Yeroushalmi 1995; Rubanovich 2020; Vacher 1908; и др.).

² Шифры: Евр.-араб. II 1682, 4605–4611. Ф. 946, ОР РНБ. По данному еврейско-персидскому тафсиру написано несколько работ, в том числе диссертации (Gindin 2004; Naim 2020).

³ Шифры рукописей: Евр. I В 139–142. Ф. 946, ОР РНБ. Упомянуты в каталоге Гаркави–Штрака (Narkavy, Strack 1875: 165–167), но более не получали внимания исследователей. См. кратко (Белкина 2021а: 132).

⁴ В отделе рукописей РНБ: Ф. 946. Оп. 2. Ч. 1 (Фиркович А. С. Первое собрание. Небиблейские рукописи).

⁵ Автор ранее уже публиковал информацию о разных списках словаря (см.: Белкина 2021а: 134).

Резюмируя приведенные историографические данные, мы предлагаем в статье следующее структурное деление памятников Евр. I 75–76: 1) первая часть — это указанные Бахером листы переплетенного кодекса Евр. I 75, по его описанию — «первая рука»; 2) вторая часть — остальные листы той же самой единицы хранения, или же «вторая рука» в кодексе; 3) отдельные неучтенные им фрагменты, которые составляют единицу Евр. I 76. Ниже представлен последовательный кодикологический разбор всех трех частей.

I. Первая часть содержит 49 листов (№ 1–9, 36–43, 50–57, 59–74, 77–87). На последнем листе имеется колофон (л. 87а, строки 17–26) (Ил. 1):

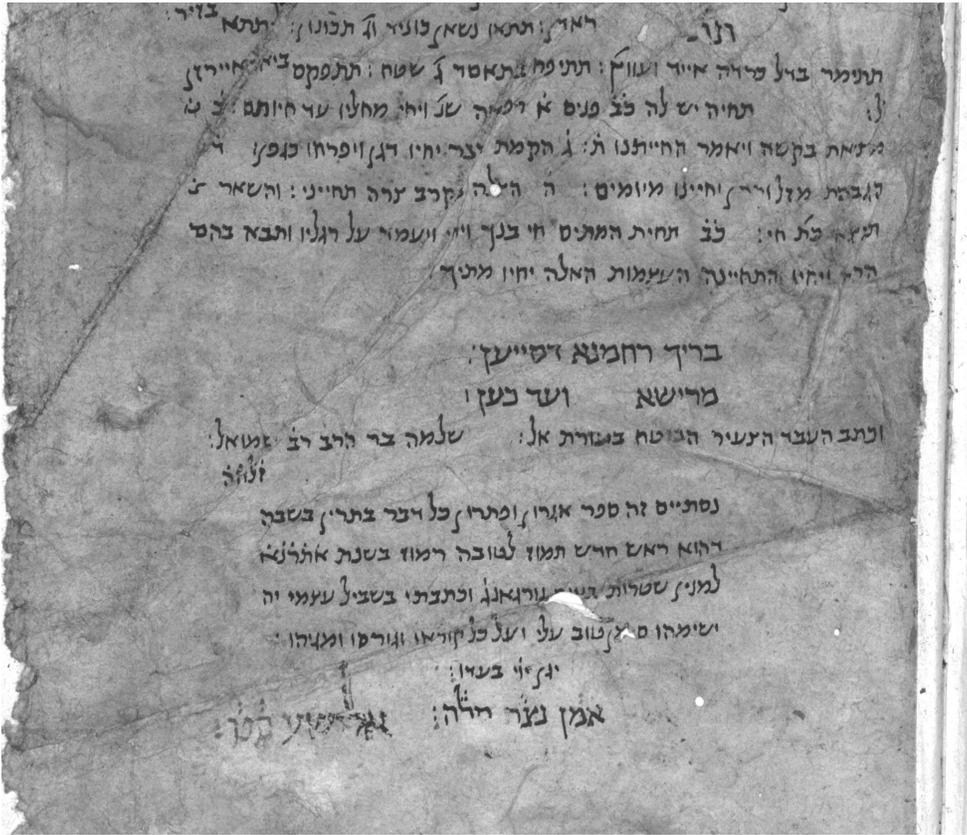
- (17) בריך רחמנא דסייען:
 (18) מרישא ועד כען:
 (19) וכתב העבד הצעיר הבוטח ב[עז]רת אל: שלמה בר הר'ב ר'ב שמואל:
 (20) ז'ל'יה
 (21) נסתיים זה ספר אגרון ופתרון כל דבר בתרין בשבה
 (22) דהוא ראש חדש תמוז לטוב רמוז בשנת א'ת'ר'נ'א
 (23) למנין שטרות [בעיר] גורגאנג' וכתבתי בשביל עצמי יה
 (24) ישימהו ס(י)מן טוב עלי ועל כל קוראו וגורסו ומגיהו
 (25) יגן יוי בעדו:
 (26) אמן נצר סלה: (אלישע ס'ט)

Из колофона мы узнаем, что рукопись была завершена в понедельник, в новомесячье таммуза⁶ в 1651 г. по Селевкидской эре⁷ (строки 21–23), что в пересчете на григорианский календарь соответствует 1340 г. н.э. Поэтому мы можем распространить эту датировку на остальные указанные листы кодекса как сохранившиеся фрагменты «списка 1340 г.». Также у нас есть локализация рукописи в городе Гургадже, он же Ургенч (строка 23). В колофоне нет имени переписчика, но есть фраза «я написал для себя» (строка 23), из-за которой возникают споры вокруг данной рукописи. Дело в том, что создание словаря «Сэфер ха-Мелица» датируют как раз 1340 г. и приписывают автору, происходящему из Ургенча (Bacher 1900: 9). Однако неясно, является ли данный список автографом сочинения. По словам авторов Палеографического проекта в Израиле, нелогичным выглядит уточнение «для себя» в контексте создания нового произведения⁸.

⁶ Четвертый месяц еврейского календаря при счете от празднования Песаха или же десятый месяц при счете летосчисления от праздника Рош ха-Шана. Обычно приходится на июнь-июль.

⁷ Одна из наиболее распространенных систем летосчисления на Востоке, в том числе среди еврейских диаспор. Берет свое начало осенью 312 г. до н.э., с завоеваний Александра Македонского.

⁸ См. описание авторов Палеографического проекта в базе данных SfarData. Доступ к рукописи: № 0R207. Палеографический проект (Hebrew Palaeography project) — проект по оцифровке всех мировых еврейских собраний, проводившейся под эгидой Национальной библиотеки Израиля в 1960–2000 гг. База SfarData — сводный «каталог» всех датированных еврейских рукописей X–XVI вв., созданный в результате деятельности проекта. Доступ: <https://sfardata.nli.org.il> (15.02.24).

Ил. 1. Колофон на л. 87а, Евр. I 75

Колофон (л. 87а) и остальные части текста «списка 1340 г.» написаны на желтоватой бумаге, местами загрязненной и имеющей сероватый оттенок (Ил. 2). Хотя рукопись была в реставрации и бумага уплотнена по краям, по внутренним частям указанных фрагментов (с текстом) можно определить, что изначально бумага была очень плотная (практически не гнется), нет видимых линий верже и понтюзо, без филиграней. По исследованиям проф. Бейт-Арье, такой тип соответствует бумаге иранского происхождения данного периода, свойственен еврейским рукописям региона вплоть до XVI в. (Beit-Arie 1996: 10). Поэтому нет сомнений, что колофон памятника является аутентичным для данного списка, он не скопирован вместе с текстом словаря с протографа, является авторским дополнением писца к рукописи. Исключение могут составлять только строки 17–20 колофона, так как это благословения общего характера («Благословен Господь, помогающий от начала и до сего дня» — араб. яз.) и указание авторства Шломо бен Шмуэля. Действительно, эта часть колофона могла быть переписана с протографа, так как она обезличена. Остальной же текст написан от первого лица. С точки зрения палеографии способ начертания графем в колофоне идентичен ему же в других фрагментах *на такой же бумаге*. Можно сделать вывод, что перед нами действительно колофон рукописи 1340 г. и фрагменты того же списка 1340 г. Так, первая часть кодекса, или же «первая рука» по Бахеру, — работа анонимного переписчика, оставившего колофон и писавшего текст в первой половине XIV в.

Ил. 3. Л. 17, пример кодикологии списка XV в.

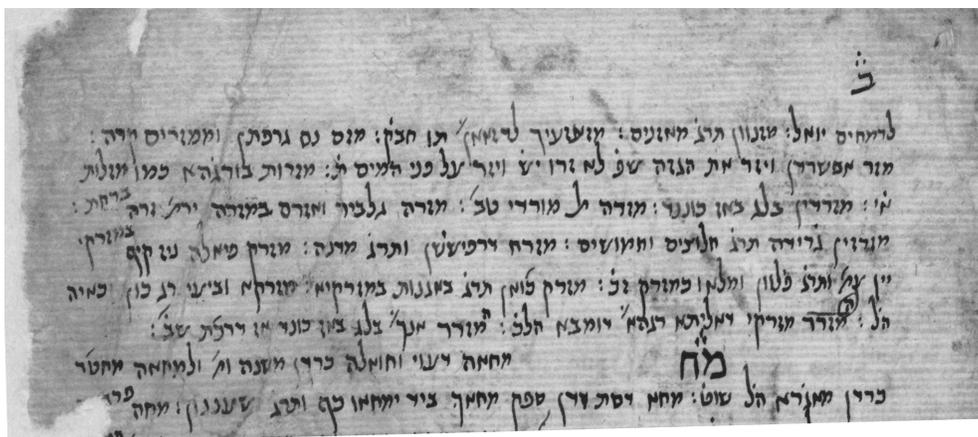
того лука со стрелой, выполненное объемно, т.е. наконечник стрелы и лук прорисованы в несколько линий. Обе филигранные даты относятся к началу XV в. (Ил. 3). Так, вторая часть кодекса, «вторая рука» по Бахеру, — более поздние вставки текста, созданного отдельным списком словаря приблизительно в первой половине или середине XV в., согласно кодикологическим данным. Точной даты у нас нет, поскольку нет колофона или иных указаний, имя автора и место написания рукописи также нам неизвестны.

Эта вторая часть рукописи, он же «список XV в.», загрязнена, поэтому имеет серый оттенок во многих местах. Загрязнение общее для всей единицы Евр. I 75, т.е. обе части, скорее всего, составляли единую рукопись уже до появления ее в РНБ. В библиотеке была проведена реставрация, поэтому сейчас невозможно сказать, как были скомпонованы тетради. Кустоды постраничные, хотя во многих местах из-за утраты или реставрации это нельзя утверждать однозначно. Однако на листах, текст на которых идет последовательно (в обеих частях кодекса), кустоды всегда присутствуют в левом нижнем углу стороны *verso*. На листе в среднем расположено 29 строк (также в обеих частях кодекса). Исходный размер листа составляет 283×190 мм (под переплет), текстовое поле на «желтых листах» рукописи 1340 г. занимает простран-

⁹ Поиск и сравнение проводились по базе данных «Wasserzeichen des Mittelalters» Австрийской академии наук. Доступ: 1) первая филигрань — <https://wzma.at/structur.php?class1=005001001002004&level=5>, 2) вторая филигрань — <https://wzma.at/structur.php?class1=006002002001002001&level=6> (15.02.24).

ство в 210–215×130–135 мм, на «белых листах» рукописи XV в. — 208–211×152–160 мм. На л. 29а рукописи Евр. I 75 видна исходная пагинация тетрадей списка: в правом верхнем углу стороны *recto* написана буква *zaun* с тремя точками сверху — указание седьмой тетради по гематрии букв еврейского алфавита.

III. Третья часть памятника, единица хранения Евр. I 76, представляет собой набор фрагментов из списка XV в., состоит из 16 листов. Кодикологический аспект всех фрагментов идентичен описанию «белых листов» выше. На л. 2 и 8 в Евр. I 76 встречается та же филигрань с луком и стрелами, что и во второй части кодекса; на л. 5а имеется идентичная вышеуказанной пагинация тетрадей: буква *bet* с тремя точками — указание второй тетради рукописи (Ил. 4). Оба случая пагинации тетрадей относятся к текстам на «белых листах» и, соответственно, принадлежат списку XV в. Исходя из полученных данных, мы можем утверждать, что вторая часть кодекса и отдельные фрагменты есть части одной и той же рукописи. Также эти фрагменты были отреставрированы в РНБ, однако текст во многих местах просматривается крайне плохо. Лл. 6–9 и 7–8 составляют два развернутых листа — единственные крупные фрагменты, идут последовательно и по тексту, и в тетради (л. 7–8 был серединой оригинальной тетради).

Ил. 4. Фрагмент л. 5а в рукописи Евр. I 76

Ниже, в таблице представлена расшифровка следования словарных статей в «Сэфер ха-Мелица». Обе рукописи описаны последовательно по пагинации обеих единиц хранения в фонде и разделены на два самостоятельных списка (первый и второй столбцы) для наглядности. Как уже было сказано, к списку 1340 г. относятся 49 листов в сумме, остальные 38 листов + 16 фрагментов (= 54 листа в сумме) восходят к списку XV в. Поэтому фрагменты из Евр. I 76 добавлены в таблицу в соответствующий столбец.

Все словарные статьи идут последовательно друг за другом без отступа на новый абзац, текст выполнен восточным полукурсивом. Однако начало каждой части (буквы) указано квадратным типом письма, крупнее по размеру на строке, например, «Буква Хет» (אות חית). То же касается алфавитного следования словарных статей, обычно указано по две первые буквы (*хет-алеф*, *хет-бет* и т.д.), некоторые части пропущены, и о них сказано в таблице. Также там указаны только те данные алфавитного перечня, которые выделены непосредственно мастером. К примеру, в сере-

дине л. 1а появляется указание, что отсюда и далее будут словарные статьи, начинающиеся на сочетание *алеф-тет*. Выше есть несколько строк текста на предыдущее сочетание (*алеф-хет*). Однако мы можем достроить умозрительно структуру тетради и до начала словаря на букву *алеф*, но не знаем объем фрагмента рукописи, который потребовался мастеру для написания этого текста. Поэтому в таких случаях будет просто указано «утрата», а имеющееся у нас непосредственно указание *алеф-тет* на л. 1а станет для нас «якорем» в дальнейшей проверке следования текста. Именно эти «якоря» будут служить ограничителями фрагментов.

Также для удобства читателя ниже представлен еврейский алфавит, как он значится в таблице, чтобы можно было ориентироваться по следованию статей и по тому, какие пропуски присутствуют в рукописях: *алеф, бет, гимель, далет, хей, вав, заин, хет, тет, йуд, каф, ламед, мем, нун, самех, аин, пей, цади, коф, реш, шин, тав*. Обратите внимание, что сам же переписчик и, по-видимому, автор словаря также не всегда пользовались ивритоязычным наименованием букв алфавита. На л. 12а начинаются статьи на букву *даль* (לך תא), вторя арабскому/персидскому наименованию буквы *далет*, а на л. 20а — буква *хет*, как и звучит в иврите.

Структура текста рукописей Евр. I 75–76

Нумерация листов по инвентарю РНБ	Список 1340 г.	Список XV в.
Переплетенная часть, кодекс Евр. I 75		
1–9	[Утрата] — <i>алеф-тет</i> — <i>алеф-реш</i> — [утрата]	
10–15		[Утрата] — <i>гимель-самех</i> — <i>далет-нун</i> — [утрата]
16–20		[Утрата] — <i>хей-нун</i> — <i>заин-реш</i> . Нет статей на <i>заин-шин</i> и <i>заин-тав</i> (авторское решение). Буква <i>хет</i> : <i>хет-алеф</i> — <i>хет гимель</i> — [утрата]
21		[Утрата] — <i>хей-заин</i> — <i>хей-мем</i> — [утрата]
22–27		[Утрата] — <i>хет-хет</i> — <i>хет-самех</i> . Нет статей на <i>хет-аин</i> (авторское решение). <i>Хет-пей</i> — <i>хет-шин</i> — [утрата]
28 (фрагмент)		Сторона <i>verso</i> (!): <i>хет-шин</i> Сторона <i>recto</i> (!): буква <i>тет</i> . Виден только фрагмент с <i>тет-бет</i>
29–32		[Утрата] — <i>тет-заин</i> — <i>тет-пей</i> . Нет статей на <i>тет-цади</i> (авторское решение). <i>Тет-коф</i> — <i>тет-шин</i> . Нет статей на <i>тет-тав</i> (авторское решение). Буква <i>йуд</i> : <i>йуд-алеф</i> — <i>йуд-вав</i> . Нет статей на <i>йуд-заин</i> (авторское решение). <i>Йуд-хет</i> — [утрата]

33		[Утрата] — <i>йуд-коф</i> – <i>йуд-тав</i> + « <i>выпадающая йуд</i> » — [утрата]
34		[Утрата] — <i>йуд-тет</i> – <i>йуд-цади</i> .
35 (фрагмент)		[Конец « <i>Выпадающей йуд</i> »] — буква <i>каф</i> : <i>каф-алеф</i> — <i>каф-хей</i> — [утрата]
36–43	[Утрата] — <i>ламед-вав</i> – <i>ламед-каф</i> . Нет статей на <i>ламед-ламед</i> (авторское решение). <i>Ламед-мем</i> – <i>мем-хет</i> — [утрата]	
44–49		[Начинается с <i>мем-заин</i> (!)] — <i>мем-хет</i> – <i>мем-цади</i> — [утрата]
50–57	[Начинается с <i>мем-коф</i>] — <i>мем-реш</i> – <i>нун-каф</i> — [утрата]	
58 (фрагмент)		[Утрата] — <i>нун-каф</i> – <i>нун-мем</i> или [нун-самех?] — [утрата]
59–74	[Утрата] — <i>коф-йуд</i> – <i>реш-каф</i> . Нет статей на <i>реш-ламед</i> (авторское решение). <i>Реш-мем</i> – <i>шин-хет</i> — [утрата]	
75–76		[Утрата] — <i>шин-гимель</i> – <i>шин-хет</i> — [утрата]
77–84	[Утрата] — <i>шин-тет</i> – <i>тав-йуд</i> — [утрата]	
85–87а	[Утрата] — <i>тав-нун</i> – <i>тав-тав</i> . Колофон.	
Фрагменты, Евр I 76		
1		Буква <i>мем</i> : <i>мем-алеф</i> – <i>мем-гимель</i> — [утрата]
2		[Утрата] — <i>мем-вав</i> – <i>мем-заин</i> — [утрата]
3		[Начинается с <i>мем-реш</i>] — <i>мем-шин</i> — [утрата]
4–5		[Утрата] — <i>мем-заин</i> – <i>мем-хет</i> — [утрата]
6–9		[Начинается с <i>мем-шин</i>] — <i>мем-тав</i> – <i>нун-йуд</i> – [утрата]
10		[Утрата] — <i>коф-коф</i> – <i>коф-реш</i> — [утрата]
11–15		[Начинается с <i>шин-ламед</i>] — <i>шин-мем</i> – <i>тав-заин</i> — [утрата]
16		Неясно, откуда текст.

Итак, в данных списках полностью отсутствуют статьи на буквы *бет*, *самех*, *аин*, *ней*, *цади*. В некоторых случаях отмечено «авторское решение» относительно тех сочетаний, которые никак не обозначены автором/переписчиком. Речь идет не об утрате текста, а о пропуске сочетаний при последовательном перечислении словарных статей на одном листе или странице. Также можно отметить, что л. 21 должен предварять л. 16–20, кустод в таком случае совпадает с началом текста, и указанные утраты восполняются между этими отрывками. То же с л. 34, он должен быть перед л. 33, тогда и л. 35 будет завершать отрывок на л. 33б. Подобная путаница произошла и с л. 28: в самой таблице была отмечена сначала сторона *verso*, только после нее *recto*, так как лист был шит не той стороной; также подтверждается кустодом на л. 27.

Важно отметить, что подробное рассмотрение структуры и последовательности словарных статей позволило определить, что вторая часть рукописи, т.е. список XV в., не может быть просто дополнением к утраченным фрагментам рукописи 1340 г. На л. 43 завершается часть словаря на сочетание *мем-хет*, тогда как л. 44 из позднего памятника начинается с *предыдущего* сочетания, *мем-заин*. Такое же несоответствие наблюдается в л. 59–74 рукописи 1340 г. и л. 75–76 рукописи XV в. Два последних листа просто дублируют статьи из первого фрагмента. Они как бы вклиниваются между фрагментами памятника 1340 г., поскольку кустод с л. 74б соответствует началу текста на л. 77а.

Из этих предпосылок можно сделать вывод, что перед нами условный конволют двух рукописей, но не восполнение утраченных частей более раннего списка. Скорее всего, мы можем предположить, что восполнение было одной из идей сочетания двух списков. Тем не менее тексты второй части корпуса — фрагментов Евр. I 76 — не позволяют нам утверждать это однозначно. Например, на л. 36–43 сохранились начальные статьи на букву *мем*; тот же отрывок текста мы читаем на л. 1–2 и 4–5 в Евр. I 76. То же пересечение наблюдается во фрагментах на букву *шин* на л. 77–84 и 11–15 соответственно. Точные условия объединения двух списков нам неизвестны. Именно поэтому предлагаем рассматривать эти две рукописи как отдельные, самостоятельные источники: рукопись 1340 г. и памятник XV в.

Помимо этого, стоит также отметить, что в Евр. I 76 на л. 5 встречается нумерация тетрадей — вторая тетрадь, текст на букву *мем*. Так как фрагмент на л. 4–5 посвящен статьям на *мем-заин* и *мем-хет*, возникает вопрос, как сочетать данный текст с уже имеющимся в Евр. I 75(!) фрагменте на л. 44, который также начинается с сочетания *мем-заин*. Сложно представить, что перед нами фрагменты третьей рукописи. Тем не менее пагинация на л. 5 как минимум сообщает нам о наличии двухтомного памятника — ведь вторая тетрадь рукописи не могла бы начинаться в середине алфавита. Более детальное текстологическое исследование данных фрагментов может пролить свет на указанные нестыковки.

Что же касается поставленного в начале вопроса, является ли рукопись автографом, то, учитывая все полученные выводы, можно предложить следующее: во-первых, данный вопрос можно задать исключительно к списку 1340 г., но никак не ко всей единице Евр. I 75; во-вторых, по кодикологии и палеографии *данной* рукописи ответить на этот вопрос невозможно — нет никаких пометок или «черновой работы», например, указывавшей принадлежность рукописи самому Шломо бен Шмуэлю; в-третьих, единственным указанием на близость создания рукописи к моменту возникновения словаря является только колофон памятника. Здесь важно отметить, что

сам В. Бахер сообщает нам следующие источниковедческие данные: «Имя, родной город и время автора нашей работы мы узнаем только из его приписки к ней, содержащейся в петербургской рукописи» (Bacher 1900: 9). Соответственно, у нас нет никаких других исходных данных, кроме колофона Евр. I 75, для атрибуции словаря — а значит, нет достоверных сведений, что словарь был создан в начале XIV в. в Ургенче!

Если мы все-таки оставим предположение, что рукопись перед нами действительно близка ко времени создания словаря, то только детали того же колофона, как уже было сказано, могут служить подсказкой в определении, автограф ли перед нами. На строке 20 в колофоне указана исключительно одна евлогия усопшему (זכרונו ל"י העולם הבא) «זלה"ה», т.е. «память его [да удостоится] будущей жизни», без иного текста. В еврейской традиции после введения имени покойного данная формула является стандартной. Однако в данном случае совершенно неясно, к кому она относится в тексте — к автору словаря или же его отцу? Аббревиатура евлогии написана отдельно, ниже уровня первой части колофона, и такое расположение можно рассматривать с двух сторон, на наш взгляд. С одной стороны, если писец забыл написать ее после имени отца, то он просто приписал ее ниже в оставленной пустой строке (но тогда почему не на той же строке?). С другой стороны, если же эта евлогия относится к самому Шломо бен Шмуэлю, то рукопись Евр. I 75 никак не может быть автографом. Мы склоняемся ко второму варианту, поскольку в таком случае более логичным выглядит расположении евлогии (как более поздней приписки, после смерти составителя словаря), *добавленной* переписчиком и владельцем рукописи, и тогда фраза «я написал для себя» означает, что мастер скопировал с оригинала или одной из реплик словаря текст для личной библиотеки. В поддержку данной версии говорит также ввод имени самого автора: строка 19 начинается со слов «написал юный раб, уповающий на [помощь] Всевышнего». Если же переписчик копировал текст не с оригинала словаря, он бы, скорее всего, не стал добавлять подобное принижение по отношению к автору. Традиционно такое принижение обращалось на человека, пишущего или говорящего от своего лица, третье же лицо получало пиетет и эпитеты уважения. Поэтому, на наш взгляд, протографом рукописи действительно мог служить оригинал словаря, а в данный список переписчик скопировал *весь текст источника* вместе с авторским колофоном, с самопринижением создателя «Сэфер ха-Мелица». В любом случае, мы предлагаем исключить вариант автографа в отношении данной рукописи как не имеющий достоверных доказательств.

Литература

- Белкина 2021a — Белкина Е.М. Карл Залеман vs. современность: историография средневековых еврейско-персидских рукописей в Петербурге // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 1. С. 128–141.
- Белкина 2021б — Белкина Е.М. Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С 40 Евр. фонда ИВР РАН) // Ориенталистика. 2021. № 4(5). С. 1219–1237.
- Bacher 1900 — Bacher W. Ein hebräisch-persisches Wörterbuch aus dem XIV Jahrhundert. Budapest, 1900 (Jahresbericht der Landes-Rabbinerschule in Budapest).
- Bacher 1908 — Bacher W. Zwei jüdisch-persische Dichter, Schahin und Imrani. Budapest: Országos Rabbiképző-Intézet, 1908 (Jahresbericht der Landes-Rabbinerschule in Budapest).

- Beit-Arie 1996 — *Beit-Arie M.* The Oriental Arabic Paper // *Gazette du Livre Médiéval*. 1996. Vol. 28. P. 9–12.
- Gindin 2004 — *Gindin T.* Early-Judaeo-Persian: The Language of the Tafsir of Ezekiel, MS Firkowicz I 1682. Ph.D. Dissertation Thesis. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2004.
- Haim 2020 — *Haim O.* Early Judeo-Persian Biblical Exegesis: The Manuscripts in the British Library and in the National Library of Russia. Vol. 1: Discussion. Ph.D. Dissertation Thesis. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2020.
- Harkavy, Strack 1875 — *Harkavy A., Strack H.L.* Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg: C. Ricker; Leipzig: J.C. Hinrichs, 1875.
- Rubanovich 2020 — *Rubanovich J.* Joseph and His Two Wives: Patterns of Cultural Accommodation in the Judaeo-Persian Tale of Yusof and Zoleykhā // *Journal of Persianate Studies*. 2020. Vol. 13. P. 146–195.
- Yeroushalmi 1995 — *Yeroushalmi D.* The Judeo-Persian Poet Emrani and His “Book of Treasure”. Leiden: E.J. Brill, 1995.

References

- Bacher, Wilhelm. *Ein hebräisch-persisches Wörterbuch aus dem XIV Jahrhundert*. Budapest, 1900 (Jahresbericht der Landes-Rabbinerschule in Budapest) (in German).
- Bacher, Wilhelm. *Zwei jüdisch-persische Dichter, Schahin und Imrani*. Budapest: Országos Rabbiképző-Intézet, 1908 (Jahresbericht der Landes-Rabbinerschule in Budapest) (in German).
- Beit-Arie, Malachi. “The Oriental Arabic Paper”. *Gazette du Livre Médiéval*, 1996, vol. 28, pp. 9–12 (in English).
- Belkina, Ekaterina M. “Karl Zaleman vs. sovremennost’: istoriografiia srednevekovykh evreiskopersidskikh rukopisei v Peterburge [Carl Salemann vs. Modernity: Historiography of Medieval Judeo-Persian Manuscripts in St. Petersburg]”. *Novoe proshloe = The New Past*, 2021, no. 1, pp. 128–141 (in Russian).
- Belkina, Ekaterina M. “Mezhdru Srednevekov’em i Novym vremenem: datirovka neskol’kikh fragmentov evreisko-persidskoi rukopisi (C 40 Evr. fonda IVR RAN) [Medieval or Early Pre-Modern? Dating Several Fragments from a Judeo-Persian Manuscript (C 40 Hebrew, the IOM, RAS)]”. *Orientalistica*, 2021, no. 4(5), pp. 1219–1237 (in Russian).
- Gindin, Tamar. *Early-Judaeo-Persian: The Language of the Tafsir of Ezekiel, MS Firkowicz I 1682*. Ph.D. Dissertation Thesis. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2004 (in Hebrew and English).
- Haim, Ofir. *Early Judeo-Persian Biblical Exegesis: The Manuscripts in the British Library and in the National Library of Russia*. Vol. 1: Discussion. Ph.D. Dissertation Thesis. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2020 (in Hebrew and English).
- Harkavy, Albert & Strack, Hermann L. *Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg*. St. Petersburg: C. Ricker — Leipzig: J.C. Hinrichs, 1875 (in German).
- Rubanovich, Julia. “Joseph and His Two Wives: Patterns of Cultural Accommodation in the Judaeo-Persian Tale of Yusof and Zoleykhā”. *Journal of Persianate Studies*, 2020, vol. 13, pp. 146–195 (in English).
- Yeroushalmi, David. *The Judeo-Persian Poet Emrani and His “Book of Treasure”*. Leiden: E.J. Brill, 1995 (in English).

A Codicological Analysis of the Judeo-Persian *Sefer Ha-Melitza* Dictionary (Evr. I 75–76) from the Collection of the National Library (St. Petersburg)

Ekaterina M. BELKINA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 07.02.2024.

Abstract: The article presents a codicological analysis of the medieval Judeo-Persian dictionary *Sefer ha-Melitsa*. Two items in the NLR collection, Evr. I 75 (a volume) and 76 (separate fragments), can be divided into two separate manuscripts: the first manuscript is a codex dated back to 1340 and the latter seems to be a later manuscript, which was used as a restoration of the first one's losses, at first glance. However, a detailed analysis of the text structure suggests that the two manuscripts existed independently, since they repeat each other's texts. Given the codicology of the monuments and the text of the colophon (f. 87a), we can assume that we are dealing with a copy of the original work, but, unfortunately, not with the autograph of the medieval dictionary.

Key words: manuscript, codicology, Judeo-Persian, dictionary, Middle Ages, Persian Jews, NLR.

For citation: Belkina, Ekaterina M. "A Codicological Analysis of the Judeo-Persian *Sefer Ha-Melitza* Dictionary (Evr. I 75–76) from the Collection of the National Library (St. Petersburg)". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 69–81 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627273.

About the author: Ekaterina M. BELKINA, Junior Researcher at the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (belkinakat@gmail.com). ORCID: 0000-0002-2592-8679.

Командировка В.В. Бартольда в Турцию в 1926 г. на страницах его константинопольского дневника

Т.И. ЮСУПОВА

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН
Санкт-Петербург, Россия

М.А. КОЗИНЦЕВ

Институт восточных рукописей РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO626791

Статья поступила в редакцию 02.02.2024.

Аннотация: В публикации на новых архивных материалах кратко освещается история командировки В.В. Бартольда в Турцию в первой половине 1926 г.: ее подготовка, мотивация и цели. Показано, что приглашение было инициировано турецким правительством и поддержано Академией наук СССР и Наркоматом иностранных дел. Бартольд в Турции основное время посвятил разработке (по просьбе турецкой стороны) курса лекций по истории народов Средней Азии и изучению восточных рукописей в стамбульских библиотеках. Кроме того, он выполнял доверенную ему Академией наук миссию по установлению научных контактов с турецкими учеными. Период пребывания Бартольда в Константинополе (Стамбуле) со 2 января по 17 февраля нашел отражение в его небольшом дневнике. Ученый ежедневно скрупулезно фиксировал события, встречи с турецкими и европейскими коллегами, делал краткие заметки о рукописях, библиотеках, отмечал свои впечатления о научных учреждениях, изменения в культурном пространстве бывшей османской столицы. Командировка авторитетного российского востоковеда академика Бартольда в Турцию явилась важным вкладом в укрепление научных связей российских и турецких ученых. В качестве приложения публикуется часть дневника, со 2 по 14 января 1926 г., где Бартольд описывает первые две недели своей жизни в Константинополе.

Ключевые слова: научная командировка, дневник В.В. Бартольда, тюркология, наука в Турции, советско-турецкие научные контакты.

Для цитирования: Юсупова Т.И., Козинцев М.А. Командировка В.В. Бартольда в Турцию в 1926 г. на страницах его константинопольского дневника // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 82–100. DOI: 10.55512/WMO626791.

Об авторах: ЮСУПОВА Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Сектора истории Академии наук и научных учреждений СПбФ ИИЕТ РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ti-yusupova@mail.ru). ORCID: 0000-0003-0230-5871.

КОЗИНЦЕВ Марк Альвиевич, младший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН; старший преподаватель кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия) (m.kozintcev@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8588-739X.

В последнее десятилетие историки активно разрабатывают и вводят в научный оборот архивные материалы, особенно эпистолярное наследие, В.В. Бартольда (1869–1930), одного из самых знаковых и авторитетных российских востоковедов первой трети XX в. (Самойлович 2008; Зайцев 2013; Валеев и др. 2019; Ананьев, Бухарин 2020; 2021). Изучение его переписки, различного рода записных книжек и дневников дает возможность уточнить или по-новому интерпретировать события из жизни ученого и его научные изыскания. Дневник Бартольда, который он вел в январе–феврале 1926 г. в Константинополе (Стамбуле)¹, также представляет, по нашему мнению, несомненный интерес для изучения его деятельности. Дневник позволяет детализировать историю командировки Бартольда в Турцию, информация о которой весьма кратко представлена в биографической литературе об ученом, выявить круг его научных занятий, интересов и общения. Дневниковые записи освещают также еще одно важное направление его деятельности в Турции — работу по установлению научных связей между Академией наук СССР и турецкими учеными.

Учитывая формат публикации, позволим себе очень кратко отметить основные события по организации поездки Бартольда в Турцию.

В конце июня 1925 г. неперемный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург переслал Бартольду, который в это время находился в Ташкенте, письмо из Главнауки² с информацией о приглашении его приехать на два-три года в Турцию. В связи с этим с ним хотел встретиться турецкий посланник в СССР³. Со своей стороны Ольденбург, как один из руководителей Академии наук, высказал Бартольду свое мнение о нежелательности столь долгого отсутствия, поскольку его работа была «слишком нужна Академии». Ольденбург считал возможным согласиться на командировку «лишь при условии ее продолжения не более, примерно года...»⁴. Самого ученого поездка на такой большой срок также не устраивала. В ответном письме он написал, что «как ни приятно было бы снова попасть в Константинополь и поработать там, но при таких условиях, пожалуй, придется отказаться от этого удовольствия» (Ананьев, Бухарин 2020: 232).

Встреча Бартольда с турецким посланником А. Зекия (Aziz Zekâi Araydın, 1884–1947) состоялась в Москве 20 августа 1925 г.⁵ После обсуждения условий приглашения (его инициатором был министр просвещения Турции Хамдуллах Субхи (Hamdullah Suphi Tanrıöver, 1885–1966), высокопоставленный чиновник и профессор Стамбульского университета), Бартольд согласился приехать, но только на шесть — максимум восемь месяцев. Расходы, связанные с приездом, переездами и возвращением ученого домой турецкая сторона брала на себя, так же как и оплату его работы в Турции. Чем конкретно Бартольд должен будет заниматься, посланник, по имеющейся у него информации, не смог разъяснить. Этот вопрос предполагалось решить на

¹ Бартольд использовал официальное, принятое на международном уровне название города — Константинополь. В марте 1930 г. турецкое правительство предписало использовать только турецкий вариант названия города — İstanbul; в русифицированном варианте — Стамбул.

² Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (1921–1930), входила в состав Академического центра Наркомпроса РСФСР, созданного для координации научных исследований.

³ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 432. Л. 122. Письмо из Главнауки к Ольденбургу, 26 июня 1925 г.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 432. Л. 121. Письмо Ольденбурга к Бартольду, 29 июня 1925 г. Бартольд его получил 7 июля (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 402. Л. 104. Записная книжка за 1925 г.).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 402. Л. 110. Записная книжка за 1925 г.

месте. При этом Бартольд высказал готовность работать по предложению министра просвещения в должности научного сотрудника в Стамбульском университете⁶, где мог бы читать лекции турецким ученым по-немецки⁷.

Поездка Бартольда была поддержана Наркоматом иностранных дел и утверждена на заседании Отделения истории и филологии Академии наук 21 октября 1925 г. В своем выступлении он кратко проинформировал о переговорах с турецким посланником и попросил командировать его «на срок с 20 декабря 1925 по 20 сентября 1926 г.». В качестве цели Бартольд указал «ознакомления с константинопольскими собраниями восточных рукописей», которые, стали «значительно более многочисленными и богатыми», чем во время его первой поездки в Константинополь в 1906 г. (цит. по: Соегов 2017: 323). В командировочном удостоверении от Академии наук был добавлен еще один пункт, связанный с актуальностью для академического сообщества расширения международных контактов. Академик Бартольд командировался, во-первых, «для установления и упрочнения научной связи между учеными учреждениями Турции и СССР» и только во-вторых — «для занятий в константинопольских собраниях восточных рукописей»⁸. Несомненно, для Бартольда очень важно было знакомство с новыми историческими источниками — базой для его дальнейшей работы. Установление научных контактов с турецкими учеными являлось естественным развитием его исследовательской деятельности. Но в данном случае речь шла об определенной миссии, порученной ему Академией наук и шире — Комиссариатом иностранных дел, который курировал эту поездку. Советское внешнеполитическое ведомство рассматривало научные связи как один из важных компонентов усиления советского культурного влияния в Турции (Юсупова 2018). В своих отчетах о поездке Бартольд отмечал, что Наркоминдел встретил «с большим сочувствием» полученное им приглашение от турецкого правительства и придавал большое значение «будущему научному сотрудничеству между СССР и Турцией» (Бартольд 1973: 464).

Бартольд выехал в Турцию в самом конце декабря вместе с женой Марией Алексеевной Бартольд (1868–1928), которая была командирована от Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) Академии наук «для сбора этнографических коллекций»⁹.

Пребывание Бартольда в Турции распадается на два периода. Первый — со 2 января по 17 февраля 1926 г., до отъезда в Баку на Первый Тюркологический съезд, а оттуда из-за болезни — в Ленинград. Второй — с момента его возвращения в Стамбул 24 апреля и до завершения командировки 19 августа. Подробности жизни Бартольда в Турции до бакинского съезда нашли отражение в небольшом дневнике, в котором он делал ежедневные записи.

⁶ Здесь и далее речь идет об университете Дар уль-фюнун (*осм.* Dârülfünûn, букв. «Дом наук»), Османском университете, основанном в 1846 г. Его реорганизация и становление как светского образовательного учреждения началась после провозглашения Турецкой Республики (1923). Современный Стамбульский университет, созданный на базе Дар уль-фюнуна, основан в 1933 г.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 220. Л. 16–17. Перевод письма турецкого посланника. Бартольд выбрал немецкий язык, поскольку, как он писал, «общение с широкими кругами» затруднялось тем, что его «знакомство с турецким языком до сих пор было исключительно книжное» (Бартольд 1926: 64). В дальнейшем Бартольд отказался от чтения на немецком, поскольку, как оказалось, он не был распространен среди турецких студентов и исследователей.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 402. Л. 24–26. Командировочные удостоверения В. Бартольда, 20 ноября 1925.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 404. Л. 84. Командировочное удостоверение М.А. Бартольд, 24 октября 1925.

Первые дни в Стамбуле были заполнены знакомством Бартольда со Стамбульским университетом (Dârülfünûn), недавно созданным при университете Тюркологическим институтом (Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü), их библиотеками и параллельно продолжением выяснения, чем же он должен здесь заниматься, кроме реализации своих планов. Вначале предполагалось, что Бартольд сам поедет в Анкару для выяснения этого вопроса непосредственно с министерством просвещения¹⁰. Однако вскоре определение его конкретных задач передали в университет. Здесь приняли решение, что он подготовит курс лекций по истории тюркских народов Средней Азии, причем на русском языке, а на турецкий их переведет его хороший знакомый и коллега тюрколог Ахмет-Заки Валиди (Ahmet Zeki Velidi Togan, 1890–1970)¹¹.

Среди довольно широкого круга общения Бартольда в Турции следует особо выделить известного турецкого ученого-филолога Мехмеда Фуада Кёпрюлю (Mehmed Fuad Köprülü, 1890–1966). В сентябре 1925 г. он приезжал в СССР, был гостем на юбилейных мероприятиях по случаю 200-летия Академии наук. Здесь Кёпрюлю познакомился с российскими тюркологами, посетил ряд академических учреждений, выступил с несколькими лекциями. На Общем собрании в декабре 1925 г. Кёпрюлю был избран в члены-корреспонденты Академии наук. Представление на турецкого ученого написали академики Бартольд, И.Ю. Крачковский и Ольденбург. В круг общения Бартольда входили и другие турецкие исследователи, а также европейские, которые в это время работали в Стамбуле (Бартольд 1926).

Дневниковые записи Бартольда о пребывании в Константинополе со 2 января по 17 февраля 1926 г. хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹². Дело, где они находятся, называется «Дневник пребывания в Константинополе и другие заметки по этой поездке, 1926 г.». На самом документе названия нет. Записи производились на разрозненных листах формата А4, с двух сторон, за исключением л. 8, синими чернилами (кроме первой половины л. 1, где они сделаны карандашом), мелкой скорописью. Каждая запись начинается с даты, при этом название месяца указывается только в первых числах месяца. В записях много арабографичных вставок (названия сочинений, имена, понятия, цитаты). В этом случае в квадратных скобках нами дана латинская транскрипция. Сокращения отдельных слов встречаются редко. Их возможные прочтения, а равно слова, пропущенные Бартольдом при цитировании источников, также отмечены квадратными скобками.

В публикации текста дневника сохранены авторская пунктуация и орфография, написание личных имен, географических и топонимических названий, а также употребление термина «тюркология» в значении «тюркология». В примечаниях к тексту приводится их общепринятое в настоящее время написание.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 220. Л. 13. набросок к отчету о пребывании в Турции, б/д.

¹¹ Бартольд подготовил «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» (Бартольд 2002: 19–193), охватывающих период с VI в. до н.э. до новейшего времени, которые были переведены на турецкий А. Валиди и Р. Хулуси. Впоследствии были изданы на турецком (1927), немецком (1935) и французском (1945) языках (Бартольд 2002: 12).

¹² СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–12 (с об., кроме л. 8).

[Дневник поездки В.В. Бартольда в Константинополь, 1926 г.]¹³

3 января. Первый день в Константинопольском университете, دار الفنون [Dârü'l-fünûn¹⁴], огромное здание, прежнее здание военного министерства, 5 факультетов: естественн[о]научный (sciences), богословский, литературы, медицинский, юридический; к медиц[инскому] прикреплены школы фармацевтов и дантистов. Ректор, профессор анатомии медицинского факультета¹⁵, говорит, что университет в периоде реорганизации. Университет подчиняется министру нар[одного] просв[ещения] в Ангоре, но независим от представителя мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] в Константинополе; некоторая ведомственная борьба за эту независимость. Библиотека включает в себя, кроме библиотеки يلدز كوشك [Yıldız Köşk], еще несколько библиотек (خالص افندی) ابراهيم بی، رضا پاشا، خالص افندی [İbrâhim Bey, Rıza Paşa, Hâlis Efendi]¹⁶), общего каталога нет, есть каталоги отдельных собраний, не в алфавитном порядке, того же типа как другие вып[ущенные] каталоги, вместе печатные (باصمه [basma]) и рукописные (يازمه [yazma]) книги. Годы сочинения и написания смешиваются; напр[имер] географ[ическое] сочин[ение] Нишанджи Мустафа-бека¹⁷, 964 г.[х.]¹⁸ указан и как год сочинения и как год списка, между тем список совершенно новый. Есть несколько драгоценных рукописей, как диван Сулеймана Кануни¹⁹ (рукоп[ись] 973 г.[х.]) и сочинение Румузи²⁰ о завоеван[ии] Иемена Синан-пашой²¹.

4-го продолжение занятий в библиотеке. Сочинение Нишанджи и полное несоответствие между содержанием и оглавлением. Сочинение о Фергане, в каталоге (خالص افندی [Hâlis Efendi], 3776) строчное заглавие и определение آسیا تاریخی بحادر خان وقایعی حاکیدر چغتای [Âsyâ târîhi Bahâdır Hân vakayi'i hâkîdir Çağatay]²². Рассказы о событиях

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–12 (с об.). На документе название отсутствует.

¹⁴ Здесь и далее записанные Бартольдом арабским шрифтом слова и выражения транслитерированы в квадратных скобках согласно норме современного турецкого языка; в отдельных случаях отражены конкретные орфографические особенности их написания.

¹⁵ Нуреттин Али Беркол (Ahmet Nurettin Berkol, 1882–1955) — военный врач, профессор, ректор Стамбульского университета в 1925–1927 гг.

¹⁶ Изначально, личная библиотека султана Абдул-Хамида II во дворце Ыылдыз (тур. Yıldız Sarayı), главной резиденции османских султанов. После низложения Абдул-Хамида II (1909) перешла в подчинение Министерства просвещения. Библиотека дворца Ыылдыз вместе с перечисленными Бартольдом книжными собраниями Ибрагима Молазаде, Рыза-паши, Халис-эфенди, и другими образовали фонд Библиотеки редких книг Стамбульского университета.

¹⁷ Мустафа Челеби Джелаль-заде (Celâl-zade Mustafa Çelebi, ум. 1567) — османский государственный деятель и историограф.

¹⁸ Здесь и далее Бартольд, как правило, указывает год по исламскому календарю, в котором летоисчисление ведется от хиджры (16 июля 622 г.) — даты переселения пророка Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину. Традиционно обозначается на письме: г.х. (год хиджры).

¹⁹ Диван Мухибби (тур. Muhibbi Divanı) — собрание стихов султана Сулеймана I Великолепного (Kanûni Sultan Süleyman, правил 1520–1566), писавшего под псевдонимом Мухибби.

²⁰ Румузи (Rumûzî, ок. 1521 — 1582) — османский поэт и историк. Наиболее значительным его сочинением является «Наме-и Фютух-ы Йемен» («Книга о покорении Йемена»).

²¹ Коджа Синан-паша (Коса Sinan Paşa, ок. 1520 — 1596) — османский государственный и военный деятель албанского происхождения. Под его командованием османские войска подавили вспыхнувшее в 1567 г. восстание в Йемене.

²² «История Азии, рассказывающая о событиях [времен правления] Бахадыр-хана, на чагатайском [языке]» (тур.).

Кокандского ханства в народном стиле на среднеаз[изиатско]-тур[ецком] языке. Сближение Худояр-хана²³ в Константинополе с اغا عبد الرحيم باز افندی [Ağa Abdü'r-rahîm Bâz Efendî] из Нухи²⁴, путешествие его в Фергану во время Пулад-хана²⁵.

Трамвай; передние две скамьи مخصوص [mahsûs]²⁶ для женщин; прежде эти скамьи были отделены занавеской от остальной части вагона. Теперь занавесок нет.

5. Бесед[овал] с Потемкиным²⁷ между прочим по вопросу об институте²⁸. В Турции прежде признавались только права физических лиц, но не юридических; договоры заключались на имя подставного лица, дававшего потом особый документ об отказе от своих прав. Турки теперь ставят вопрос так, что советские власти должны в каждом отдельном случае доказывать свои права на то и другое имущество, а не огулом на бывшее имущество русского правительства. Институт помещался в наемном доме, но владел недвижимым имуществом (двумя пустырями). Издания института были проданы представителями прежней царской дипломатии американцам. Экспертом по делам института является один из служащих консульства, член бывшего Палестинского общества. Сообщение М.С. Михайлова²⁹ о книжке مملكة حكاية لرى [Memleket hikâyesi], автор رفیق خالد [Refik Hâlid]³⁰. Автор был в Константинополе во время перемирия³¹, сторонник Англии, уехал в Сирию, внесен в список 150 лиц, которым запрещено возвращение, в изгнании написал еще статью, за которую запрещено и печатание его сочинений. Михайлов прочитал мне перевод из рассказов; простота фабулы, но живая картина народных нравов, есть и элемент «стихотворений в прозе», в духе Рейхани³².

Вопрос о чаепитии и о costume.

Особые места для женщин и в вагоне métropolitaine (Галатский туннель)³³.

²³ Худояр-хан (1835–1886) — правитель Кокандского ханства из узбекской династии Мингов.

²⁴ Нуха (совр. Шеки) — древний город на территории Азербайджана.

²⁵ Пулат-хан (1844–1876) — один из руководителей Кокандского восстания 1873–1876 гг.

²⁶ Специально предназначенный (тур.).

²⁷ Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) — дипломат, советский государственный и партийный деятель. В 1924–1929 гг. находился на дипломатической работе в Турции: генконсул в Стамбуле (1924–1926), советник полпредства (1927–1929).

²⁸ Речь идет о Русском археологическом институте в Константинополе. Открыт в 1895 г., вынужденно прекратил свою деятельность в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. Имущество института, за исключением вывезенных ранее части архива и ряда предметов, было конфисковано турецким правительством и передано в Оттоманский музей. В 1925 г. при Академии наук была создана Комиссия по вопросу о Константинопольском Археологическом институте, в состав которой вошел В.В. Бартольд. Подробно см.: Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Дмитрий Булавин, 1999.

²⁹ Михайлов Михаил Семенович (1896–1969) — тюрколог, один из составителей (совм. с Д.А. Магазаником) «Русско-турецкого словаря» (М., 1943), переводчик сборника рассказов турецкого писателя Рефика Халида (1927) и др., преподаватель турецкого языка и литературы в Московском Институте востоковедения и Институте международных отношений.

³⁰ «Истории родного края» (1919) — книга рассказов турецкого писателя Рефика Халида Карая (1888–1965).

³¹ По-видимому, речь идет о Мудросском перемирии 30 октября 1918 г., ознаменовавшем поражение Османской империи в Первой мировой войне.

³² Амин Рейхани (1876–1940) — ливанский писатель, публицист; наиболее известен сборниками эссе, статей и речей на социально-политические темы «ар-Рейханият» (Т. 1–4, 1911–1923), в которых выражал свои гуманистические воззрения и идею сближения цивилизаций Запада и Востока.

³³ Галатский туннель или Тюнель (тур. Tünel) — старейший подземный фуникулер Стамбула, построен в 1875 г., чтобы соединить два района города — Каракёй (Karaköy) у Галатского моста и Бейоглу (Beyoğlu).

6 января. День в полпредстве оказался праздничным. Поездка в автомобиле по Стамбулу; раньше приход д[окто]ра Виттека (бывший австрийский офицер, теперь корреспондент западных газет и научный деятель)³⁴; хорошо говорит по-турецки; принял участие в поездке. Знает хорошо топографию Константинополя; перешел к восточной истории от античной. Посетили Ая-Софию, Сулеймание³⁵, Кахрие Джами³⁶; стены, особенно Еди-куле³⁷; в Еди-куле надписи, преимущественно латинские, людей, содержащихся здесь в плену и потом освобожденных. Рассказы Виттека о турецких научных делах, похвалы Халиль-бею, отлично говорит по-немецки, усвоил немецкую науку, занимается преимущественно эпохой диадохов³⁸. Не вполне одобрительное отношение к Кёпрюлю-заде³⁹, хотя признает его заслуги в области изучения малоазиатских религиозных движений. Совершенно отрицательное отношение к Бабингеру⁴⁰, не знает ни арабского, ни персидского, ни турецкого языка. Отсутствие людей среди турок, знающих арабский язык, за немногочисленными исключениями; трудность организации работы по каталогизации рукописей.

7 января. Утром прогулка по городу, новое видел Ат-Мейдан⁴¹ и обелиск⁴². В библиотеке продолжение чтения истории ханов. Книга писалась 22 года, имя автора неизвестно, для Худояр-хана. Роль Абд-ар-рахима Нухунского⁴³, по-видимому, не автор, вероятно привез рукопись в Константинополь. Разговор с Ахмед Заки Валидовым⁴⁴ в гостинице и в библиотеке; обратил мое внимание на известие Вассифи⁴⁵ о постройке Батыем дворца в Саксине⁴⁶; это говорило бы в пользу помещения Саксина на месте Сарайчика⁴⁷. Сам Валидов помещает Саксин в другом месте, около Илецкой защиты⁴⁸, где это название есть в современной терминологии. По-видимому,

³⁴ Пауль (Пол) Виттек (Paul Wittek, 1894–1978) — немецкий тюрколог; участвовал в Первой мировой войне сначала на восточном фронте, затем состоял в качестве советника при османском Генеральном штабе. После войны изучал турецкий язык в Венском университете, несколько лет работал в Турции при Стамбульском отделении Германского археологического института (Deutsches Archäologisches Institut, Abteilung Istanbul).

³⁵ Мечеть Сулеймание (*тур.* Süleymaniye Camii) — одна из крупнейших мечетей Стамбула.

³⁶ Карие-Джами (*тур.* Kariye Camii) — мечеть в Стамбуле, памятник византийской архитектуры.

³⁷ Йедикюле (*тур.* Yedikule), «Семибашенный замок» — крепость в Стамбуле, устроенная Мехмедом Завоевателем в 1458 г., вскоре после взятия Константинополя.

³⁸ Диадохи — полководцы Александра Македонского, вступившие в борьбу за наследие своего царя и разделившие его империю на части в ходе серии войн с 323 по 301 г. до н.э.

³⁹ Мехмед Фуад Кёпрюлю-заде (Mehmed Fuad Köprülü (Köprülüzaade), 1890–1966) — турецкий тюрколог, литературовед, поэт и историк, профессор Стамбульского университета, член-корр. АН СССР (1925).

⁴⁰ Франц Бабингер (Franz Babinger, 1891–1967) — немецкий историк-востоковед, специализировавшийся на истории Османской империи.

⁴¹ Ат-Мейдан — площадь в стамбульском районе Фатих; ныне площадь Сутанахмет (*тур.* Sultanahmet Meydanı).

⁴² Речь, по-видимому, идет о Египетском обелиске, или обелиске Феодосия. На площади Суланахмет имеется еще один обелиск — обелиск Константина.

⁴³ Лицо не установлено.

⁴⁴ Валидов (Валиди) Ахмед-Заки (Ahmet Zeki Velidi Togan, 1890–1970) — востоковед-тюрколог; лидер башкирского национально-освободительного движения (1917–1920), в 1923 г. эмигрировал за границу, с 1925 г. — в Турции, профессор Стамбульского ун-та; с 1914 г. тесно сотрудничал с Бартольдом.

⁴⁵ Вассифи Зайниддин Махмуд (1485–1551 или 1566) — таджикский писатель, историк и поэт.

⁴⁶ Саксин — город, существовавший в XII–XIII вв. в Нижнем Поволжье. Известен по трудам средневековых арабских географов и историков, а также по русским летописям.

⁴⁷ Вероятно, речь идет о древнем городе Сарайчик на территории современного Казахстана.

⁴⁸ Илецкая защита — деревянная крепость, построенная в 1754 г. для защиты поселения, жители которого занимались разработкой близлежащих соляных копей, от кочевников.

слова Махмуда Кашгарского⁴⁹, что Саксин=Сувар⁵⁰, имеют основание; Валидов говорил об ученом, называвшемся Саксини и в то же время Сувари. Может быть название Саксин встречалось несколько раз.

Чаепитие в университете. Особенно подробно говорил с Халиль-беем⁵¹, директором музея; вопреки рассказам очень любезен, обещал показать музей и его библиотеку. По его мнению, мною воспользуются при организации института. Неджиб Асим⁵² и другие.

8-го утром в Галате, днем в 5 час. с Потемкиным и Михайловым на концерт в *ترك اوچاغی* [Türk Oçağı]⁵³. Во главе председательница, не говорит на иностранных языках; ее помощник Сахри-бей, настоящий руководитель. При *ترك اوچاغی* [Türk Oçağı] курсы иностранных языков, немецкого, франц[узского], англ[ийского] и итальянского; предложение ввести курсы русского и турецкого. Строгие правила приема; предложение кандидатур только пятью членами, состоящими в очаге не менее двух лет; кандидатура в правление, потом в общее собрание, в одном собрании предлагают, в следующем баллотируют. Ахмед Агаев⁵⁴ в прошлом году устроил «чистку» очага; было 3000 членов, теперь 200 (в Констант[инополе]). Собрания каждую неделю, скоро предполагается собрание с декламацией турецких стихотворений. Всего в Турции 170 очагов, есть не только в городах, но и в деревнях; сам Сахри-бей находит, что это слишком много. Центр в Ангоре.

9-го утром в музее; любезность Халиль-бея; получил от него путеводитель по Топкапу-Сарай, турецкий и французский, и оттиск его статьи о малоазиатских династиях из его перевода английского Лэн-Пуля⁵⁵ с дополнениями. Халиль-Эдхем — брат Галиб-Эдхема⁵⁶, автора труда об османской нумизматике⁵⁷. Теперь он дошел до перевода монгольских династий; пользуется и моим Лэн-Пулем⁵⁸. По его словам,

⁴⁹ Махмуд Кашгарский (1028 или 1029–1101 или 1126) — тюркский филолог и лексикограф; составитель «Словаря тюркских наречий» — единственного дошедшего до наших дней памятника тюркской диалектологии раннего периода.

⁵⁰ Сувар — второй по значимости город Волжско-Камской Булгарии, известный с X по XIV в.

⁵¹ Халил Эдхем Эльдем (Halil Ethem Eldem, 1861–1938) — османский и турецкий государственный деятель; директор Стамбульского Музея древностей во дворце Топкапы — главном дворце Османской империи до середины XIX в. Открыт для посещения как музей 9 октября 1924 г.

⁵² Неджиб Асим (Necip Âsim Yazıksız, 1861–1935) — тюрколог, автор книги «Орхонские памятники» (Orhun Âbideleri. İstanbul: Matbaa-i Âmire, 1340 [г.х.]), изданной на османском языке.

⁵³ «Турецкие очаги» (*тур. Türk Ocakları*) — общество, основанное в Стамбуле в 1912 г.; представляло собой сеть культурно-просветительских центров, активно занимавшихся пропагандой идей пантюркизма. После завершения национально-освободительной борьбы стали органом пропаганды идей кемализма и турецкого национализма.

⁵⁴ Ахмед-бей Агаев (Ahmet Ağaoglu, 1869–1939) — азербайджанский и турецкий общественный деятель, политик и ученый. Одна из ведущих фигур и идеологов общества «Турецкие очаги».

⁵⁵ Стенли Лейн-Пул (Stanley Lane-Poole, 1854–1931) — британский историк-востоковед, исламовед, нумизмат.

⁵⁶ Исмаил Галиб (İsmail Galib, 1847–1895) — османский нумизмат, сын великого визира Ибрагима Эдхем-паши Саказылы.

⁵⁷ Имеется в виду сочинение Исмаила Галиба «Таквим-и мескукат-ы османиййе» (*осм. «Хроника османских монет»*); издано в Стамбуле в 1907 г.

⁵⁸ Один из важнейших трудов Стенли Лейн-Пула “The Mohammedan Dynasties. Chronological and genealogical tables with historical introductions” (Westminster, 1894). В 1899 г. вышел перевод этой книги на русский язык В.В. Бартольда с его многочисленными исправлениями и дополнениями (Лэн-Пуль С. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Пер. В. Бартольд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899).

Успенский⁵⁹ при отъезде взял лучшие предметы институтского музея с собой, оставленное хранится в ящиках; отдельно хранится библиотека института. Успенский производил раскопки для Оттом[анского] музея и получил часть предметов; сюда относятся и македонские раскопки в Патели⁶⁰, интересные для Спицына⁶¹. Еще в музее библиотека преимущественно из французских сочинений (в 1906 г. здания библиотеки еще не было). Отдельно библиотека восточных рукописей; заведующий Алибей; составляет каталог по образцу европейских; но показанная мне часть каталога (карандашом) не отличалась от обычного типа восточных каталогов. Арабские, персидские и турецкие рукописи вместе; распределены по отделам, но без соблюдения хронологического порядка в отделах. В просмотренном мною списке отдела تاريخ [Târîh]⁶² рукописи многие исключительно турецкие, из персидских حبيب السير [Habîbî's-siyer]⁶³, несколько кратких, относящихся к Египту. Мне показали превосходную рукопись (турецкую) كتاب كزیده [Kitâb-ı güzide], религ[иозного] сочинения, написанного на татарском языке ابو نصر بن طاهر بن محمد سرخسی [Ebü Nasr bin Tâhir bin Muhammed Serahsî]⁶⁴, переведенного на турецкий для Каитбая⁶⁵ (الملك الاشرف ابو نصر قايتباى [el-Melikü'l-Eşref Ebü Nasr Kaıtbay]), имя переводчика на заглавном листе محمد رباني [Mehmed Rabbânî], в тексте مجد بن بالی [Mehmed bin Bâlî], список 889 г.[х.] в Египте, переписчик один из мамлюков. Кроме того, два хороших списка Нешри⁶⁶. По словам Халиль-Эдхема, в Топ-Капу-Сарай большая библиотека, приводимая в порядок и через три месяца будет доступна, там есть хороший список Рашид-ад-дина, относящийся к времени за несколько лет до смерти автора.

Türk[ische] Bibliothek Jacob-Tschudi, Bd. 16, Berl[in,] 1913; H. Thorning, Beiträge zur Kenntnis des islamischen Vereinswesens auf Grund des Bası Madad et-Taufiq⁶⁷. Главным образом о فتوة [fütüvvet] и о связи فتوة [fütüvvet] с дервишскими орденами и ремесленными цехами. Кроме названного в печати турецкого печатного сочинения особенно важна арабская рукопись Tübingen M. a. VI. 137, список 844 (1440) г.[х.], о нем стр. 45–52, 188–206. (46)⁶⁸ Автор المعروف بابن العمار الفقيه الحنبلي ابو عبد الله مجد الله [?] ارم المعروف بابن العمار الفقيه الحنبلي ابو عبد الله مجد الله البغدادي [Ebü Abdallah Muhammed el-(?)ârm el-Ma'rûf bi-İbnü'l-Ömer el-Fakih el-Hanbelî

⁵⁹ Успенский Федор Иванович (1845–1928) — российский византист, академик (1900); директор Русского археологического института в Константинополе (1894–1914).

⁶⁰ Имеются в виду раскопки в селе Патели в Македонии.

⁶¹ Спицын Александр Андреевич (1858–1931) — археолог, профессор, член-корр. АН СССР (1927).

⁶² «Отдел истории» (тур.).

⁶³ «Хабиб ас-сийар» (араб. «Друг жизнеописаний») — всеобщая история, написанная персидским историографом Хондемирмом (ум. 1535–1536).

⁶⁴ Абу Наср б. Тахир б. Мухаммад ас-Сарахси — богослов, автор религиозного сочинения «Китаб-ы гузиде» («Книга избранного»). Язык данного сочинения (здесь определен Бартольд как татарский) являлся смешанным диалектом. В XIV в. сочинение было переведено на староанатолийско-тюркский (староосманский) язык Мехмедом б. Бали.

⁶⁵ Ал-Ашраф Сайф ад-дин Ка'ит-бай (1418–1496) — мамлюкский султан (1468–1496).

⁶⁶ Мевлана Мехмед Нешри (1450–1520) — видный представитель ранней османской историографии.

⁶⁷ Книжная серия «Турецкая библиотека» (нем. Türkische Bibliothek); издавалась в 1904–1929 гг. в Берлине под редакцией Георга Якоба (Georg Jacob, 1862–1937) и Рудольфа Чуди (Rudolf Tschudi, 1884–1960). Здесь упомянут 16-й том этой серии: Thorning H. Beiträge zur Kenntnis des islamischen Vereinswesens auf Grund von Bası Madad et-Taufiq. Berlin: Mayer & Müller, 1913.

⁶⁸ Здесь и далее в записи от 9 января номера страниц в книге Г. Торнинга, на которую ссылается Бартольд, указанные в скобках перед словами, в оригинале соответствуют надписанным сверху над данными словами.

⁶⁹ В книге: ابي.

el-Bağdādī], тут же о нем رحمة الله عليه [rahmetullahi aleyh]. (47) Говорит о халифе Насире⁷⁰ как سيدنا ومولانا [seyyidnâ ve mevlânâ], но формула صلوات الله عليه [salâvâtullahi aleyh], выражения Торнинга⁷¹ [стр.] 48 widmet der Verfasser das Buch dem Dienste des Chalifen⁷², но [стр.] 51: sicher ist, dass für ihn die ideale Zeit der Futuwwa, wie er sie sich [etwa] zur Zeit des Chalifen Nâsir denkt, bereits dahin ist⁷³. О нем особенно стр. 48⁷⁴: أحيى سنتها ومعالمها سيدنا ومولانا الامام ابو العباس احمد الناصر لدين الله امير المؤمنين صلوات الله عليه وكان احق بها واهلها وجمع⁷⁵ ما تشئت من نظامها وسيد⁷⁶ ما تعطل من احكامها⁷⁷ (206) О нем и футувве⁷⁸ еще Ибн ал-Асир [Т.] XII⁷⁹, [стр.] 286 сл[едующие]; (205) Хаджи Хальфа (Reiske⁸⁰, Abulf[edae Annales Muslemici], [Т.] IV, 679) под 578 г.[х.] О его рисале⁸¹ عبد الجبار [Abdülcebbâr], в тьюбинг[енской] рукоп[иси] Абд ал-Джаббар б. Салик ал-Багдади. О противопоставлении времени Насира и времени автора [стр.] 205 и сл[едующие]. (208) Из Ибн ал-Фурата⁸² Hammer в JAS, [5. Série, Tome] VI⁸³, [стр.] 285 сл[едующая]; о посольстве Насира насчет футуввы к Эйюбиду Мансуру⁸⁴ в Хаме. (209) Ибн Тагриберди⁸⁵ под годом смерти Насира называет ал-Адила и Нур-ад-дина (так у Хаммера, по рукописи Berl[in,] Ahlw[ardt,] № 9820⁸⁶, Шихаб-ад-дин, владеет[ель] Газны и Индии). (210) Абул-

⁷⁰ Абу-л-Аббас Ахмад ан-Насир Лидиниллах (1158–1225) — багдадский халиф (1180–1225) из династии Аббасидов.

⁷¹ Герман Торнинг (Hermann Thorning, 1889–1915) — немецкий востоковед-тюрколог, ученик Г. Якоба. О его книге см. примеч. 67.

«Автор посвящает книгу должности халифа» (нем.).

⁷³ «Несомненно, что для него идеальное время футуввы, каким он его себе представляет, примерно во времена халифа Насира, и оно уже позади» (нем.).

⁷⁴ Номер страницы указан Бартольдом ошибочно. Данная цитата в книге находится на с. 47.

⁷⁵ В книге: فجمع.

⁷⁶ В книге: وشيد.

⁷⁷ «Самые изумительные из обычаев и примет ее — наш господин и повелитель, имам Абу-л-Аббас Ахмад ан-Насир ли-Дин Аллах, повелитель правоверных, да пребудут над ним благословения Аллаха. Он был подходящим для нее и достойным ее, и соединил он то из порядка ее, что пришло в расстройство, и (он) хозяин того, что было в небрежении из установлений ее» (араб.). — Пер. Д.В. Зайцевой, С.А. Французова.

⁷⁸ Футувва — в исламском мистицизме понятие, объединяющее высокие моральные качества: альтруизм, аскетизм, терпимость и т.п.; обозначало также городские организации цехового типа, существовавшие на востоке Арабского халифата.

⁷⁹ Ибн ал-Асир (1160–1233) — арабский историограф. Имеется в виду издание: *Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. Vol. XII. Ed. C.J. Tornberg. Upsaliae, 1853.

⁸⁰ Иоганн Якоб Рейске (Johann Jakob Reiske, 1716–1774) — немецкий филолог-классик, византист и арабист. Бартольд ссылается на 4-й том изданного им перевода на латынь сочинения Абу-л-Фиды: *Abulfedae. Annales Muslemici Arabice et Latine. Opera et studii Io. Iacobi Reiskii*. T. IV. Hafniae, 1792.

⁸¹ Рисале — произведение обычно небольшого объема, посвященное какому-либо конкретному вопросу.

⁸² Ибн ал-Фурат (1335–1405) — мамлюкский историограф.

⁸³ Имеется в виду статья: *Hammer-Purgstall [J. de]. Sur les passages relatifs à la chevalerie dans les historiens arabes // Journal Asiatique*. 5. Série. Tome VI. Paris, 1855. P. 282–290.

⁸⁴ Упомянут эмир Хамы Ал-Мансур I Мухаммад б. Умар (1191–1220).

⁸⁵ Ибн Тагриберди (ум. 1470) — мамлюкский историограф.

⁸⁶ Имеется в виду рукопись второй части историографического сочинения Ибн Тагриберди «Ан-Нуджум аз-захира фи-ль-мулук Миср ва-ль-Кахира» («Блестящие звезды владык Египта и Каира»), описание которой под номером 9820. Spr. 189 содержится в каталоге Вильгельма Альвардта (Wilhelm Ahlwardt, 1828–1909): *Ahlwardt W. Verzeichniss der Arabischen Handschriften // Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin*. 20 Band. Berlin: A. Asher & Co, 1897. S. 310–311.

фида⁸⁷ относит посольство к 607 (1210–11 г.), выражения *يشيروا له كاس الفتوة ويلبسوا لها* *سرأولها*⁸⁸. О فتوة [fütüvvet] из Макризи у Катрмера⁸⁹, *Histoire des Sultans Mamlouks de l'Égypte*, T. I, p. 58, note 83, Paris 1837. (214) О فتیان [fityân]⁹⁰ в Малой Азии особ[енно] Ибн Баттута [Т.] II, [стр.] 260 ff.⁹¹

10-го в Топ-Капу-Сарай с Халиль-Эдхемом. Помещения с сосудами (чини), большое количество. Приготовление для библиотеки нового здания, будет готово через три месяца; это здание — одно из мечетей Мехмеда Фатиха⁹²; рядом женская мечеть, тоже будет включена в библиотеку; из пристройки будет сделан читальный зал. Теперь библиотека в прежнем помещении, список рукописей новый и старый, старый составлен при Ахмеде III⁹³, есть собственноручная его запись; он был каллиграфом. В новом списке только заглавия, разделенные на отделы. Великолепно иллюстрированная рукопись Рашид-ад-дина⁹⁴ 717 г.х. всеобщая история (древность, ислам до конца халифов, включая греческие династии до конца хорезмшахов, турки-огузы, Китай, Израиль, франки, Индия. Рукопись تاریخ برهانی [Târîh-i Bûrhanî], история Бурхан ад-дина Сивасского⁹⁵, список 1127 г.х. с рукописи автора, по словам Халиль-Эдхема заглавие بزَم رزم [Bez_m u gez_m]⁹⁶, оригинал.

Вечером у Виттека. Работы о начале османского государства, намерение Виттека восстановить текст первоначальной хроники, которой пользовались позднейшие источники. Они составлены вероятно не раньше вступления на престол Баязида I (1389)⁹⁷ и не позже битвы при Ангоре (1402). Жена Урхана⁹⁸, которая была назначена правительницей Никеи⁹⁹, вероятно византийская царевна. Об этом браке Урхана подробно говорится в византийских источниках.

11-го января. Занятия в библиотеке университета; Ахмед-бей обратил мое внимание на издание Нешри, сделанное Бабингером¹⁰⁰. Есть отдельный каталог историче-

⁸⁷ Абу-л-Фида (1273–1331) — мамлюкский военный и политический деятель, географ и историограф.

⁸⁸ «Они выпили за него чашу футуввы и надели на нее шаровары ее (футуввы)» (араб.). — Пер. Д.В. Зайцевой, С.А. Французова.

⁸⁹ Этьенн Марк Катрмер (Étienne Marc Quatremère, 1782–1857) — французский востоковед. Упомянуто его критическое издание труда арабского историка и географа ал-Макризи (1364/65–1442): *Histoire des sultans mamlouks, de l'Égypte, écrite en arabe par Taki-eddin-Ahmed-Makrizi*. 2 Vols. Paris, 1837, 1845.

⁹⁰ Юноши (осм.) — изначально имелись в виду члены братства *ахи*.

⁹¹ *Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr V.R. Sanguinetti*. T. II. Paris, 1877.

⁹² Мехмед II Завоеватель (Фатих) (1432–1481) — султан Османской империи (1444–1446, 1451–1481).

⁹³ Ахмед III (1673–1736) — султан Османской империи (1703–1730).

⁹⁴ Рашид ад-Дин Фазлаллах Хамадани (между 1247 и 1250–1318) — иранский политический деятель, врач и историк.

⁹⁵ Кадий Бурханеддин Ахмед (тур. Kadı Burhaneddin, 1345–1398) — поэт, ученый, основатель государства в Малой Азии со столицей в Сивасе.

⁹⁶ «Базм о разм» (перс. «Развлечение и война») — историографическое сочинение Азиза б. Ардашира Астарабди, важный источник по истории государства Кадия Бурханедина Сивасского.

⁹⁷ Баязид I Молниеносный (1354–1403) — правитель Османской империи (1389–1402).

⁹⁸ Речь идет о Нилюфер-хагун — жене Орхана-гази (ум. 1362), правителя Османского государства (1324–1362).

⁹⁹ Никея (совр. Изник) — древний город на западе Малой Азии.

¹⁰⁰ Мевлана Мехмед Нешри (1450–1520) — османский историк, видный представитель ранней османской историографии. По-видимому, речь идет об издании: *Babinger F. Schejh Bedr ed-Dîn, der*

ских сочинений; есть каталог вошедших в состав универ[ситетской] библиотеки собраний, очень неясно составленный. Рукопись рифмованной хроники султана Мурада III¹⁰¹ 989 г.[х.], сочинение علا الدين بن حضور شیرازی [Alâüddîn bin Huzûr Şîrâzî], иллюстрации, изображение обсерватории и план Константинополя, سرای [saray] в Скутари¹⁰².

12-го в библиотеке продолжил заниматься рукописью истории Мурада III. Приезд Кёпрюлю-заде из Ангоры, вместе с Ахмед-беем к нему домой; дом позади мечети султана Ахмеда, над Мраморным морем. Хороший кабинет, хорошая библиотека; показали мне рукопись مجمل التواريخ [Mücmelü't-tevârih] (520 г.х.) 751 г.х. и рукопись совершенно неизвестного (ее, по словам К[ёпрюлю]-заде, не знал и Самойлович) сочинения Шейбани¹⁰³ религиозного содержания, написанного для его сына Мух[ахмеда]-Тимура¹⁰⁴ в 913 г.[х.] рукопись в Мешхеде¹⁰⁵ 916 г.[х.] Кёпрюлю-заде иногда тратит на книги все свое жалованье и входит в долги; из моих работ перевели статью о погребении Тимура¹⁰⁶, теперь переводят Улугбека¹⁰⁷. Особого вознаграждения за такие переводы не полагается. За печатные статьи журналы платят по 75 пиастров за страницу.

Из разговора с К[ёпрюлю]-заде выясняется, что моя поездка в Ангору теперь не считается необходимой; не было речи и о привлечении меня к рассмотрению каких-нибудь проектов по делам просвещения вообще и туркологии в частности. Речь шла только о курсе; остановились на том, что курс будет составлен мною по-русски, переведен Валидовым и прочтен им же в университете после моего возвращения из Баку. Поездка туда предполагается с К[ёпрюлю]-заде.

Замечательно взимание в трамвае и в туннеле платы не круглыми суммами. Проезд в туннеле стоит 2 пиастра 30 пара¹⁰⁸, проезд в трамвае от моста до Баязидийе¹⁰⁹ 6 пиастров 10 пара, от Софии до Перы 8 п[иа]стров 30 пара.

В библиотеке было трудно войти в комнату с иллюстрированными рукописями, потому что Сабри-бей взял ключ с собой и не пришел в библиотеку. Слова Ахмед-бея о «лени».

13-го. Шел пешком в библиотеку университета; видел на улице (Диван-йолу) похоронную процессию; тело несли на руках на доске, движение очень медленное. Завтракал в небольшом турецком ресторане, кебаб, халва и кофе.

В газете خلق غزته سی [«Halk Gazetesi»] беседа с Кёпрюлю-заде, с упоминанием обо мне и моих предполагаемых занятиях. От Ахмед-бея слышал о проекте нового дого-

Sohn des Richters von Simāw. Ein Beitrag zur Geschichte des Sektenwesens im altosmanischen Reich // Der Islam. 1921. Bd. 11. S. 1–106.

¹⁰¹ Мурад III (1546–1595) — султан Османской империи (1574–1595).

¹⁰² Скутари, или Ускюдар (тур. Üsküdar) — район Стамбула.

¹⁰³ Мухаммед Шейбани-хан (1451–1510) — основатель династии Шейбанидов и хан Бухарского ханства; поэт, автор философско-богословских произведений.

¹⁰⁴ Мухаммед Тимур-султан (XV в. – 1514) — представитель узбекской династии Шейбанидов, узбекский военачальник и политик.

¹⁰⁵ Мешхед — второй по величине город в Иране, священное место для всех шиитов; здесь находится одна из наиболее значимых для шиитов святынь — мавзолеей имама Резы.

¹⁰⁶ Бартольд В. О погребении Тимура // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXIII. 1915. СПб.: Тип. ИАН, 1916. С. 1–32.

¹⁰⁷ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Пг.: Тип. РАН, 1918.

¹⁰⁸ Пара — денежная единица Турции, равная 1/40 пиастра.

¹⁰⁹ Мечеть Баезид (тур. Bayezid Camii, Beyazıt Camii) — одна из больших мечетей Стамбула. Рядом с мечетью находятся главные ворота Стамбульского университета.

вора со мной на шесть месяцев. В библиотеке читал между прочим рукопись истории города Сафада¹¹⁰, на арабском языке: мнение, что Геннисаретское озеро¹¹¹ самое большое в мире пресное озеро. Рукопись путешествия Накиба¹¹² (в списках, по-турецки) в Мекку. Библиотекарь был болен, не пришел и сегодня. Приглашение к Халиль-бею на чаепитие.

14-го утром в институте туркологии, надпись *تورکیات اینستیتوسی* [Türkiyât Enstitüsü]¹¹³. В библиотеке института служит татарин Нимет из местности Чистополя, кончивший только реальное училище. Библиотека Катанова¹¹⁴ заключала в себе очень редкие вещи, в том числе историю Сибири Миллера и Фишера¹¹⁵, первый французский перевод Абульгази¹¹⁶; из произведений западноевропейской науки часть иезуитской литературы о Китае, путешествие в Персию Kakasch von Zalonkemeny¹¹⁷ и Тектандера¹¹⁸. Из произведений османской историографии я видел только историю Кашгара (*کاشغر تاریخی* [Kâşğâr Târîhi]) Мух[амеда] Атифа, 1300 г.[х.]¹¹⁹ Каталог составлен очень плохо, напротив слова «инородцы» в заглавии диссертации Ивановского¹²⁰

¹¹⁰ Сафад (Сафед, *совр.* Цфат) — город в Северном округе Израиля.

¹¹¹ Геннисаретское или Галилейское море (*совр.* Тивериадское озеро) — пресноводное озеро на северо-востоке Израиля.

¹¹² *Накиб* — многозначный арабский термин, определяющий главу, старейшину или представителя какой-либо организации или общества. О каком накибе здесь идет речь, из контекста непонятно.

¹¹³ Институт тюркологических исследований (*тур.* Türkiyât Araştırmaları Enstitüsü) — научно-исследовательский институт в структуре Стамбульского университета; создан по инициативе Ата-тюрка при активном участии М.Ф. Кёпрюлю-заде. Формально учрежден 12 ноября 1924 г. решением Совета министров Турции.

¹¹⁴ Катанов Николай Федорович (1862–1922) — российский ученый-тюрколог, педагог и общественный деятель, профессор Казанского университета и Казанской духовной академии. В 1914 г. продал свою личную научную библиотеку, насчитывавшую 7325 книг, великому везиру Османской империи Хюсейну Хильми-паше.

¹¹⁵ Герхард Фридрих Миллер (Gerhard Friedrich Müller, в русифицированной форме Федор Иванович Миллер, 1705–1783) — русско-немецкий историограф, естествоиспытатель и путешественник, академик Петербургской академии наук; автор сочинения «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена». Первый том издан в Санкт-Петербурге в 1750 г. (2-е изд. 1787). Иоганн Фишер (Johann Eberhard Fischer; 1697–1771) — русско-немецкий историк, академик Петербургской академии наук, автор книги «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» (СПб., 1774).

¹¹⁶ Абу-л-Гази (1603–1664) — хивинский хан из узбекской династии шейбанидов, историк и писатель. Автор двух исторических сочинений на староузбекском языке: «Родословная туркмен» (1661) и «Родословная тюрков».

¹¹⁷ Стефан Какаш (Stephano Kakasch von Zalonkemeny, 1565–1603) — в 1602 г. отправлен в качестве посла императора Священной Римской империи Рудольфа II ко двору иранского шаха Аббаса I.

¹¹⁸ Георг Тектандер (Georg Tectander von der Jabel, ок. 1581 — 1614) — секретарь Стефана Какаша во время посольства в Персию в 1602–1605 гг. Возглавил миссию после смерти Какаша. Отчет об этом путешествии, изданный в 1609 г. на немецком языке, впоследствии переиздавался и был переведен на французский (1877) и русский (1896) языки.

¹¹⁹ Имеется в виду сочинение «История Кашгара. Удивительные невиданные диковинки» (Kâşğâr Târîhi ve Bâis-i Hayret Ahvâl-i Garîbesi. İstanbul: Mîhrân Matbaası, 1300 г.[х.]), составленное Мехмедом Атыфом.

¹²⁰ Ивановский Алексей Осипович (1863–1903) — китаист, тибетолог, профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1889 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Юнь наньские инородцы в период династий Юань, Мин и Дай Цин».

переведено غير روس [gayr-i Rus]¹²¹. В институт приходят заниматься туркологией только несколько молодых людей, преимущественно татар. Молодые люди представились мне как мои будущие слушатели, среди них были две девицы, интересующиеся фольклором (турчанки, почти не говорящие по-французски); указал на значение работ Куноша¹²², они находят их неинтересными. Мнение одного из татар, что имя «Мухамед-Тарагай¹²³» было заменено именем «Улугбек» потому, что женщины не могли произносить имени прадеда мальчика; из уст женщин имя «Улугбек» перешло во всеобщее употребление. Беседа с издателем Коркуда¹²⁴ и ديوان لغات الترك [Dîvânü lugâti't-Türk], тоже почти не говорит по-французски.

В истории Кашгара автор в предисловии называет только один источник — донесение и рассказы کاظم افندی [Kâzim Efendi], посла султана к Якуб-хану¹²⁵, который правил в Кашгарии 3½ года с 1291 до 1294 г. Предполагалось разделить труд на три части: 1) история от потопа до нашего времени; 2) география и права жителей; 3) биографии известных кашгарцев. Здесь только первая часть. В начале элементарные географические сведения, конец истории времени до хиджры на стр. 24; упоминание о 96 г. с. 28; о Кутейбе¹²⁶ [с.] 37, о взятии им Кашгара [с.] 38.

Изложение мусульманского периода тоже без ссылки на источники, много произвольных предположений и ошибок. (314)¹²⁷ О بز [bez¹²⁸] (также اون [un¹²⁹] и بغدادی [buğday¹³⁰]) вместо денег в Кашгаре, (315) об имени خان مله [Malla Han¹³¹] так же на монетах и печати. (320) О могуществе России (начало завоев[ания] Сибири в 905 г.[х.]). (321) О событиях после 1274 г.[х.] (324 и сл[едующие]) دورغانيلر [dûrgânîler] в смысле дунганы. (331) Город کوچار [Kûçâr¹³²]. (347) О Якуб-Беке, ниже обыкновенно Якуб-хан, (358 сл[едующий] текст) также в фермане¹³³ султана 15 реджеба 1292 г.[х.] о признании верховенства султана; влияние англ[ийского] посла,

¹²¹ В статье «Из поездки в Турцию» (Научный работник. 1926. № 11. С. 71) Бартольд по этому поводу пишет: «...в заглавии диссертации покойного А.О. Ивановского „Юнь-наньские инородцы“ слово „инородцы“ передано через зайри рус (нерусские), хотя речь идет не о русских, а о китайских инородцах».

¹²² Кунош Игнац (Ignác Kúnos, 1860–1945) — венгерский тюрколог, специалист по фольклору.

¹²³ Мухаммед Тарагай — личное имя правителя Империи Тимуридов, ученого и поэта Улугбека (1394–1449).

¹²⁴ По-видимому, имеется в виду Рифат Бильге Килисли (Kilisli Rifat Bilge, 1874–1953) — исследователь турецкого языка и литературы, специалист по истории книги. Автор большого числа научных работ, в том числе издания огузского героического эпоса «Книга моего Деда Коркуда на языке племени огузов» (Kitâb-ı Dede Korkud alâ Lisân-i Tâife-i Oğuzân. İstanbul: Matbaa-i Âmire, 1332 [г.х.]) и словаря Махмуда Кашгарского (Dîvânü lûgati't-Türk. 3 ciltte. Dârü'l-hilâfet: Matbaa-i Âmire, 1333–1335 [г.х.]).

¹²⁵ Якуб-бек (ум. 1877) — среднеазиатский военный и государственный деятель, правитель Кашгара в 1867–1877 гг.

¹²⁶ Кутайба б. Муслим (669–715) — арабский военный и политический деятель, участник завоевания Средней Азии, омейядский наместник Хорасана. По сведениям ат-Табари, в 96 г.х. завоевал Кашгар и совершил поход на ас-Син.

¹²⁷ Здесь и далее в записи от 14 января число в скобках перед словом в оригинале соответствует надписанному сверху над данным словом.

¹²⁸ Ткань (тур.).

¹²⁹ Мука (тур.).

¹³⁰ Пшеница (тур.).

¹³¹ Малла-хан (ок. 1812 — 1862) — правитель Кокандского ханства (1858–1862).

¹³² Кучар — город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

¹³³ Фирман (тур. firman) — султанский указ.

يعقوب بك ٩٢ رجبينده حضور پادشاهی به داخل ويك چوق التفاته نائل اولدقدن صكره انكليز سفيرينك تشويق ومظاهرتيله استحصال ايلديكي فرمان همايوني مستصحا كاشغر حكومتنك خوقند اختلالاتنه مداخله سي (389) اولمديغنى بيان ايله عرض تامينات ايتمك وچينليلرله وقوع بوله جق محاربه ده روسيه نك معاونتى وعدينى المق اوزره پترسبورغه عزيمت ايتمش واوراده دخى مظهر اكرام ورايت اولمشدر

[«После того как Якуб-бек в раджабе месяце 92 года предстал перед падишахом и удостоился очень хорошего приема, вместе с высочайшим указом, изданным по наущению и при поддержке со стороны английского посла, отправился в Петербург, чтобы объявить о том, что кашгарское правительство не вмешивается в волнения в Коканде, и предоставить прочные гарантии, и заручиться обещанием помощи со стороны России в предстоящей войне с китайцами. И там ему также были оказаны хороший прием и почести»¹³⁴].

(отослан к Кауфману¹³⁵, вернулся через Ташкент).

(388) выражение *آسيای وسطی* [Asyâ-yî vustâ¹³⁶]. (390) Ответное посольство в рамазане 1292 г.[х.] через Индию. [Выгружение (?)] из-за безбородости половины прибывших, примечание:

صقالسزلر كاشغرده مظهر نظر نفرت اولور بو سببله مامورلر مؤخرًا صقال صاليوييرمشدر

[«Говорят, что на безбородых в Кашгаре смотрят с ужасом, оттого чиновники со временем отпускают бороду».]

(391) Упомянут[а] *افندی اسماعيل حقی افندی* [İsmâil Hakkî Efendi], примечание:

مکتب طبيه اعداديه رسم معلميدر كرك موى اليه وكرك ارضروم استحكامنه مامور قول اغاسى على كاظم افندى كاشغرده بولندقلرى مدت ظرفنده مشهوداتى شفاها نقل وافاده ايلمش اولدقلرندن اثر ناچيزانه مك بوندن صوكره طبع اولنه جق ايكنجى احوال داخله قسمنده موى اليهمانك افاداتى كذى معلومات وتتبعات وتحقيقاته ضم وعلاوه اولنمشدر

[«Учитель черчения в средней медицинской школе. Как вышеуказанный (учитель), так и колагасы¹³⁷ Кязым-эфенди, командированный в эрзерумские инженерные войска, устно изложили то, что наблюдали воочию во время своего пребывания в Кашгаре, а произведение на основе рассказанного ими составлено мною ничтожным. Во второй части, включающей (указанные) события, которая будет опубликована вслед за этой (первой частью), повествование двух вышеупомянутых (господ) таким вот образом служит дополнением и приложением к моим сведениям, изысканиям, и вопросам».]

(399) О русском посольстве,

٩٢ سنه سى ربيع الاولنده ايدى كه كاشغرہ بر روس هيئت سفارتى ورود ايتدى. بونك رئيسى اولان مير الاى روس وفرانسز وعرب وعجم لسانلرينه آشنا اولوب آسيای وسطى احوالنه بر درجه يه قدر واقف ايدى

¹³⁴ Здесь и далее для объемных цитат турецкого текста в квадратных скобках нами дан перевод на русский язык без их транслитерации современной латинской графикой.

¹³⁵ Кауфман Константин Петрович фон (1818–1882) — российский военный и государственный деятель, в 1867–1882 гг. — туркестанский генерал-губернатор.

¹³⁶ Средняя Азия (осм.).

¹³⁷ Колагасы (тур. kolağası) — в османской армии офицерский чин выше капитана, но ниже майора.

[«В месяце раби аль-аввале 92 года в Кашгар прибыла русская посольская делегация. Ее начальник, полковник, владел русским, французским, арабским и персидским языками и до некоторой степени был осведомлен о положении дел в Средней Азии».]

(425) О прибытии посольства Куропаткина¹³⁸ в конце 1293 г.[х.]

(430) Смерть Якуб-бека во вторник 16 джум[ада] II 1294 г.[х.]

(322) О характере кашгарского движения:

هیچ بر وقتده امثالی مشهور اولمیان بر هج و مرج ظهور ایله هر طرفده نهرلر کی قان اقوب یوز بیکلرجه آدم تلف اولمش

[«С возникновением доселе никогда не виданной неразберихи, со всех сторон рекой полилась кровь, и погибли сотни тысяч людей».]

(451) Дольше всего оставались незавоеванными Яркенд — Хотан. Яркендский вали *منلا یونس* [Molla Yūnus] с 1000 *челов[ек]* бежит через Сарыкол в (452) Бадахшан. Там (453) *الفي بك* [Elifi Bek], бежал туда еще при Якуб-беке, через Индию в Мекку и Стамбул, вернулся в Сарыкол

وطاغلرده متمکن اولوب وحش و آشریسی سارق اولان کتزوج طائفه سی ایچنده اقامت ایتمش ایدی

[«И поселившись в горах, он сторонился людей и жил среди еще худшего, чем он, воровского племени Кензуд».]

После смерти Якуб-бека овладел Сарыколом. (454) Выдал *منلا یونس* [Molla Yūnus] китайцам, потом обманывает их, возвращается в Сарыкол через 3½ мес[яца] *بر دسیسه* айле [bir desise ile¹³⁹] привлечен в Кашгар, осужден на 3000 *دکنک* [değnek¹⁴⁰]

التیوزنجی دکنکده میر موی الیهک جانی چیقیمش ایسه ده قصور دکنکر اولوسنه اولمش وصارقوله قرنداشی بک نصب اولنمشدر

[«Поскольку на шестисотом ударе палкой вышеупомянутый эмир испустил дух, оставшиеся удары были нанесены по трупу, а в Сарыкол был поставлен беком его брат».]

(457) Бегство Бек Кули-бека в Турцию в конце 1298 г.[х.]

وکوکصو سراينده مسافر ایدیلوب مظهر حرمت ورعايت اولدی مشار الیه استانبولک معتنا محللرینه سیر وتماشادان صکرا یاوران حضرت پادشاهیدن علی بک ایله برابر (458) ایتالیا قومپانیاسی واپورلرندن اونیهجه نام واپور ایله ازміره متوجها ۲۹ ذی الحجه سنه ۹۸ بازار ایرتسی کونی در سعادتدن حرکت ایلدی واورادنده هندوستان طریقيله ترکستانه کیتدی

[«И он, сделавшись гостем во дворце Гёксу, удостоился внимания и почестей. Вышеупомянутый (бек) после посещения стамбульских достопримечательных мест и

¹³⁸ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — российский военный и государственный деятель, военный министр (1898–1904), главнокомандующий в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.; в период службы в Туркестане был направлен К.П. фон Кауфманом с посольством к Якуб-беку (1876).

¹³⁹ Хитростью (*тур.*).

¹⁴⁰ Палка, дубина, посох (*тур.*).

зрелищ, направляясь вместе с адъютантом Его величества падишаха Али-беем на одном из пароходов итальянского общества, пароходе под названием اونиче, в Измир, в понедельник, 29 зуль-хиджа 98 года, отбыл из Врат счастья (Стамбула). А оттуда через Индию отправился в Туркестан».]

Мнение о будущем Кашгарии; (460) конец

حاصلی کاشغرده هیچ بر زمانده شورش وفساد اکسیک اولمیه جق وهیچ بر کمسه دخی مدت مدیده اوراده حکومت
ایده میه جکدر

[«В результате в Кашгаре никогда не исчезнут смута и беспорядок, а также никто не сможет править там продолжительное время».]

Газетное известие, будто в этом году Бек-Кули-бек временно овладел Кашгаром, просил помощи у русских и обещал подчинить им Кашгарию.

(462) Доказательства автора, что его труд не копия и не перевод чужой книги.

(463) بیکی متجاوز کتابلردن واسیا قطعہ سنه وبالخاصه کاشغره دائر سکه وخطوط واشیای عتیقه وجدیده ایله
محررات رسمیه وغیر رسمیه دن وبر چوق رسملر وخریطه وپلانلردن وروسلر وانکلیزلر وکاشغرلیلرک معلوماتندن
حاصل ایتدیکم معلوماتی دور

[«Знания эти я получил из более, чем тысячи книг, относящихся к азиатскому континенту и, в особенности, к Кашгару, монет, записей и вещей древних и новых, а также документов официальных и неофициальных и множества рисунков, карт и планов; сведений (почерпнутых у) русских, англичан и кашгарцев».]

Всего 464 страницы.

Вечером 14-го доклад Виттека в «Тевтонии»¹⁴¹, среди присутствующих живущий теперь в Константинополе берлинский прив[ат]-доцент Schaefer¹⁴², по-вид[имому] автор статьи о Самарканде в ЕІ¹⁴³. Встреча со служащей наркоминдела, приходившей в Петербурге ко мне с Субхи-беем, по ее словам, о судьбе этого Субхи-бея (не тождествен с погибшем коммунистическим агитатором¹⁴⁴) ничего не известно. Доклад по содержанию мало отличался от данного мне оттиска статьи Виттека.

Литература

Ананьев, Бухарин 2020 — *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* «Имена, которые никогда не будут забыты...». Российское востоковедение в переписке В.В. Бартольда, Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга. М.: Варфоломеев А.Д., 2020.

Ананьев, Бухарин 2021 — *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Российское востоковедение в переписке С.Ф. Ольденбурга и В.В. Бартольда // *Вестник Пермского университета. История.* 2021. № 1(52). С. 104–112.

Бартольд 1926 — *Бартольд В.В.* Из поездки в Турцию // *Научный работник.* 1926. № 11. С. 64–76.

¹⁴¹ «Тевтония» (нем. Teutonia) — клуб, в котором собиралась немецкая община Стамбула.

¹⁴² Возможно, речь идет о Гансе Генрихе Шедере (Hans Heinrich Schaefer, 1896–1957) — немецком ориенталисте, иранисте и историке религии.

¹⁴³ *Schaefer H.H.* Samarqand // *The Encyclopaedia of Islam.* Vol. IV. Leyden; London, 1934. P. 129–131. Бартольд, по-видимому, имел возможность ознакомиться с текстом статьи задолго до ее опубликования.

¹⁴⁴ Имеется в виду Мустафа Субхи (Mustafa Suphi, 1882–1921) — турецкий революционер, основатель и председатель Коммунистической партии Турции. Погиб (был убит вместе с товарищами), спасаясь от сторонников Мустафы Кемали на шхуне в Черном море.

- Бартольд 1973 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973.
- Бартольд 2002 — *Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов / Подг. к изд. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит., 2002.
- Валеев и др. 2019 — *Валеев Р.М., Василюк О.Д., Кириллина С.А. Мейер М.С.* Из жизни отечественного востоковедного сообщества в ранний постреволюционный период: переписка В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в 1920-е годы (по материалам архивных фондов) // Вестник Московского университета. Серия. 13: Востоковедение. 2019. № 1. С. 3–22.
- Зайцев 2013 — *Зайцев И.В.* Письма В.В. Бартольда И.Н. Бороздину // Восточный архив. 2013. № 2(28). С. 58–63.
- Самойлович 2008 — Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография / Сост., автор статей и биографии Г.Ф. Благова. М.: Вост. лит., 2008.
- Соегов 2017 — *Соегов М.* Как три российских академика в 1925 г. характеризовали одного турецкого профессора (на фоне связанных с этим событий) // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 322–326.
- Юсупова 2018 — *Юсупова Т.И.* «Полностью назрела мысль о создании Турецкой комиссии Академии наук»: о визите академиков Н.Я. Марра и А.Н. Самойловича в Турцию в 1933 г. // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15. № 4 (вып. 35). С. 98–110.

References

- Aleksandr Nikolaevich Samoilovich: nauchnaia perepiska, biografiia* [Alexander N. Samoilovich: Scholarly Correspondence, Biography]. Compiler, author of articles and biography G.F. Blagova. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008 (in Russian).
- Ananiev, Vitalii G. & Bukharin, Mikhail D. “*Imena, kotorye nikogda ne budut zabyty...*” *Rossiiskoe vostokovedenie v perepiske V.V. Bartol'da, N.Ya. Marra i S.F. Ol'denburga* [“Names that Will Never Be Forgotten...”. Russian Oriental Studies in the Correspondence of V.V. Bartold, N.Ya. Marr and S.F. Oldenburg]. Moscow: Varfolomeev A.D., 2020 (in Russian).
- Ananiev, Vitalii G. & Bukharin, Mikhail D. “*Rossiiskoe vostokovedenie v perepiske S.F. Ol'denburga i V.V. Bartol'da*” [Russian Oriental Studies in the Correspondence between S.F. Oldenburg and V.V. Bartold]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii istoriia i filologiiia* [Perm University Herald. History Series], 2021, no. 1(52), pp. 104–112 (in Russian).
- Bartol'd, Vasilii V. “*Iz poezdki v Turtsiiu*” [From a Trip to Turkey]. *Nauchnyi rabotnik* [Scientific Employee], 1926, no. 11, pp. 64–76 (in Russian).
- Bartol'd, Vasilii V. *Sochineniia* [Works]. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian).
- Bartol'd, Vasilii V. *Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov / Podg. k izd. S.G. Klyashtornyy* [Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples / Prep. for print S.G. Klyashtorny]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian).
- Soyegov, Muradgeldi. “*Kak tri rossiiskikh akademika v 1925 g. kharakterizovali odnogo turetskogo professora (na fone sviazannykh s etim sobytiim)*” [On How Three Russian Academicians Characterized One Turkish Professor in 1925 (Against the Background of the Events Connected with It)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serii istoriia i filologiiia* [Udmurt University Herald. History and Philology Series], 2017, vol. 27 (iss. 2), pp. 322–326 (in Russian).
- Valeev, Ramil M. & Vasylyuk, Oksana D. & Kirillina, Svetlana A. & Meier, Mikhail S. *Iz zhizni otechestvennogo vostokovednogo soobshchestva v rannii postrevoliutsionnyi period: perepiska V.V. Bartol'da i A.E. Krymskogo v 1920-e gody (po materialam arkhivnykh fondov)* [From the Life of the Oriental Academic Community in Russia in the Early Post-revolutionary Period: Correspondence of V.V. Bartold and A.E. Krymsky in the 1920s (Based on the Archival Materials)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie* [Moscow University Herald. Series 13. Oriental Studies], 2019, no. 1, pp. 3–22 (in Russian).
- Yusupova, Tatiana I. “*‘Polnost’iu nazrela mysl’ o sozdanii Turetskoi komissii Akademii nauk’: o vizite akademikov N.Ya. Marra i A.N. Samoilovicha v Turtsiiu v 1933 g.*” [“The Idea of Establishing the Turkish Commission of the Academy of Sciences Has Fully Ripened’: On the

Visit of Academicians N.Ya. Marr and A.N. Samoilovich to Turkey in 1933]. *Pis'mennye Pamiatniki Vostoka*, 2018, vol. 15, no. 4 (iss. 35), pp. 98–110 (in Russian).
Zaitsev, Il'ia V. "Pis'ma V.V. Bartol'da I.N. Borozdinu" [Letters of V.V. Bartold to I.N. Borozdin]. *Vostochnyi arkhiv* [Oriental Archive], 2013, no. 2(28), pp. 58–63 (in Russian).

V.V. Bartold's Research Visit to Turkey in 1926 on the Pages of His Constantinople Diary

Tatiana I. YUSUPOVA

St. Petersburg Branch of S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Mark A. KOZINTCEV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
HSE University
St. Petersburg, Russian Federation

Received 02.02.2024.

Abstract: Based on new archival materials, the paper briefly highlights the history of V.V. Bartold's research visit to Turkey in 1926, particularly, its preparation, reasons, and goals. It is shown that the invitation was made by the Turkish government and supported by the Academy of Sciences of the USSR and by the People's Commissariat for Foreign Affairs. Bartold mostly spent his time in Turkey preparing a series of lectures on the history of Central Asian peoples at the request of the Turkish side, and studying Oriental manuscripts in Istanbul libraries. Besides, he was busy carrying out the mission entrusted to him by the Academy of Sciences, to establish academic contacts with Turkish researchers. The period of Bartold's stay in Constantinople (Istanbul) from January 2 to February 17, was reflected in his small diary. In daily entries, the Academician thoroughly recorded events, meetings with Turkish and European researchers, made brief notes about manuscripts and libraries. He also noted his impressions of scientific institutions and changes in the cultural space of the former Ottoman capital. The research visit of the renowned orientalist Academician V.V. Bartold to Turkey was an important contribution to strengthening scholarly contacts between Russian and Turkish researchers. The part of the diary from January 2 to January 14, 1926, in which Bartold describes the first two weeks of his stay in Constantinople, is published as an appendix.

Key words: research visit, V.V. Bartold's diary, Turkic studies, scholarly research in Turkey, Soviet-Turkish scholarly contacts.

For citation: Yusupova, Tatiana I. & Kozintcev, Mark A. "V.V. Bartold's Research Visit to Turkey in 1926 on the Pages of His Constantinople Diary". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 82–100 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO626791.

About the authors: Tatiana I. YUSUPOVA, Dr. Sci. (History), Researcher-in-Chief of the Section of History of the Academy of Sciences and Academic Institutions, St. Petersburg Branch of S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ti-yusupova@mail.ru). ORCID: 0000-0003-0230-5871.

Mark A. KOZINTCEV, Junior Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer of the Institute of Asian and African Studies, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation) (m.kozintcev@mail.ru). ORCID: 0000-0001-8588-739X.

Обзор личного фонда архивных материалов Б.И. Кузнецова (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН)

С.С. САБРУКОВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627289

Статья поступила в редакцию 25.12.2023.

Аннотация: Представлен обзор научно-преподавательской деятельности и личного фонда архивных материалов отечественного тибетолога Б.И. Кузнецова (1931–1985). В процессе работы по описанию документов была сформирована опись, состоящая из трех разделов: 1. Научные труды и материалы к ним (1965–1998); 2. Документы по деятельности (1962–1985); 3. Труды других лиц (1959–1979). Бронислав Иванович в 1956 г. после окончания отделения китайской филологии Восточного факультета ЛГУ поступил в аспирантуру и начал заниматься изучением тибетского языка сначала под руководством В.С. Воробьева-Десятовского (1927–1956), а затем Б.И. Панкратова (1892–1979). Будучи аспирантом, стал преподавать тибетский язык на факультете. Некоторые аспекты научно-педагогической деятельности выявлены из его писем Р.Е. Пубаеву (1928–1991). Деятельность Б.И. Кузнецова, педагога и ученого-исследователя Тибета, интересна и требует изучения как исторический опыт развития отечественного востоковедения.

Ключевые слова: Б.И. Кузнецов, тибетский язык, Восточный факультет, буддизм, Архив востоковедов ИВР РАН.

Для цитирования: *Сабрукова С.С.* Обзор личного фонда архивных материалов Б.И. Кузнецова (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 101–107. DOI: 10.55512/WMO627289.

Об авторе: САБРУКОВА Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID 0000-0001-7983-4291.

© Сабрукова С.С., 2024

В 2022 г. в Архив востоковедов поступила коллекция документов Б.И. Кузнецова. Перед тем как охарактеризовать документы, скажем несколько слов о научной и преподавательской деятельности тибетолога.

Бронислав Иванович Кузнецов родился в 1931 г. в Ленинграде в семье Ивана Николаевича Кузнецова, рабочего на Кировском заводе, и Инны Ивановны Куварзиной, старшей хирургической медсестры в больнице им. В.И. Ленина. Бронислав Иванович,

будучи подростком, пережил блокаду, получил тяжелое ранение в ногу. Несмотря на трудности со здоровьем, он успешно окончил школу. Учительница французского языка заметила его способности к изучению языков и рекомендовала поступить на французское отделение филологического факультета ЛГУ. Но так случилось, что Бронислав Иванович выбрал отделение китайской филологии Восточного факультета ЛГУ, в 1956 г. окончил его и, продолжив обучение в аспирантуре, вскоре стал преподавателем тибетского языка на факультете. В 1961 г. в издательстве ЛГУ вышла его монография «Тибетская летопись „Светлое зеркало царских родословных“», по которой Кузнецов защитил в 1962 г. кандидатскую диссертацию; она же лежит в основе его книги на английском языке, в 1966 г. вышедшей в знаменитом издательстве Brill в Лейдене (Нармаев 2022: 130).

Для определения некоторых сведений о научной и педагогической деятельности Бронислава Ивановича мы воспользовались его письмами из переписки с известным бурятским тибетологом Регби Ешиевичем Пубаевым, опубликованной И.Р. Гарри (Гарри 2019).

В 1967 г. Кузнецов в своем письме Р.Е. Пубаеву пишет, что занят преподаванием тибетского языка, и жалуется на усталость и сложные условия жизни. По воспоминаниям его дочери Е.Б. Кузнецовой, в 1964 г. Бронислав Иванович с семьей намеревался переехать в Новосибирск и работать в Академгородке по своей специальности, где ему пообещали сразу предоставить квартиру, приличную зарплату и нормальные условия жизни, так как в Ленинграде семья ютилась в восьмиметровой комнате в коммунальной квартире на Васильевском острове. Благодаря помощи И.В. Пигулевской (1894–1970) семья осталась в Ленинграде, и в 1966 г. они получили отдельную квартиру (Кузнецова 2021: 10). Когда же в письме Р.Е. Пубаеву Бронислав Иванович писал про тяжелые условия жизни, видимо, он имел в виду, что приходилось очень долго добираться до работы и обратно. Также он делится своим мнением по поводу издания тибетских текстов и предлагает свои услуги как специалиста и знатока истории Древнего Тибета, который был «тесно связан практически со всеми центрами древних цивилизаций Запада, Малой Азии и т.п. Более того, на тибетском языке существует очень ценный материал также и по истории этих древних цивилизаций, пока еще совсем неизвестный» (Гарри 2019: 307).

Следующее письмо, адресованное Р.Е. Пубаеву, датируется 21 ноября 1973 г., в нем Бронислав Иванович рассказывает о ситуации, которая сложилась с кафедрой монгольской филологии: «Встал вопрос о ликвидации Монгольской кафедры на нашем факультете. Формальное основание — малочисленность кафедры. Есть план спасти дело — введя меня, как тибетолога, конечно, на эту кафедру, и еще одного монголиста. Потом дело можно будет поправить за счет молодежи, так как есть хорошие студенты. Мне не хотелось бы гибели кафедры, так как полагаю, что это было бы началом, и началом ли? — нашей деградации. Вы не хуже меня понимаете, что кафедра не в блестящем состоянии, но дело надо поправить, а не губить. Это ж будет один позор. Я буду выступать на ближайшем Совете в качестве защитника кафедры» (Там же: 308). В следующем письме Кузнецов пишет, что дело с монгольской кафедрой уладилось, тибетское отделение открепили от кафедры китайской филологии и ввели в состав монгольской. Таким образом, начиная с 1973 г. Бронислав Иванович продолжил работу на кафедре монгольской филологии.

Также из писем видно, что Кузнецов наряду с преподавательской работой активно вел переписку с тибетцами из Индии, сотрудничал с ними, они присылали ему жур-

налы, которые издавались в г. Дхарамсала: «Недавно получил очень важный номер журнала „Тибетан ревью“. По этим журналам студенты, тибето-монголисты, сдают домашнее чтение. Я получаю также на тибетском языке журнал „Знание“ (shes bya). Читать его очень трудно, потому что тибетцы, пытаются создавать новый литературный современный язык, не связанный с китайской терминологией. В нем почти исключительно освещаются вопросы культурной жизни тибетцев в Индии. Хочу еще сказать, что тибетцы проявляют очень большой интерес к работе Вашего института в области монголистики и тибетологии (посылая книги и журналы, я даю краткое резюме на английском), о чем они мне говорили» (Там же: 309). В письме от 6 января 1974 г. Бронислав Иванович рассказывает своему корреспонденту, что «просмотрел один том Дзонхавы „Ступени пути Ваджраяны“ [Sngags rim chen mo]» и дает краткое объяснение прочитанного: «Махаяна и Ваджраяна (Мантраяна) — одно и то же. Тибетский буддизм — традиционный индийский. В то же время тибетский буддизм — чисто тантрический (Гелугпа — прежде всего). Шуньята — часть системы, другая — мир реальный, на вершине которого Абсолют (Ади-Будда, Ваджрадара), затем Дхьяни» (Там же: 310). В письме от 9 июля 1974 г. Кузнецов пишет, что, возможно, студенты третьего курса приедут на практику в Улан-Удэ, и было бы хорошо привлечь их к описанию тибетских и монгольских рукописей.

Переписка Кузнецова с Пубаевым носит дружеский характер, Бронислав Иванович писал отзывы к публикациям Р.Е. Пубаева, Г.Ц. Цыбыкова, Б.-Д. Бадараева, консультировал в толковании названий стран на тибетском языке. В другом письме, от 19 ноября 1974 г. Бронислав Иванович пишет, что ему удалось заинтересовать Московское радио, которое вещало для зарубежного Востока, идеей начать делать передачи на тибетском языке. В связи с этим он пишет, что возник вопрос о посылке студентов в Индию с целью изучения разговорного тибетского языка (Там же: 316). В одном письме без даты Б.И. Кузнецов рассказывает о том, что впервые читал для студентов монголистов четыре курса лекций по «Истории буддизма»: «Помимо обзора европейской литературы я попытался познакомить с буддизмом, с его проблемами, по тибетским источникам, над которыми я „сидел“ последние годы. Очень это трудное дело, и потеть над источниками, и рассказывать об этом. Зато сейчас у меня есть серьезные основания говорить, что под Хинаяной индо-тибетская традиция имела в виду не только какие-то школы буддизма, а любые религии и культы вообще, кроме Махаяны» (Там же: 327).

Бронислав Иванович в письмах рассказывал о своих впечатлениях после прочтения книг: «Вы забыли упомянуть „Историю буддизма“ Таранаты, тибетский текст которой издал А. Шифнер (в основном по рукописям В.П. Васильева) более ста лет назад здесь, в Санкт-Петербурге. Удивительное дело, я нигде и никак не мог найти это издание, и не мог поверить, что оно есть. Прямо какая-то чертовщина. Только недавно получил переиздание фотоспособом нашего питерского издания из Японии! Переиздание — роскошное, и переплет, и бумага! Нашел много интересных данных по тибетским рукописям из коллекции Васильева В.П., по истории раннего буддизма. Я имею в виду древние описания древнего буддизма, в его древнем состоянии. У меня пока что складывается впечатление, что буддизм, который распространялся в северной Индии (Цейлон — это что-то особое, обособленное, уже в своем древнем виде был в большей степени религией, чем философской или религиозно-философской школой). У меня есть интересный материал о полемике, которую вели первые буддисты (Будда-Гаутама) с небуддистами (Кузнецов 1985: 42–48). Сам материал —

тоже древний, в изложении авторов, [которые] жили около 2000 лет назад. Есть высказывания Будды о душе, т.е. она есть, и бессмертная, которая спасается, пребывает в состоянии блаженства в нирване и т.п. А вот учение о душе, личности у не буддистов Будда и его ученики категорически отрицали, отрицали их „душу“. Я думаю, что на этой почве в европейской науке возникло немало недоразумений» (Гарри 2019: 328).

Из письма от 1 июля 1979 г. становится известно, что Регби Ешиевич предложил кандидатуру Бронислава Ивановича в качестве редактора сборника, который выходил в Бурятском институте общественных наук¹. Последний, несмотря на свою загруженность, дает свое согласие (Там же: 329). В 1981 г. Бронислав Иванович написал небольшой очерк по религиозно-философской системе «санкхья» по тибетским источникам (описание «систем»), как она выглядела в эпоху развития буддизма, от его начала до, примерно, VIII в. н.э. Буддизм, пишет он, вырастает из «санкхья» и сохраняет некоторые ее важные особенности. Этот момент был известен индийским и тибетским ученым. При написании автор использовал и индийские источники по «санкхья» в тибетском переводе: трактаты индийских ученых Васумитры (I в. до н.э.) и Бхавьи (ок. V в. н.э.) (Кузнецов 1981: 143, 147).

Умер Бронислав Иванович в 1985 г. в возрасте 53 лет.

3 августа 2022 г. на имя директора ИВР РАН члена-корреспондента РАН И.Ф. Поповой поступило заявление от Б.М. Нармаева с просьбой принять в Архив востоковедов ИВР РАН личный архив отечественного тибетолога Б.И. Кузнецова (1931–1985). В связи с этим 8 августа 2022 г. главный научный сотрудник ИВР РАН д.ф.н. И.В. Кульганек направила служебную записку о вкладе Б.И. Кузнецова в становление и развитие отечественной тибетологии, а также в дело подготовки специалистов-тибетологов. На основании решения экспертной комиссии и заявления от Б.М. Нармаева документы личного архива Б.И. Кузнецова были приняты на постоянное хранение в АВ ИВР РАН, и фонду был присвоен шифр № 180. В результате научно-технической обработки сформировано 65 дел, объединенных в одну опись и разделенных на три раздела. В настоящее время их оглавление выглядит следующим образом (в скобках даны крайние даты документов в описи и разделах):

1. Научные труды и материалы к ним (1965–1998).
 - 1.1. Монографии, сборники, хрестоматии (1965–1998).
 - 1.2. Подготовительные материалы (не позднее 1985).
 - 1.3. Учебные материалы (1956–1985).
 - 1.3.1. Фотокопии тибетских текстов (не позднее 1985).
 - 1.3.2. Копии тибетских текстов для чтения и перевода (1975–1985).
2. Документы по деятельности (1962–1985).
 - 2.1. Работа на кафедре китайского языка (1962–1973).
 - 2.2. Работа на кафедре монгольской филологии (1974–1985).
3. Труды других лиц (1959–1979).

¹ В 1958 г. в Улан-Удэ был создан Бурятский комплексный научно-исследовательский институт (БКНИИ) в составе Сибирского отделения АН СССР. С 1966 г. — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. Ныне — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Раздел 1 «Научные труды и материалы к ним (1965–1998)» содержит 31 дело и делится на три подраздела. Внутри подразделов дела систематизированы по хронологии.

1.1. «Монографии, сборники, хрестоматии (1965–1998)» — пять дел. Здесь находятся: «Хрестоматия тибетского языка» — коллективный труд Б.И. Кузнецова с Б.В. Семичовым и чешским исследователем К. Седлачком. Составители хрестоматии ставили перед собой цель дать полное представление о древнем тибетском, классическом и современном (литературном и разговорном) языке. Древние и классические тексты подготовил для хрестоматии Б.И. Кузнецов; «Rgyal rabs gsal ba'i me long (The clear mirror of Royal genealogies)», сводный тибетский текст исторического сочинения и введение на английском языке, был опубликован в Лейдене (Rgyal rabs 1966); «Тибетские материалы для истории буддизма» — неопубликованная монография.

Б.И. Кузнецов как исследователь проявлял огромный интерес к разработке сложнейших вопросов происхождения и истории бон — религии древних тибетцев: им были написаны такие труды, как «Древний Иран и Тибет. История религии Бон», монография, опубликованная после его смерти в 1998 г.; а также неопубликованный труд «Тибетцы о Древнем Иране».

1.2. «Подготовительные материалы (не позднее 1985)» — девять дел. Сюда вошли образцы переводов кратких ритуальных текстов, иллюстрации из печатных изданий: «Тибетская бонская карта мира»; изображение медицинских инструментов из второй части медицинского трактата «Чжуд ши»; рукописные отрывки из текстов на тибетском языке из «Истории буддизма в Индии и Тибете» Будона; сочинения Цзонхавы «Большое руководство к этапам пути Пробуждения» («Ламрим-ченмо»); фотокопии учебников для начальной школы, первой ступени [Родная речь], 1–4 классов. Опубл.: Чэнду, 1956–1957; тетрадь с частичным переводом отдельных слов и выражений.

1.3. «Учебные материалы (1956–1985)» — фотокопии тибетских изданий текстов и рукописные копии текстов с транслитерацией. Всего 16 дел, материалы использовались как учебное пособие для чтения и перевода, так как сохранились в пяти или в шести экземплярах. Здесь находятся образцы как классической тибетской литературы, так и современной печатной продукции из газет и журналов, например, «Биография V Далай-ламы», тибетский текст, в 4-х экз.; сочинение V Далай-ламы (1617–1682) по истории Тибета «Песня кукушки», в 3-х экз.; «Биография Тонпы Шенраба, основателя учения Бон» в 4-х экз.; рассказы из тибетского журнала shes bya (Знание), 1974–1975 гг.; выписки из газет «Tibetan Review» (новости о жизни людей в мире), первый журнал, посвященный проблемам Тибета, издаваемый с 1967 г. в Дхарамсале, Индия.

Раздел 2 «Документы по деятельности (1962–1985)» содержит 18 дел и делится на два подраздела:

2.1. «Работа на кафедре китайского языка (1962–1973)» — 11 дел, среди которых программы: по тибетскому языку для отделения бирманского языка на 1965–1967 уч. г., курсов «Введение в тибетскую филологию» для студентов первого курса, спецкурса по синтаксису тибетского языка, чтению тибетских текстов, курсов по тибетскому языку, литературе, истории религии бон. Включены также отчеты о научной деятельности преподавателя кафедры китайской филологии тибетского отделения за 1969–1973 гг.

2.2. «Работа на кафедре монгольской филологии (1974–1985)» — семь дел. Здесь представлены документы о деятельности Б.И. Кузнецова после его перехода с кафедры китайской филологии на кафедру монгольской филологии: план преподавания тибетского языка на монголо-тибетском отделении кафедры монгольской филологии, программы чтения тибетских текстов, перечень тем курсовых работ для студентов второго курса, отчет о научной работе доцента кафедры монгольской филологии за 1974–1985, список работ доцента Восточного факультета ЛГУ им. А.А. Жданова Кузнецова Б.И. в 1970–1977 гг.

Раздел 3 «Труды других лиц (1959–1979)» включает 15 дел. Единицы хранения расположены по фамилиям авторов в алфавитном порядке. Сюда вошли статьи, тексты докладов, оттиски, брошюры, выписки, которые, по-видимому, частично были присланы Б.И. Кузнецову или собраны им самим. Среди авторов: Дандарон Б.Д., Пупышев В.Н., Лауфер Б., Позднеев А.М., Семичов Б.В., Смирнов Б.Л., Щербатской Ф.И., Конзе Э., Локеш Чандра (Lokesh Chandra), Нарара Тхера и др.

Личный фонд Б.И. Кузнецова в настоящее время доступен для исследователей, интересующихся историей развития тибетологии, где роль Бронислава Ивановича как педагога и ученого несомненно велика, так как эта научная дисциплина благодаря его ученикам не только в России, но и далеко за его пределами получила дальнейшее развитие.

Литература

- Гарри 2019 — *Garri I.P.* История тибетологии в письмах: переписка Р.Е. Пубаева и Б.И. Кузнецова // *Ориенталистика*. 2019. № 2. С. 299–334.
- Кузнецов 1981 — *Кузнецов Б.И.* Основные идеи раннего буддизма (буддийская школа махасангика) // *Ученые записки ЛГУ*. № 405. Серия востоковедческих наук. Вып. 24. Ленинград, 1981. С. 143–152.
- Кузнецов 1985 — *Кузнецов Б.И.* Об одном из ранних описаний буддизма // *Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 1985. С. 42–48.
- Кузнецова 2021 — *Кузнецова Е.Б.* О нашей семье: «Атмосфера, благоприятствующая занятиям наукой» // *Mongolica*. 2021. Т. XXIV. № 2. С. 10–14.
- Нармаев 2022 — *Нармаев Б.М.* Роль Бронислава Ивановича Кузнецова в становлении послевоенной отечественной тибетологии // *Кунсткамера*. 2022. № 4(18). С. 127–136.
- Rgyal rabs 1966 — *Bsod-nams-rgyal-mtshan, Sa-skya-pa Bla-ma Dam-pa.* Rgyal rabs gsal ba'i me long: The Clear Mirror of Royal Genealogies. Tibetan Text in Transliteration with an Introduction in English / Ed. by B.I. Kuznetsov. Leiden: Brill, 1966 (Scripta Tibetana. 1.).

References

- Bsod-nams-rgyal-mtshan, Sa-skya-pa Bla-ma Dam-pa. *Rgyal rabs gsal ba'i me long: The Clear Mirror of Royal Genealogies. Tibetan Text in Transliteration with an Introduction in English*. Ed. by B.I. Kuznetsov. Leiden: Brill, 1966 (Scripta Tibetana. 1.).
- Garri, Irina R. “Istoriia tibetologii v pis'makh: perepiska R.E. Pubaeva i B.I. Kuznetsova” [History of Tibetan Studies in Letters: Correspondence between Regbi Pubaev and Bronislav Kuznetsov]. *Orientalistica*, 2019, vol. 2(2), pp. 299–334 (in Russian).
- Kuznetsov, Bronislav I. “Osnovnye idei rannego buddizma (buddiiskaia shkola makhasangika)” [The Main Ideas of Early Buddhism (Mahasanghika Buddhist School)]. *Uchenie zapiski LGU*, 1981,

- no. 405. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Vip. 24 [Scholarly Notes of Leningrad State University. No. 405. Series of Oriental Sciences. Vol. 24]. Leningrad, pp. 143–152 (in Russian).
- Kuznetsov, Bronislav I. “Ob odnom iz rannikh opisaniy buddizma” [About One of the Early Descriptions of Buddhism]. In: *Buddizm i literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo narodov Tsentralnoi Azii* [Buddhism and the Literary-Artistic Creativity of the Peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 42–48 (in Russian).
- Kuznetsova, Elizaveta B. “O nashei sem’e: ‘Atmosfera, blagopriiatstvuiushchaia zaniatiim naukoj’ ” [About Our Family: ‘An Atmosphere Conducive to Research’]. *Mongolica*, 2021, vol. XXIV, no. 2, pp. 10–14 (in Russian).
- Narmaev, Badma M. “Rol’ Bronislava Ivanovicha Kuznetsova v stanovlenii poslevoennoi otechestvennoi tibetologii” [The Role of Bronislav Kuznetsov in the Formation of Russian Post-War Tibetan Studies]. *Kunstkamera*, 2022, vol. 4(18), pp. 127–136 (in Russian).

Review of B.I. Kuznetsov’s Private Collection in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Svetlana S. SABRUKOVA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 25.12.2023

Abstract: The article describes scholarly and teaching activities of the Russian researcher of Tibet B.I. Kuznetsov (1931–1985) as well as his private collection of archival materials. The documents from the collection have been assessed and classified into three categories: 1. Scholarly works and their background (1965–1998); 2. Service documentation (1962–1985); 3. Materials from other people (1959–1979). In 1956, after graduating from the department of Chinese philology at the faculty of Oriental Studies at Leningrad University, Bronislav Ivanovich joined a Ph.D. program and began studying the Tibetan language first under V.S. Vorobyov-Desyatovsky (1927–1956) and later under B.I. Pankratov (1892–1979). During his postgraduate Ph.D. studies, he also started to teach the Tibetan language at the faculty of Oriental Studies. Some details of his scholarly and teaching activities have been mentioned in his letters to R.E. Pubaev (1928–1991). The life of B.I. Kuznetsov, a teacher and researcher of Tibetan studies, is of a great interest to scholars as an integral part of the historical development of Tibetan studies in Russia.

Key words: B.I. Kuznetsov, Tibetan language, Faculty of Oriental Studies, Buddhism, the Archive of Orientalists.

For citation: Sabrukova, Svetlana S. “Review of B.I. Kuznetsov’s Private Collection in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 101–107 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627289.

About the author: Svetlana S. SABRUKOVA, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID 0000-0001-7983-4291.

Материалы Архива востоковедов ИВР РАН по истории корейского фонда из г. Кызыл-Орда

Д.С. АНОФРИЕВА

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627148

Статья поступила в редакцию 05.02.2024.

Аннотация: Данная статья посвящена переписке, хранящейся в Архиве востоковедов, касающейся передачи корейских старых книг из библиотеки г. Кызыл-Орда, Казахстан, в Институт востоковедения. Корейский фонд ИВР РАН начал формироваться еще в 1864 г., и все последующие годы коллекция памятников по возможности пополнялась. Именно поэтому, когда в 1939 г. поступило письмо из библиотеки г. Кызыл-Орда с пожеланием передачи корейских книг в ИВ АН СССР, то руководство Института начало активно содействовать этому процессу. О содержании данной переписки и истории корейского фонда старых книг в г. Кызыл-Орда и пойдет речь в статье.

Ключевые слова: Архив востоковедов ИВР РАН, корейский фонд, корейские книги, письма, Кызыл-Орда, Казахстан.

Для цитирования: *Анофриева Д.С.* Материалы АВ ИВР РАН по истории корейского фонда из г. Кызыл-Орда // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 108–114. DOI: 10.55512/WMO627148.

Об авторе: АНОФРИЕВА Дарья Сергеевна, магистр, младший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия), (daria-anofrieva@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0011-1478.

© Анофриева Д.С., 2024

В Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН хранятся не только личные архивные материалы ученых, которые ранее работали в Институте, но также и самые различные документы и письма, связанные с ИВР РАН (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР, с 1956 г. — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с 2007 г. — Институт восточных рукописей РАН).

Одним из таких интересных материалов является переписка о передаче Институту востоковедения АН СССР корейского фонда книг, ксилографов и рукописей из Кызыл-Ординского (с 1997 г. Кызылординского) педагогического института, Казахстан.

Что же это за фонд книг и как он появился на территории СССР? Дело в том, что на протяжении 1920-х годов корейцы и китайцы стабильно занимали третьи и четвертые места по численности среди населения на территории Дальнего Востока (корейцы — 168 тыс. человек, или 8,9%; китайцы — 72 тыс. человек, или 3,8%) (Дальневосточный край в цифрах 1929: 39). Поэтому решением Дальневосточного краевого исполнительного комитета от 25 июня 1931 г. было постановлено создание Дальневосточного интернационального педагогического института, который в дальнейшем стали называть просто Корейским педагогическим институтом. В первые годы корейцы составляли 90% учащихся, а к 1936 г. набор состоял уже только из одних корейцев (Малявина 2019: 74). В течении пяти лет в его стенах готовили преподавателей-корейцев для начальных и средних корейских школ.

В связи с историческими событиями в 1937 г. был вынесен ряд решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о выселении корейского населения с территории Дальнего Востока. Так, в начале сентября того же года было принято постановление об отправке книг на корейском языке и наглядных пособий с корейским текстом из Владивостока в Кызыл-Орду, Казахстан. После этого, согласно постановлению Приморского обкома ВКП(б) от 17 сентября 1937 г. «О переселении некоторых корейских учреждений и организаций из гор. Владивостока» в Кызыл-Орду (с 1997 г. Кызылорда) перевели Дальневосточный Корейский педагогический институт (Малявина 2019: 75–76). И таким образом коллекция старых книг, ксилографов и рукописей оказалась в г. Кызыл-Орда.

Архивные материалы о передаче корейского фонда представляют собой копии официальных писем, телеграмм, черновиков ответных писем¹. Их содержание приведено ниже.

Первое письмо от 26 декабря 1939 г. было адресовано директору ИВ АН СССР академику А.П. Баранникову (1890–1952) от заведующего библиотеки Педагогического института товарища Кропанева² из г. Кызыл-Орда КазССР. В нем говорилось о том, что после уведомления Академии наук 19 сентября 1939 г. и последующий телеграммы в первых числах октября того же года с просьбой поспешить с ответом (который пришел только 16 декабря 1939 г.) Педагогический институт, предполагая, что ответа не будет, заключил договор с отделом книгообмена Всесоюзной библиотеки им. Ленина и отправил туда часть книг. Через несколько дней Педагогический институт получил телеграфное распоряжение Управления Высших Школ Народного Комиссариата Просвещения Казахстана об отправке древнекорейских книг Государственной публичной библиотеке в г. Алма-Ата. По словам представителя Комиссариата, видно, что ГПБ хотела взять на себя роль хранителя этих фондов, выдавая литературу по межбиблиотечному абонементу. Библиотека же Кызыл-Ординского педагогического института стремилась передать фонды в место наибольшего использования, так как с этими книгами могли в полной мере работать лишь весьма ограниченное количество специалистов, что шло вопреки желанию ГПБ иметь у себя редкую литературу и указанию НКП Казахстана о передаче ГПБ этих книг.

ИВ АН СССР являлся единственным книгохранилищем восточных фондов, и поэтому Кызыл-Ординский педагогический институт считал, что по требованию Института востоковедения отдел книгообмена сможет беспрепятственно передать книги в полное распоряжение ИВ АН.

¹ АВ ИВР РАН (Архив востоковедов ИВР РАН). Ф. 152. Оп. 1а. № 722.

² Инициалы в документах переписки не упоминаются.

Будучи уверенными в правильности передачи книг в Москву и Ленинград, библиотека Кзыл-Ординского института просила авторитетного вмешательства ИВ АН СССР для внесения перед Всесоюзным Комитетом Высшей Школы возражений против нерациональной передачи древнекорейской литературы в Алма-Ату. НКП Казахстана установили жесткий срок отправки книг в ГПБ Алма-Аты к 10–15 января 1940 г., поэтому библиотека Кзыл-Ординского института также просила принять меры для своевременной отправки копии документа об отмене распоряжения НКП Казахстана.

В углу этого письма (от 26 декабря 1939 г.) синей ручкой была сделана приписка о необходимости срочно, совместно с А.А. Холодовичем (1906–1977), подготовить ответные письма о передаче фонда в ИВ и сделать это не позднее 5 января 1940 г.³

После этого письма началась переписка одновременно с Кзыл-Ординским педагогическим институтом и заместителем председателя комитета по делам Высшей Школы при СНК СССР А.П. Гагариным (1859–1960).

11 января 1940 г. от ученого секретаря ИВ А.А. Петрова (1907–1949) товарищу Кропаневу было отправлено письмо с сообщением о том, что А.П. Гагарин дал телеграфное распоряжение наркому Казахстана задержать передачу корейского фонда в г. Алма-Ата. В связи с чем Педагогическому институту необходимо было выслать товарищу Гагарину справку о фонде и написать о целесообразности передачи фонда книг Ленинграду, так как в это же время ИВ возбудил соответствующее ходатайство комитета Высшей Школы⁴.

После этого в тот же день (11 января 1940 г.) было отправлено письмо от директора Института востоковедения АН СССР академика А.П. Баранникова на имя заместителя председателя комитета по делам ВШ при СНК СССР А.П. Гагарина с просьбой дать распоряжение НКП Казахстана СССР и Педагогическому институту в г. Кзыл-Орда о передаче корейского фонда в Ленинград.

Обосновывалось данное ходатайство тем, что ИВ АН СССР являлся единственным и наиболее богатым в СССР хранилищем книг и рукописей на восточных языках («...специальная библиотека насчитывает до 600 000 книг о Востоке на восточных и европейский языках, а в Рукописном отделе хранится до 30 000 восточных рукописей. В наш Институт обращаются за литературой специалисты со всех концов Союза, а также и из-за границы. Можно с уверенностью сказать, что корейский фонд, являющийся уникальным не только в СССР, но и в Европе (его можно сравнить лишь с фондом Британского музея в Лондоне»⁵). Как писал А.П. Баранников⁵, особенно внимание акцентировалось на том, что лишь в стенах ИВ данный фонд мог быть в должном порядке описан, так как специалистов-корееведов за пределами Ленинграда просто не было. Кроме того, указывалось также, что ГПБ в г. Алма-Ата просто не располагало условиями для надлежащего хранения и использования фонда⁶.

После этого, уже 19 января 1940 г., А.П. Гагарину была отправлена телеграмма из Алма-Аты, что для получения списка корейских книг Кзыл-Ординского института необходимо распоряжение Казнаркомпроса, потому как книги переданы в Казгосбиблиотеку⁷.

³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 1.

⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 2.

⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 3.

⁶ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 3.

⁷ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 5.

21 января 1940 г. решением ВКВШ при СНК СССР было постановлено, что после получения каталога книг корейского фонда эта коллекция будет передана ИВ АН СССР. На документе, в левом нижнем углу имеется приписка о необходимости сообщить эту информацию А.А. Холодовичу⁸.

После принятия решения о передаче фонда Ленинграду, 5 февраля 1940 г., от заведующего библиотекой товарища Кропанева из Кзыл-Ординского педагогического института пришел ответ на письмо А.П. Гагарина от 11 января 1940 г., копию которого отправили и в ИВ АН, о том, что составить список корейской литературы на русском языке они не могут за неимением специалистов, которые могли бы не то что перевести тексты на русский язык, но даже и просто прочитать их. Это обосновывалось, по их словам, тем, что большая часть книг написана китайскими иероглифами, а современная корейская письменность очень отличается от них. Также сообщалось, что книги пока находятся в Институте и в подраздел книгообмена библиотеки им. Ленина было выслано только 54 тома, поэтому необходимо решение товарища Гагарина в отношении остальных книг⁹.

После этого 16 февраля 1940 г. было написано сразу несколько писем в разные места. Так, первое письмо было отправлено академиком А.П. Баранниковым и ученым секретарем А.А. Петровым заместителю председателя ВКВШ при СНК СССР А.П. Гагарину с тем, чтобы сообщить о том, что в г. Кзыл-Орда составить каталог корейского фонда не могут в связи с отсутствием специалистов, а это, в свою очередь, еще один довод, почему данный фонд должен был быть передан ИВ АН СССР¹⁰.

Второе письмо было на имя заведующего библиотеки товарища Кропанева от директора ИВ АН СССР А.П. Баранникова и ученого секретаря А.А. Петрова. В этом письме содержалась копия письма, отправленного от руководства ИВ АН на имя А.П. Гагарина, и просьба придержать корейский фонд в библиотеке Педагогического института вплоть до окончательного решения вопроса о передаче коллекции в ВКВШ СССР¹¹.

И последнее письмо, от 16 февраля 1940 г., было отправлено в отделение Литературы и Языка Академии Наук СССР на имя Николая Альбертовича¹² от ученого секретаря А.П. Петрова. Оно содержало копию письма, отосланного заместителю председателя ВКВШ СССР А.П. Гагарину, а также сообщение, что при личной встрече с А.П. Петровым в январе 1940 г. А.П. Гагарин обещал удовлетворить просьбу Института после получения каталога книг. В недавнем же письме (от 5 февраля 1940 г.) выяснилось, что каталог в г. Кзыл-Орда составить не могут. И это еще раз подтвердило необходимость передачи данного фонда в ИВ АН СССР. Именно поэтому А.П. Петров попросил своего коллегу посодействовать в получении соответствующего распоряжения от товарища Гагарина. Корейский фонд представлял собой собрание очень ценных старых корейских книг, ксилографов и рукописей, а потому их место было в Рукописном отделе и библиотеке Института востоковедения¹³.

Позднее, 5 марта 1940 г. на имя директора ИВ АН СССР А.П. Баранникова от заведующего библиотекой Педагогического института Кропанева пришел ответ на

⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 6.

⁹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 7.

¹⁰ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 9.

¹¹ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 8.

¹² Фамилия в документах не указана, и установить личность не удалось.

¹³ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 4.

письмо от 16 февраля 1940 г. В нем сообщалось, что копия письма на имя А.П. Гагарина получена и что до настоящего времени в библиотеку все еще не поступило никаких распоряжений ни от ВКВШ, ни от НКП Казахстана. Кроме того, ввиду невозможности составления списка литературы, содержащейся в корейской коллекции, они сделали выкопировки с титульных листов некоторых книг, которые и отправили вместе с этим ответом на письмо. К письму было приложено 16 копий титульных листов, а в левом верхнем углу была приписка — ознакомить А.А. Холодовича¹⁴.

Копии титульных листов представляют собой небольшие листы кальковой бумаги размера А5, иероглифы обведены черной ручкой.

Ниже представлен список рукописей и ксилографов, предоставленный Педагогическим университетом¹⁵:

1) 壽齋遺稿卷己三目錄 (수재유고 /сучэюго/) — 3-й том сборника прозы и стихотворений, составленного Ли Гонсу, чиновником поздней эпохи династии Чосон, во второй половине XVIII в.;

2) 震川先生集卷之九 (진천선생집 /чинчхонсонсэнчип/) — 9-й том сборника произведений Гуй Югуан;

3) 雲石遺稿龍之十五目錄 (운석유고 /унсокюго/) — 15-й том сборника прозы и стихотворений, составленного Чо Инён и опубликованный в 1868 г.;

4) 圃巖集卷之一目錄 (포옹집 /пхоончип/) — 1-й том сборника прозы и стихотворений, составленного Пак Инсан в 1780 г.;

5) 三山齋集卷之九目錄 (삼산재집 /самсанчечип/) — 9-й том сборника стихотворений, составленного Ким Инан, год создания и издания неизвестны;

6) 太湖集卷之七目錄 (태호집 /тхэхочип/) — 7-й том стихотворного сборника, опубликованного в 1840 г. Хон Вонсоп;

7) 五行精紀卷第六 (오행정기 /охенчонги/) — 6-й том учебных материалов. В период ранней эпохи династии Чосон эта книга использовалась для подготовки к государственному экзамену на чиновничью должность;

8) 萬機要覽 (만기요람 /мангийорам/) — административная книга, составленная Со Ёнбо и Сим Сангю. В этой книге описывается военное и финансовое управление государством королевским двором в позднюю эпоху династии Чосон;

9) 進饌儀軌 卷之三 目錄 (진찬의궤 /чинчханиквэ/) — 3-й том «Ритуала проведения пира во дворце»;

10) 易附記卷第三 — 3-й том сборника произведений Вэн Фанган;

11) 大典編卷之五¹⁶ — может являться 5-м томом «Основных законоположений. Общий свод» (대전통편 大典通編);

12) 江漠集卷之二十三 月錄 (см. примеч. 16).

13) 圃巖集卷之十九 目錄 (포옹집 /пхоончип/) — 19-й том сборника прозы и стихотворений, составленного Пак Инсан в 1780 г.;

14) 耳溪外集卷六 目 (이계집 /игйэчип/) — 6-й том «Переписанного посмертного собрания сочинений», составленного Хон Янхо в 1843 г. Собрание стихов и прозы;

¹⁴ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 10.

¹⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 11–26.

¹⁶ Установить точное название этого и еще нескольких памятников не удалось в связи с крайне непонятной перерисовкой иероглифа на кальку.

15) 閑西色志券之七目錄¹⁷ — путевые заметки. Возможно, что это «Записи о выдвигении способных учеников [для столичных экзаменов] из провинции Квансо» (관서빈흥록 關西賓興);

16) 厚齋先生集卷之九 (후재선생집 /хучэсонсэнчип/) — 9-й том стихотворного сборника, составленного Ким Ган.

13 марта 1940 г. было отправлено последнее письмо от директора ИВ АН РАН и секретаря А.П. Петрова заведующему библиотекой Кзыл-Ординского педагогического института Кропаневу. В этом письме дирекция Института востоковедения поблагодарила Кропанева за присылку копий титульных листов некоторых книг корейского фонда, а также было сообщено, что Институт крайне заинтересован в получении корейского фонда. По этой причине дирекция ИВ АН еще раз обратилась в ВКВШ с просьбой окончательно разрешить вопрос о передаче фонда в Институт¹⁸.

Письмо от 13 марта 1940 г. было последним из материалов по этому делу, и документов о дальнейшей судьбе корейского фонда в архиве нет, и, к сожалению, неизвестно, попали ли эти книги в ИВ АН СССР. После сверки со списком, представленным в «Описание письменных памятников корейской традиционной культуры» (Троцевич, Гурьева 2009), было обнаружено лишь четыре совпадающих названия, но эти памятники из Рукописного отдела ИВР РАН принадлежат коллекции дипломата У.Дж. Астона. Судьба корейского фонда из Кзыл-Ординского педагогического института и его нынешнее местонахождение все еще остаются загадкой.

Литература

- Дальневосточный край в цифрах 1929 — Дальневосточный (ДВК) край в цифрах: справочник / Под ред. Р. Шишлянникова, А. Рясенцева, Г. Мевзоса. Хабаровск, 1929.
- Малявина 2019 — *Малявина Л. С.* Малоизученные страницы истории корейского (Дальневосточного) педагогического института во Владивостоке (1931–1937 гг.) // Общество: философия, история, культура. № 9(65). Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2019. С. 71–77.
- Троцевич, Гурьева 2009 — *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. 2. Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

References

- Dal'nevostochnyi krai v tsyfrakh: spravochnik. Pod. red. R. Shishliannikova, A. Riasentseva, G. Mevzosa* [The Far East in Figures: A Directory. Ed. by R. Shishliannikov, A. Riasentsev, G. Mevzos]. Khabarovsk: Book business, 1929 (in Russian).
- Maliavina, Liudmila S. “Maloizuchennyye stranitsy istorii koreiskogo (Dal'nevostochnogo) pedagogicheskogo instituta vo Vladivostoke (1931–1937 gg.)” [Little-Studied Chapters of the Korean (Far Eastern International) Teacher's Training Institute in Vladivostok (1931–1937)]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*. Krasnodar: Izdatel'skii dom “HORS”, 2019, no. 9(65), pp. 71–77 (in Russian).

¹⁷ Точное название установить не удалось.

¹⁸ АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 722. С. 27.

Trotsevich, Adelaida F., Gur'eva, Anastasiia A. *Opisanie pis'mennykh pamiatnikov koreiskoi traditsionnoi kul'tury. II: Koreiskie pis'mennye pamiatniki v rukopisnom otdele Instituta vostochnykh rukopisei Rossiiskoi akademii nauk* [A Description of Written Records of Traditional Korean Culture. 2. Korean Written Records in the Department of Manuscripts and Documents of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2009 (in Russian).

Materials of the Archive of Orientalists of IOM, RAS, on the History of the Korean Fund from the city of Kzyl-Orda

Daria S. ANOFRIEVA

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 05.02.2024.

Abstract: This article is devoted to the correspondence (housed at the Archive of Orientalists) regarding the transfer of old Korean books from the library of Kzyl-Orda, Kazakhstan, to the Institute of Oriental Studies. The Korean Fund of IOM, RAS, began to form back in 1864, and in all subsequent years, the collection of written records was replenished whenever possible. That is why, when in 1939 a letter was received from the library of Kzyl-Orda with a wish to transfer Korean books to the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences, the top management of the Institute began to actively promote this process. The content of this correspondence and the history of the Korean collection of old books in Kzyl-Orda are discussed in the article.

Key words: Archive of Orientalists of IOM, RAS, Korean Fund, Korean books, letters, Kzyl-Orda, Kazakhstan.

For citation: Anofrieva, Daria S. "Materials of the Archive of Orientalists of IOM, RAS, on the History of the Korean Fund from the city of Kzyl-Orda". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 108–114 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627148.

About the author: Daria S. ANOFRIEVA, Master's degree, Junior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russian Federation) (daria-anofrieva@mail.ru). ORCID: 0000-0002-0011-1478.

Владимир Алексеевич Ива́нов — выдающийся иранист мирового масштаба Часть 1

Ю.А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627287

Статья поступила в редакцию 10.12.2023.

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся иранисту XX в. — В.А. Ива́нову, научная деятельность которого объединяла два направления: персидскую/иранскую диалектологию и исмаилизм, а сам он стоял у истоков обоих этих направлений. Автор попытался рассмотреть оба из них, чтобы можно было целостно оценить масштаб фигуры этого ученого, как и его вклад в мировое востоковедение. Статья публикуется в двух частях, первая часть включает биографию В.А. Иванова и разделы, посвященные его трудам в области лингвистики. В ней в числе прочего использованы воспоминания самого востоковеда и архивные материалы ИВР РАН.

Ключевые слова: история востоковедения, персидская/иранская диалектология, исмаилизм.

Для цитирования: *Иоаннесян Ю.А.* Владимир Алексеевич Ива́нов — выдающийся иранист мирового масштаба. Часть 1 // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 115–134. DOI: 10.55512/WMO627287.

Сведения об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю.А., 2023

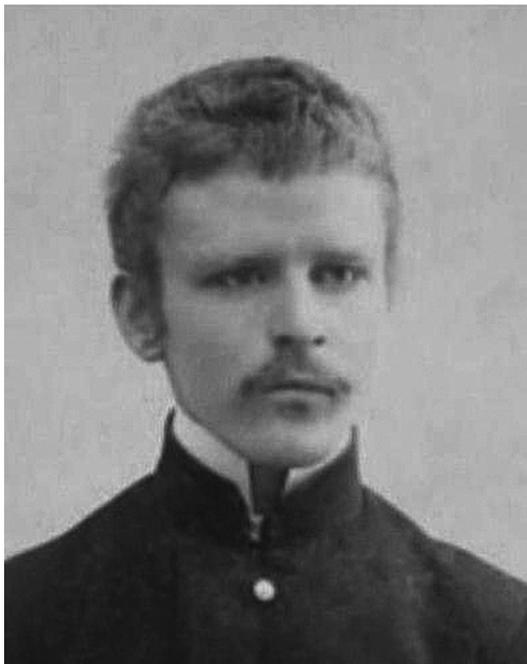
I. Страницы биографии В.А. Иванова (1886–1970)¹

Известный востоковед русского происхождения, проживший большую часть жизни в эмиграции, Владимир Алексеевич Иванов родился 3 ноября (по новому стилю) 1886 г. в Санкт-Петербурге на улице Десятой роты Измайловского полка². Его отец (Алексей Андреевич Иванов), дед и прадед — коренные петербуржцы. Мать —

¹ В этой части мы активно используем (наряду с другими источниками) «Воспоминания о Востоке. 1918–1968» В.А. Иванова (Иванов 2015), подготовленные к печати и изданные с подробным комментарием Б.В. Нориком. См. также: *Иванов В.* Пятьдесят лет на Востоке: воспоминания / В.А. Иванов; вступит. ст., коммент. и прил. Фархада Дафтари. М.: Наука — Вост. лит., 2019.

² Ныне 10-я Красноармейская улица Санкт-Петербурга.

Царское село, 1907,
 фото из архива востоковедов РАН.
 Фонд 19, опись 1, ед.хр. 54

Мария Филипповна Марченко была родом из Харькова. В 1894 г. семья переехала в Москву, потом в Ярославль, затем вернулась в Москву, потом поехала в Тульскую губернию Веневского, или Каширского, уезда. В 1899 г. она вернулась в Москву и потом в Петербург, где Иванов поступил во второй класс гимназии (Гимназии Императорского Человеколюбивого общества) (Иванов 2015: 11 и примеч. 22).

С четвертого класса Иванов учился в Царскосельской гимназии. В то время семья проживала в Царском Селе. Он много путешествовал на велосипеде по окрестностям Санкт-Петербурга, побывал в Нарве, Эстляндии (Ревеле, теперь Таллине), на Валааме, в Финляндии, а также посетил Крым и другие места. По окончании гимназии поступил в Университет на факультет восточных языков. В своих «Воспоминаниях» он называет это событие «крутым поворотом» в своей жизни. Наперекор общему тренду того времени получать инженерное образование Иванов увлекся Востоком, о котором, как пишет он сам, много читал, но мало знал (Иванов 2015: 14).

Вернувшись из Крыма в середине ноября 1907 г., Иванов начал ходить на лекции. Среди преподавателей были крупные иранисты — В.В. Бартольд и К.Г. Залеман, о которых в своих «Воспоминаниях» он отзывается довольно положительно. О других же, в том числе и о некоторых весьма известных специалистах, в целом скупой на похвалы Иванов высказывался критически. Также сетовал на то, что не застал «большого специалиста в арабском языке» барона В.Р. Розена, который был болен на момент поступления Иванова в Университет и вскоре умер. Учился Иванов хорошо и при переводе с третьего на четвертый курс в 1910 г. получил командировку в Персию на три месяца, которая реально продлилась пять. По дороге побывал в Бухаре и Самарканде, а в Персии посетил Решт, Тегеран, Казвин, Исфахан. В последнем, по собственному признанию, впервые вступил в контакт с дервишами (Иванов 2015: 76) и приобрел несколько рукописей, которые потом передал в Азиатский Музей³ (Там же: 75).

Иванов открыл для себя Азиатский Музей на втором курсе учебы в Университете. По этому поводу он пишет: «Я сразу почувствовал разницу между Азиатским Музеем и Университетом, где была учеба с ее экзаменами, политикой и всякими формальностями и неприятностями, а в Музее была „наука“, атмосфера другого мира,

³ Азиатский Музей — ныне Институт восточных рукописей РАН.

именно того, к которому меня тянуло. Я стал все чаще заходить туда и потом „акклиматизировался“» (Иванов 2015: 19). Обыкновенная, «стандартная» стезя для восточников — поступление в «Учебное Отделение Министерства Иностранных Дел», что открывало дорогу по консульской службе, по его признанию, мало привлекало. Ему же хотелось устроиться как-нибудь по чисто научной части в Азиатском Музее, хотя такая служба обещала низкую плату. «Правительство скупно отпускало средства на Академию наук», — сетовал Иванов (Там же: 20).

По совету одного хорошо относившегося к нему университетского лектора Иванов по окончании Университета устроился на работу в банк, в котором работал и сам лектор, что предусматривало командировки в Персию. В 1911 г. Иванов выехал в Персию через Туркестан с заездом в Ташкент, Самарканд и Бухару. Начальство назначило его в Бирджанд⁴, город в Юго-Восточной Персии, в южной части провинции Хорасан. Это был, как отмечает Иванов, «захолустный и труднодоступный городишко». Бирджанду и Хорасану в целом он посвятил немалую часть своих диалектологических изысканий, итогом которых явилась серия трудов, среди них особо отметим «Persian as spoken in Birjand» (Ivanow 1928a; см. ниже). Эта работа оставалась на долгие десятилетия единственным источником по изучению бирджандского диалекта персидского языка, входящего в группу хорасанских диалектов, первопроходцем в исследовании которых и стал Иванов. В Хорасане ему еще приходилось бывать не раз, но первый опыт, как часто случается, был для него особенно незабываемым. Вот как сам он описывает этот этап своей деятельности: «Действительно, мой первый год в Бирджанде, 1912-й, был самым счастливым и радостным периодом в моей жизни, какого уже больше переживать не приходилось» (Иванов 2015: 25).

Из Бирджанда на востоке Персии после закрытия банка судьба забросила Иванова в 1913 г. на крайний запад этой страны — в г. Керманшах. По собственному его признанию, было очень жаль покидать Бирджанд, но утешением явилась возможность путешествия через Центральную пустыню Дешт-е Кевир. Он проехал на верблюдах до Табаса⁵, где вышел на Хорасанскую дорогу, а потом через Анарак, Наин, Кухпа — до Исфахана. Там задержался на неделю для найма вьючных лошадей и направился через Арак на Хамадан, также посетил и Персидский Курдистан. В поездках по Персии Иванов всегда использовал любую возможность для сбора диалектологического и этнографического материала. Некоторым из этих мест посвящены отдельные лингвистические работы этого ученого, как, например, деревне Мехреджан (Михриджан) в округе Хур провинции Исфахан, которую Иванов посетил на пути из Бирджанда в Хамадан.

В 1914 г. Иванов оставляет службу в банке, но вместо прямого возвращения в Петербург решает еще посетить Индию, куда отправляется из Басры в Ираке на пароходе, успеваает во время краткосрочного пребывания в Багдаде съездить на раскопки Вавилона с миссией профессора Кольдевея (Иванов 2015: 29–30). Так он впервые попадает в Индию — в страну, с которой его позже связала судьба. Из Индии он намеревался на пароходе вернуться в Россию через Одессу, но эти планы были нарушены Первой мировой войной. С большими приключениями Иванов добрался до Ашхабада (Ашкабада — в его собственной передаче) через Персию, где сел на поезд.

⁴ Вариант передачи этого топонима: Бирдженд. Мы же сохраняем название в той форме, которую использует в своих «Воспоминаниях» Иванов.

⁵ Вариант этого названия: Тебес.

В Петербурге его тепло встретил Залеман, директор Азиатского Музея, который сразу дал ему работу над рукописью. Как указывает в комментарии к «Воспоминаниям» Б.В. Норик, с 1 января 1915 г. Иванов стал сверхштатным сотрудником Азиатского Музея (Иванов 2015: 35, коммент. 144)⁶. Но его сильно мучила малярия, которой он заразился в Индии (в Мультане). Залеман посоветовал переменить климат, и Иванов отправляется в Бухару. Эта поездка оказалась крайне удачной. Иванов не только избавляется в Бухаре от малярии, но и, как отмечает Норик, собирает 1057 рукописей — из них 38 еврейско-персидских и еврейских (Там же: 35–36, коммент. 146). Кроме того, он послал местную старую керамику Музею антропологии и этнографии по поручению директора этого Музея академика В.В. Радлова.

В разгар Первой мировой войны Иванова призвали в армию и благодаря его знанию нескольких иностранных языков отправили прямо в «команду солдат, причисленных к Главному управлению Генерального штаба», в самом Петербурге, в «Иностранное Отделение». Вскоре его перевели в «Особое делопроизводство», специально организованное для сношений с представителями союзных армий при Главной Квартире (Иванов 2015: 37). По ночам Иванов работал в Азиатском Музее. После смерти Залемана в 1916 г. директором Азиатского Музея становится С.Ф. Ольденбург, который оформил Иванова хранителем Азиатского Музея. С керосином в Петербурге в условиях войны было сложно, но у Иванова был запас елочных свечек, и он работал с ними в Музее. При таких условиях он «приготовлял издание *Умму'ль-Китаб* и других исмаилитских текстов» (Там же: 38). Видимо, это явилось первым опытом работы с литературой исмаилитов. Исследованию учения исмаилитов Иванов посвятит долгие годы жизни в будущем, оно станет одним из двух главных, если не основным, направлений всей последующей научной деятельности этого великого ученого.

К весне 1918 г. в Петербурге (Петрограде)⁷ стало очень трудно с продовольствием, и «Правление Академии для сохранения квалифицированных работников решило предложить желающим взять трехмесячный оклад жалования и поехать в отпуск во внутренние районы России, где продовольственный вопрос не стоял так остро». Иванов «подал заявление об отпуске в Бухару, которое Сергей Федорович переделал на командировку для поисков рукописей» (Иванов 2015: 39). Очевидно, с этого момента следует отсчитывать тот период, о котором сам Иванов написал следующее: «Так сложились обстоятельства моей жизни, что мне пришлось почти безвыездно прожить более пятидесяти лет (1918–1968) на Востоке, в исследовательской работе по иранологии (диалекты персидского языка) и исламологии (шиитское сектанство)» (Там же: 9).

«Эмират Бухара считался „протекторатом“... В нем Россию представлял резидент, чиновник Министерства иностранных дел. После Октябрьской революции его заменило представительство Совета рабочих и солдатских депутатов в Кагане» (в 12 км от Бухары). Ситуация в Туркестане, по словам Иванова, была сложная, повсюду шли восстания. Оставаться там надолго стало невозможно. В этом положении возвращаться в Петербург было и трудно, и бессмысленно. Единственным выходом представлялся отъезд в Персию, но это требовало получения пропуска (Иванов 2015: 40). Иванову «выдали бумагу вроде дипломатического паспорта», и он поехал.

⁶ См. также: Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 12(1).

⁷ В своих «Воспоминаниях» Иванов нигде не использует название «Петроград».

Но и в Персии ситуация была сложной. Устроиться на работу оказалось невозможным, и Иванов некоторое время занимался тем, что давал уроки английского языка детям своего знакомого и бывшего сослуживца по работе в банке в Мешхеде. Но после его отъезда в Сирию, откуда тот был родом, положение Иванова стало катастрофическим. «Я писал всюду, где могла предполагаться возможность спроса на мои востоковедные квалификации, но ничего не выходило», — повествует о тех временах Иванов. В результате ему все-таки удалось найти работу в Отделе наемного транспорта в Мешхеде при англичанах благодаря некоему генералу Диксону, который был русофилом (Иванов 2015: 44). Иванов работал переводчиком у англичан в статусе временно нанятого служащего. Он постепенно акклиматизировался к этой новой среде. «В конце лета 1920 года, — пишет Иванов в своих „Воспоминаниях“, — заговорили о нашей эвакуации... Наконец была выработана программа „ухода“ четырьмя „конвоями“, эшелонами» (Там же: 46–47). Речь шла об отъезде в Индию.

Так Иванов второй раз попадает в Индию. Высшее начальство разрешило ему остаться в той стране и ехать в Калькутту, где он нашел крайне интересную для себя работу в Бенгальском Азиатском обществе. Это Общество издавна вызывало к себе интерес Иванова. Еще в бытность свою в Персии, в Бирджанде, будучи подписчиком «Журнала Королевского общества в Лондоне», он одновременно был подписан и на «Журнал Бенгальского Азиатского общества» (Иванов 2015: 109). В этом Обществе Иванов прослужил до 1930 г., напечатав четыре тома каталога персидских рукописей (922 страницы), и подготовил каталог арабских рукописей, публикацию которого из-за отсутствия средств пришлось приостановить (Там же: 48–49). Иванов состоял в переписке с видными востоковедами того времени: К. Броккельманом, Э.Г. Брауном и Р. Никольсоном, которые присылали свои книги как ему лично, так и для библиотеки Бенгальского Азиатского общества (Там же: 112).

Отметим, что значительная часть важнейших трудов Иванова была издана именно Бенгальским Азиатским обществом. Этот период ознаменовался выходом его лингвистических и этнографических трудов по персидской и иранской диалектологии, а также о нравах и обычаях народов Персии, отразивших богатейший опыт ученого и вобравших в себя ценнейшие материалы, собранные в той стране, особенно, в Хорасане, научному изучению диалектов которого Иванов положил начало.

Однако не все так просто складывалось у Иванова в Индии. Индусы и мусульмане, пишет он в «Воспоминаниях», приняли его с нескрываемой враждебностью. Вокруг Иванова образовался как бы «сомкнутый фронт». «Как он может претендовать на знание персидского языка, когда он даже не может свободно говорить на урду?» — задавались вопросом они (Иванов 2015: 49). Иванову приходилось преодолевать сильное противодействие отдельных недоброжелателей. Но англичане его поддерживали. Иванов надеялся при первой же возможности вернуться на родину, однако обстоятельства не благоприятствовали этому. И через пять лет безвыездного пребывания в Индии, он, не без колебаний, подает заявление на получение британского гражданства, которое было удовлетворено. Как отмечает он сам, это избавило его на сорок лет (1928–1968) от хлопот и беспокойств (Там же: 56).

В 1928 г. Иванов сумел получить трехмесячную командировку в Персию. Как отмечает Норик в комментарии, командировка длилась с августа по декабрь 1928 г. В Персии Иванов посетил города Бушер, Шираз, Тегеран, Мешхед, Захедан. Всего же за поездку по Индии и Персии им было собрано 1500 томов (Бенгальскому Азиатскому обществу из них досталась только 161 рукопись) (Иванов 2015: 51, коммент. 218).

По мере того как дела Иванова с Бенгальским Азиатским обществом в Калькутте ухудшались, он «постарался войти в корреспонденции с Бомбейским Агахановским центром» исмаилизма, которым интересовался давно, о чем будет сказано в соответствующем разделе. Этот центр «издавал еженедельный журнал на гуджаратском наречии, в котором несколько страниц всегда было отведено для статей по-английски». Когда в 1928 г. Иванов проезжал через Бомбей, то навестил редакцию журнала и был принят с огромным радушием и «помпой».

В какой-то момент перед Ивановым открылась перспектива составления каталога новых поступлений персидских рукописей для Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. Но этому проекту не суждено было сбыться. С прекращением работы в Калькутте Иванов пробует найти ее у исмаилитов, «Агахановских ходжей»⁸, которые отнеслись к нему так радушно в 1928 г. В декабре 1930 г. он получает ответ: «Его Величество Агахан выразил согласие на приглашение» Иванова «для постоянной работы по исследованию истории, литературы и философии исмаилитского движения», к которой он приступил с 1 января 1931 г. (Иванов 2015: 59). С этого момента начинается второй, важнейший период в научно-исследовательской деятельности и жизни Иванова — изучение исмаилизма, продлившийся до конца его дней. Именно труды в данной области принесли ему славу великого ученого.

«Мою удачу, — писал Иванов, — в получении доступа к подлинной исмаилитской литературе разных толков приветствовали многие известные европейские ученые, как Л. Массиньон, Р. Штроттманн, П. Краус и другие» (Иванов 2015: 61). Однако работа над этой тематикой, и особенно печатание исмаилитских книг, как сетует Иванов в «Воспоминаниях», была сопряжена со сложностями и множеством интриг. Предмет этот, достаточно деликатный, вызывал неоднозначную, порой негативную реакцию у заинтересованных лиц с разных сторон.

В 1959 г. Иванов переехал из Бомбея в Тегеран, где провел оставшиеся годы жизни до своей кончины в 1970 г. (Акимушкин 2002: 446). Как поясняет Норик в комментарии со ссылкой на переписку Иванова с известным французским исламоведом А. Корбэном, подобная перемена была связана с тем, что Ага-хан IV принял решение перенести штаб-квартиру «Исмаилитского общества» в Карачи, где «нет библиотек, сравнимых с таковыми в Тегеране, а лето — ад». К тому же, Иванов констатировал, что в той области, которой он занимается, «в этой стране ничего интересного уже нет» (Иванов 2015: 68, коммент. 288). По свидетельству известного ираниста О.Ф. Акимушкина, в Тегеране Иванову «решением Совета университета были предоставлены две небольшие комнаты на втором этаже Университетского Клуба, в котором обычно жили приглашенные иностранные профессора. Лекций Иванов не читал, но проводил занятия по исмаилитской тематике с аспирантами из Польши, Японии, европейских стран. В 1968 г. тогдашний шах Ирана (Мохаммад Реза Пехлеви) наградил его орденом за выдающиеся успехи в изучении культуры и философии Ирана» (Акимушкин 2002: 446). Годы жизни в Тегеране, как отмечает Норик, протекали для Иванова трудно, о чем, в частности, свидетельствуют строки из его письма Корбэну от 18 мая 1960 г.: «Увы, я веду бесполезную битву со всемирной ленью и бесчестностью и вынужден оставлять одну запланированную публикацию за другой, поскольку я один не могу выполнить всю программу, сосредоточение на которой я считаю наиболее важным делом» (Иванов

⁸ «Ходжами» называются индийские исмаилиты-низариты.

2015: 68, коммент. 288). Иванов скончался в Тегеране 1 июня 1970 г. (Акимушкин 2002: 446).

В СССР в среде востоковедов отношение к Иванову было неоднозначным. Одни, в соответствии с господствовавшим мировоззрением того времени, считали его «невозвращенцем», «перебежчиком» и «представителем буржуазной науки», «нашедшим прибежище у исмаилитского Ага Хана»⁹, другие высказывались о нем положительно, некоторые, такие как О.Ф. Акимушкин и М.Н. Боголюбов, имели с ним и личные контакты (Акимушкин 2002: 446)¹⁰. Но все, кто упоминал Иванова в беседах с нами¹¹, признавали масштаб его личности как великого ученого.

Как сообщил нам в разговоре Акимушкин, по стечению обстоятельств Иванов был похоронен на христианском кладбище в Тегеране в одной из безымянных могил. Идея о публикации некролога ученому была категорично отклонена тогдашними руководителями востоковедной периодики в СССР (Акимушкин 2002: 447–448, примеч. 2). В силу ряда причин, включая политические, официальные органы того времени отказались принять и перевезти архив Иванова после его смерти, который он намеревался отослать на Родину, и в итоге архив перешел в собственность тегеранского университета¹². В этом можно увидеть и определенный символизм. Ведь наследие этого великого востоковеда, поистине мирового уровня, принадлежит не только СССР или России, но и всему человечеству и, безусловно, не в последнюю очередь Ирану, исследованию языка, культуры и религии которого Иванов посвятил свою жизнь.

II. Лингвистические (диалектологические) и этнографические изыскания В.А. Иванова

Имя Владимира Алексеевича Иванова в сознании его коллег-востоковедов более всего связано с изучением исмаилизма, которому ученый посвятил зрелые годы своей жизни. Однако не менее ценны основанные на полевых исследованиях изыскания Иванова и в области иранской и персидской диалектологии и этнографии, с которыми связаны ранние годы научной деятельности этого востоковеда. Он был одним из тех, кто стоял у истоков изучения персидских и иранских диалектов в Европе. Особо весом вклад Иванова в диалектологию Хорасана, исследованию персидских диалектов которого он практически положил начало. Именно Ивановым в 1912–1919 гг. был собран в различных областях этой иранской провинции на северо-востоке страны богатый лингвистический материал, вышедший в серии публикаций. Здесь он шел по стопам своего университетского педагога, известного ираниста В.А. Жуковского (1858–1918), несмотря на непростые личные отношения между этими двумя великими учеными, что с очевидностью следует из «Воспоминаний»

⁹ У части отечественных востоковедов Иванов имел репутацию человека язвительного и желчного, что, правда, никак не проявлялось в его работах, за исключением отдельных рецензий.

¹⁰ Акимушкин не только неоднократно встречался с Ивановым в Тегеране (1966–1968), но и поддерживал с ним регулярную переписку (Акимушкин 2002: 446). От него же нам стало известно, что сам Иванов ставил ударение на втором слоге своей фамилии: Ива́нов. О своей встрече с Ивановым в Тегеране Боголюбов рассказывал студентам на занятии в Ленинградском (ныне — Санкт-Петербургском) университете.

¹¹ Речь идет о 1970–1980-х годах.

¹² Эти сведения сообщил нам в личных беседах Акимушкин.

Иванова. Их диалектологические изыскания носили взаимодополняющий характер. Если Жуковский собрал и издал на стыке XIX–XX вв. огромный материал по диалектам Северного, Центрального и Юго-Западного Ирана, множество из которых (но не все) относятся к северо-западной подгруппе иранских диалектов или примыкающим к ней диалектам Центрального Ирана, то Иванов сосредоточил свое основное (но не исключительное) внимание на персидских говорах Восточного Ирана (Хорасана).

Блестящее знание и ощущение персидского языка позволяли Иванову проникать саму его «живую ткань». Грамматические экскурсы и примечания к диалектным текстам в его трудах полны ценных наблюдений, не утративших актуальности и поныне. В 1915 г. он издал статью, посвященную персидской народной поэзии: «Несколько образцов персидской народной поэзии» (Иванов 1915). Среди последних и четверостишия (№ 23–49), записанные в 1914 г. в селении Сейфабад в районе Туршиза (современное название — Кашмер, расположен в центральной части остана Хорасан). Эта первая его публикация, одна из немногих среди трудов Иванова, изданных по-русски, предвзяла серию работ по хорасанской диалектологии на английском языке, появившихся, когда автор был уже в эмиграции (см. предыдущую главу). Десятилетием позже Иванов опубликовал поэтические тексты, в основном четверостишия фольклорного характера, собранные в 1918–1919 гг. в районе г. Сабзева в Северо-Западном Хорасане: «Rustic poetry in the dialect of Khorasan» (Ivanow 1925). Материал, представленный в этом труде, дает довольно ясное представление о диалекте, в первую очередь с фонетической точки зрения. Во вводной части содержится краткий очерк персидской народной поэзии и особенностей хорасанского диалекта, отмечаются черты, отличающие последний от литературного персидского языка. При этом автор рассматривает хорасанский диалект в целом, указывая на то обстоятельство, что «язык, на котором говорит персидское население Хорасана, почти единообразен» (здесь и далее в статье перевод наш) (Ibid.: 241). В очерк включены список зафиксированных в говорах личных форм и причастий неправильных глаголов, а также список диалектной лексики. С Сабзеваром же связана и другая работа Иванова: “Some poems in the Sabzawari dialect” (Ivanow 1927a). Она представляет собой публикацию двух поэм, написанных более чем столетием раньше двумя сельскими поэтами, проживавшими в указанном районе. Язык этих произведений автор характеризует как «сабзеварский диалект в исключительно чистой форме» (Ibid.: 6). По его мнению, хотя поэмы эти (суфийского содержания) и не имеют ничего общего с подлинным фольклором, их можно рассматривать как ценные в филологическом отношении документы (Ibid.: 7). Первоначально записанные в арабской графике, специально приспособленной для передачи диалектных форм и произношения, они были озвучены живыми носителями говора и воспроизведены Ивановым в латинской фонетической транскрипции (Ibid.: 8). Тексты, представленные в трех вариантах: в оригинале, в переложении на литературный персидский язык и в транскрипции, снабжены английским переводом. Небольшой поэтический фрагмент (из девяти строк) на сабзеварском диалекте помещен и в статье Иванова: “Muhammadan child killing Demons” (Ivanow 1926b). Из Северо-Западного Хорасана в Южный Хорасан переносит нас следующая работа Иванова — “Persian as spoken in Birjand” (Ivanow 1928a)¹³. Она содержит богатый фольклорный материал, собранный в 1912–

¹³ Хотя работа эта вышла в свет позже рассмотренных нами выше, собрание Ивановым бирджандского материала предшествовало его полевым исследованиям в области сабзеварского говора.

1913 гг. в районе (окрестных деревнях) г. Бирджанда, географические пределы которого очерчены границами окружающих его сопредельных территорий: Кайена, Зиркуха, Суннихане и Нехбендана (Ibid.: 239). Диалектные тексты включают как сказки и короткие рассказы, так и четверостишия, свадебные и колыбельные песни. Грамматический очерк посвящен особенностям южно-хорасанского диалекта. Работа содержит также и сведения о селениях Бирджандской долины и близлежащих районов.

Географический охват территории Хорасана, обследованной Ивановым, и разнообразие привезенных им материалов наглядно представлены в вышедшей в 1918 г. в «Известиях Российской Академии наук» (Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie) его заметке: «Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912–1914 годах в Персии» (Иванов 1918). В этой Описи указаны населенные пункты¹⁴, в основном входившие в Округ г. Бирджанда:

1. Поэтические образцы — четверостишия, свадебные, колыбельные, юмористические песни и др. (всего около 500):

а) в деревнях по обоим склонам хребта Багеран¹⁵ (с запада на восток): Губегу¹⁶, Рекат, Нармандж, Зируч, Йашт, Голь, Фариз, Хурашад, Хариванд, Кеништ (Кенешт?) и др.¹⁷;

б) в деревнях по руслу (реки) Руд-е Бирджанд: Шазиле, Техкаб (Текаб?), Ма'сумабад;

в) деревни в горах к северу от Бирджанда: Гуранг (к западу от хребта Арг), Чахек, Седех, Махиабад и др.¹⁸;

г) горы к востоку от Бирджанда: Зирк, Дармиун, Джебик (Гезик?), Табас¹⁹ и др.

2. Прозаические образцы и отрывки: сказания, анекдоты, драматические сцены (*шаббази*), причитания и т.п., собранные главным образом от жителей деревень Нармандж, Техкаб, Губегу, Бошруйе²⁰ (округ города Туна) и др.

3. Несколько дефектных, но дополняющих друг друга списков версифицированного *фарханга* некоего Муллы Сабухи, жившего около ста лет назад, собравшего наиболее своеобразные выражения жителей этого округа (Иванов 1918: 413–414).

Прежде чем перейти к работам Иванова по языкам (диалектам) неперсидских этнических групп Хорасана, остановимся на его пространной статье, посвященной

Черновые записи Иванова по бирджандскому диалекту (по сути, готовые части изданного позже труда) хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН.

¹⁴ Транскрипция географических названий изменена и там, где нам удалось локализовать их на современной карте, приведена в соответствии с их обозначением на этой карте и Указателем географических названий к ней.

¹⁵ У Иванова: Багран.

¹⁶ В одной из своих работ Иванов приводит название этого селения в форме Кубегу (Kubegū). См. (Ivanow 1923: 24, п. 3).

¹⁷ Селения Рекат и Голь, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, сохранились вблизи Бирджанда (к юго-западу от него) и по сей день. К этой группе селений можно добавить еще сохранившийся и поныне Хусп, также упоминаемый Ивановым в другой работе. См. (Ivanow 1923: 24, п. 3).

¹⁸ Селения Чахек и Седех сохранились вблизи Бирджанда (к северу от него).

¹⁹ У Иванова этот топоним регулярно с двумя «б», что не соответствует современному написанию.

²⁰ Бошруйе, селение, сохранившееся по сей день, расположено в Хорасане к северо-западу от Бирджанда, на почтительном расстоянии от него.

языку раннесредневекового трактата *Табакат ас-суфийа*. Последний, состоящий из жизнеописаний суфийских старцев, предположительно написан одним из учеников шайха Абдаллаха Ансари со слов своего учителя (Lazard 1963: 110). Выдающийся «гератский старец», мистик, автор прозаических и поэтических произведений и комментатор Корана, Ансари происходил из Герата. Он жил и творил в XI в. н.э., а язык указанного трактата содержит многочисленные диалектные особенности, т.е. особенности гератского диалекта раннего средневековья. Хотя этот труд Иванова, в отличие от рассмотренных ранее, не входит в число полевых исследований автора, поскольку диалект г. Герата, расположенного в пределах нынешнего Афганистана, относится к хорасанской группе, то и данная работа Иванова представляет интерес и с точки зрения хорасанской диалектологии, а его комментарии в ней изобилуют наблюдениями, основанными на полевых исследованиях автора. Он обстоятельно описывает особенности языка памятника, в свойственной ему манере не оставляя без внимания нюансы. Это описание позволило позже выявить те черты гератского и некоторых других персидских диалектов, которые сохраняются в них поныне (см.: Иоаннесян 2015).

Возвращаясь к теме полевых исследований Иванова в области лингвистической ситуации Хорасана, укажем несколько его работ — одну, посвященную диалектам курдов, другие — языку цыган этой провинции. Первая под названием: “Notes on Khorasani Kurdish” вышла в свет 1927 г. (Ivanow 1927b). Хотя статья отнесена автором к разряду “Notes”, т.е. к «Заметкам», по своему содержанию она значительно выходит за рамки данного понятия. Курдологические исследования Иванова начались с того, что в 1918–1920 гг. он собрал в Северном Хорасане приблизительно 400 образцов поэзии и сказок, которые, как отмечает автор, «дают более ясное представление о языке, на котором говорят курды Хорасана» (Ibid.: 167). Эти образцы опубликованы в данной работе. В ней автор также приводит подробный список курдских племен Северного Хорасана с подразделением их на полукочевые и кочевые. Иванов отмечает, что язык курдов, переселившихся в этот регион 300 лет назад, не подразделяется на диалекты, хотя между ними наблюдаются некоторые местные особенности в произношении отдельных слов (Ibid.: 169). Сообщив ценные сведения общелингвистического и этнографического характера, Иванов переходит к очерку фонетики с подробным описанием звуков диалекта курдов Хорасана и их трансформаций, а затем — к морфологии. Завершает работу словарь диалектной лексики курдов указанного региона.

Три статьи Иванова посвящены цыганам Хорасана и их языку: “On the language of the Gypsies of Qainat” (Ivanow 1914), “Further notes on Gypsies in Persia” (Ivanow 1920) и “An old Gypsy-Darwish jargon” (Ivanow 1922).

Остановимся на первой из них. Под Кайенатом (Qainat), вынесенным в заглавие, очевидно, следует понимать г. Кайен, расположенный вблизи Бирджанда, так как топоним «Кайенат» нигде, кроме названия статьи, не встречается, а в самом ее тексте говорится о Кайене. Хотя данная работа прежде всего лингвистическая, в ней содержатся и ценные сведения этнографического и исторического характера, начиная от вариантов названий, применяемых для обозначения цыган в Персии и в Хорасане, в частности, до разбора разных версий их этнического происхождения с описанием их внешности. Лингвистическая часть статьи включает фонетику, морфологию, лексику и образцы четверостиший, а также один связный (прозаический) текст. В конце прилагается объемный словарь языка цыган данной местности. Иванов отмечает, что

в основе этого языка, по крайней мере в части лексики, лежит кайенский (персидский) диалект: «...кайенский диалект (или кайенское просторечие), лежащий в основе местного цыганского жаргона (*jargon*), является звеном в большой цепи иранских диалектов» (Ivanow 1914: 445). Слово «жаргон», которое использует автор, не должно вызывать удивление. Действительно, язык цыган, представленный в работе, включает в себе загадку. Он, безусловно, имеет некоторое отдаленное сходство с персидскими или иранскими диалектами, однако его своеобразие, охватывающее все сферы, препятствует его однозначному отнесению к какому-либо конкретному языку или диалекту. Данный вопрос нуждается в специальном исследовании, а материалы Иванова и описание языка цыган Южного Хорасана начала XX в. неопценимы по своей значимости. То же относится и к трудам этого автора, посвященным дервишам, о которых речь пойдет ниже.

В третьей из перечисленных выше работ о цыганах прослеживается связь между лексикой персидских цыган (в частности Хорасана) и персидских бродячих дервишей. Основой для статьи послужила подаренная Иванову рукопись словаря «секретного языка» некоего религиозного сообщества (дервишей), существовавшего более 400 лет назад (на момент написания данной статьи). В работе приведен список лексем из того словаря, которые, по свидетельству Иванова, «до сих пор в употреблении у цыган» (Ivanow 1922: 379), также слов арабского, персидского и неясного происхождения, включая фонетически измененную известную лексику.

К серии трудов о языке цыган Восточного Ирана, обнаруживающем сходство, как установил Иванов, с аргю странствующих дервишей, тематически примыкает и отдельная статья Иванова, посвященная этому аргю: “*Jargon of Persian Mendicant Darvishes*” (Ivanow 1928b). Она содержит список лексики «условного языка» дервишей, записанной в Бирджанде от одного информанта, принадлежавшего к данной группе. К дервишам Хорасана Иванов обращается и в другой своей работе “*Some Persian Darwish songs*” (Ivanow 1928c), вышедшей в том же выпуске журнала, что и указанная выше статья об аргю. Но, в отличие от последней, данная работа посвящена не аргю, а песням дервишей, язык которых представляет собой обычный персидский диалект южно-хорасанского типа.

Хотя диалекты Хорасана как персидские, так и другие находились в сфере особого внимания Иванова, его исследования охватывают иранские диалекты и за пределами данной провинции, а именно диалекты северо-западной подгруппы от каспийских до так называемых «диалектов Центрального Ирана»²¹. Преобладающее влияние персидского языка, в том числе по причине распространения грамотности населения, что само по себе является естественным процессом, привело к вытеснению местных диалектов не только в крупных городах, но и во многих поселках и деревнях, где только старшее поколение сегодня знает или помнит некоторые из более ранних местных диалектов. Эта общая закономерность, характерная и для персидских говоров, становится особенно актуальной в случае с «изолированными» в лингвистическом отношении диалектами, включая распространенные в Центральном Иране, не представляющими непрерывного лингвистического континуума, что только высвечивает важность их своевременной фиксации и значимость трудов Иванова в данной

²¹ Под этим термином понимаются многочисленные и разнородные говоры, распространенные преимущественно в сельских местностях Центрального Ирана — между Тегераном, Хамаданом, Исфаханом и Йездом, а также по окраинам пустыни Деште-Кевир и в ее оазисах. К ним, в частности, относят и говоры зороастрийцев (габри) городов Йезда и Кермана (Оранский 1979: 174–175).

области. Мы рассмотрим некоторые из них ниже не по хронологическому принципу, т.е. по времени выхода публикаций, а по географическому — по месту распространения говоров, следуя с севера Ирана к его центральной части и затем на восток.

Крайне интересна и ценна опубликованная в 1931 г. статья Иванова по диалекту деревни Газархан (у Иванова: *Gozärkhon*) на севере Ирана (в 35 км к северо-востоку от г. Казвина) “*The dialect of Gozärkhon in Alamut*” (Ivanow 1931). Его описание автор предваряет общими рассуждениями о существующих и возможных принципах классификации иранских диалектов, о чем разговор пойдет ниже. Особый интерес указанный диалект вызывает тем, что он, по выражению Иванова, «представляет собой переход от мазандаранского к диалектам, распространенным в западной части Центральной Персии» (Ibid.: 357). При этом он испытал и сильное воздействие персидского говора Казвина (Ibid.: 354). Попутно отметим, что, несмотря на то что диалект деревни Газархан, как он представлен в статье Иванова, по совокупности признаков близок к персидским, в нем явно наличествуют и элементы северо-западных иранских диалектов — как в морфологии, так и в фонетике. Очерк грамматики в данной работе Иванова включает фонетику, морфологию, список личных форм глаголов, две сказки на диалекте с английским переводом и список диалектной лексики.

Две работы Иванова посвящены говорам провинции Исфахан в Центральном Иране: “*Two dialects spoken in the Central Persian Desert*” (Ivanow 1926a) и “*Notes on the dialect of Khur and Mihrjān*” (Ivanow 1929). Первая содержит описание диалектов Энарека (у Иванова: *Anarak*), практически идентичных, по словам автора, говору Наина (Ibid.: 45), и Хора (у Иванова, как ни странно, выписано с долгим *ū*). Последний диалект подробнее освещается во второй работе, которую мы и рассмотрим ниже. Обе статьи основаны на материалах, собранных автором во время пути из Бирджанда в Исфахан через Тебес, Энарек и Наин²² весной 1913 г. (Иванов 1918: 412; Ivanow 1929: 45). Иванов говорит о диалектах Хора, Мехреджана, Герме (у Иванова: *Garmew/Garmāb*) и Аббасабада, расположенных поблизости друг от друга, как об одном диалекте. Он приводит очерк его фонетики и морфологии, а также список диалектной лексики Хора. Раздел морфологии содержит перечень личных форм глаголов. К работе прилагаются «Дополнительные замечания по диалекту Энарека» (“*Additional notes on the Anāraki dialect*”) с добавленным списком его лексики и «Замечания к статье Манна о диалекте Наина» (“*Notes on the article on the Nāinī dialect by O. Mann*”). Описание Ивановым диалекта Хора наглядно иллюстрирует тот факт, что он содержит черты как юго-западных, так и северо-западных иранских диалектов.

Особую ценность для персидской и иранской диалектологии представляет прекрасный очерк диалекта зороастрийцев Ирана: «*The Gabri dialect spoken by the Zoroastrians of Persia*», изданный Ивановым в четырех частях (Ivanow 1935–1939). К этой теме обращался и известный британский востоковед Э. Браун в опубликованной в 1897 г. работе: «*A specimen of the Gabri dialect of Persia*» (Browne 1897). Очерк Иванова предоставляет значительно более богатый материал по данному вопросу. Он содержит детальное описание фонетики и морфологии двух близких говоров зороастрийцев Йезда и Кермана, а также диалектные тексты с английским переводом и словарь. Помимо того, во Введении автор предлагает собственную классификацию западно-иранских языков и диалектов взамен существующей. Этой темы он касался и в рассмотренной нами выше работе (Ivanow 1931), но в данном труде Иванов

²² Передача географических названий приведена в соответствие с современной топографией.

излагает свою теорию более обстоятельно и с развернутым обоснованием. Вместо выделения в западной группе двух подгрупп — северо-западной и юго-западной, автор предлагает все иранские диалекты (включая персидские), которые по принятой классификации относят к «западным», разделить на четыре подгруппы: относящиеся к литературному персидскому языку, или восточно-персидские (literary Persian or Eastern Persian), западно-персидские (Western Persian), южно-персидские (Southern Persian) и смешанные (complex hybrids). Особо подчеркнем, что речь идет о классификации не персидских диалектов, а *всех* иранских диалектов западной группы и в том числе персидских. По этой схеме «западно-персидские» включают в себя диалекты, которые по существующему делению относят к «северо-западным».

Возвращаясь к собственно зороастрийцам, отметим, что рассматриваемая работа Иванова содержит как переведенные на оба их говора — городов Йезда и Кермана — некоторые материалы из труда Жуковского «Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 1» (Жуковский 1888), так и оригинальные диалектные тексты. В первом случае автор применяет тот же подход, что и Жуковский, — фиксацию одного или одних и тех же в содержательном отношении текстов, прочитанных носителями разных говоров, что облегчает их сравнение между собой. Один из текстов передан на диалекте зороастрийцев Йезда и на диалекте Наина (текст на последнем записан Манном). Отдельную ценность представляет помещенная в работе сводная таблица личных окончаний глаголов всех известных на тот момент северо-западных (по терминологии автора — западно-персидских) языков и диалектов.

О языковедческих работах Иванова, датированных после выхода в свет рассмотренного выше очерка о зороастрийцах, нам неизвестно. Вполне вероятно, что он явился последней из его лингвистических публикаций. Подытоживая сказанное о трудах Иванова по конкретным диалектам и говорам, отметим, что, хотя они отделены от нас во времени приблизительно столетием и несмотря на появление за этот период новых работ о данных диалектах более поздних исследователей, научное наследие Иванова в этой области никак не утрачивает своего значения, так как он зафиксировал диалекты на относительно ранней стадии и в более «первозданном состоянии». На том этапе они не испытали еще такого мощного воздействия стандартного персидского языка (فارسی معیار), как в последующие десятилетия. И в этом состоит их особая ценность.

Весь огромный опыт полевой работы и исследований живых персидских диалектов Иванова нашел выражение в его работе общего характера по фонетике разговорного персидского языка “Notes on phonology of colloquial Persian” (Ivanow 1930). Как отмечает сам автор, «настоящие записки основаны на личных наблюдениях в течение многолетнего пребывания практически во всех частях Персии: на севере — от Решта до Мешхеда, на востоке — от Кучана до Дуздапа²³, на западе — в Казвине, Хамадане и Керманшахе, на юго-западе — в Бушире, Ширазе, Исфахане, в Центральной Персии — от Исфахана до Йезда, Тебеса, Бирджанда и Кайена. Первая поездка состоялась в 1910 г., последняя — осенью 1928 г.» (Ibid.: 577). И далее автор поясняет цель данной работы: «...в своих исследованиях хорасанских и других персидских диалектов я часто использовал термин *bāzārī* или разговорный персидский. Настоящая статья частично суммирует и отчасти развивает то, что уже отмечалось в других работах...» (Ibid.: n. 2).

²³ Дуздап или Дузап — старое название г. Захедана на крайнем юго-востоке Ирана.

Иванов дает ёмкую и крайне информативную характеристику персидской фонетике. Он рассматривает несоответствие «живой стихии» разговорного персидского языка и его диалектов классическим канонам, применяющимся (применявшимся) в персидской поэзии, разбирает комбинаторные изменения, стяжения и прочие явления, описывает особенности многих гласных и согласных звуков в реальности. Уже в те далекие годы этот великий востоковед-иранист, основываясь исключительно на своем эмпирическом опыте, утверждал, что разговорный персидский не знает столь существенного для персидской поэзии деления на «долгие» и «краткие» гласные фонемы, а долгота и краткость часто носят в нем комбинаторный и позиционный характер. Так, некоторые гласные в определенном положении и под ударением могут быть длиннее тех, что по «классическим канонам» считаются долгими. Сетую на отсутствие технической базы, позволяющей записать и с точностью измерить эти звуки, Иванов предвосхитил времена, когда эти возможности станут реальностью. Позднее многие из данных идей нашли подтверждение, а в иранистике на смену понятию «долгих» и «кратких» гласных в современном персидском языке пришло их деление на «устойчивые» и «неустойчивые»²⁴ (см.: Основы иранского языкознания 1982: 23).

Крайне интересна высказанная также в данной статье Иванова идея о возможной «тональности» гласных звуков в персидском языке, их произнесении «по восходящей» и «нисходящей». Однако следует указать, что при всех случаях такая тональность в персидском, в отличие от некоторых других языков, не связана со смысло-различительной функцией.

Последняя работа, которую мы рассмотрим в этой части, выходит за пределы языкознания и посвящена этнографии Хорасана: “Notes on the ethnology of Khurasan” (Ivanov²⁵ 1926с), хотя и она полностью не обходит лингвистическую тематику. Этот ёмкий и крайне информативный труд лишь высвечивает широту научных интересов Иванова и тонкость его наблюдений. В нем автор рассматривает распространение и распределение персоязычного населения и персов в Иране в целом и в Хорасане в частности, указывая на то обстоятельство, что за последние (на момент написания данной работы) века удельный вес собственно персидского языка в стране уменьшался под воздействием появления существенных по численности тюркского и иных этносов. Отмечая смешение персов с пришельцами²⁶, Иванов выделяет критерии для определения собственно персидского населения: «...лучший подход состоит в том,

²⁴ В диалектах Хорасана, как показали исследования, отсутствует и противопоставление гласных фонем по признаку устойчивости — неустойчивости (Иоаннесян 1999: 27, 29; 1998: 72; Ioannesyan 2007: 267). О комбинаторной долготе гласных звуков под влиянием ударения, интонации, стяжения слогов и звукового окружения в тегеранском диалекте значительно позже писал и Л.С. Пейсиков (Пейсиков 1960: 21–22). Правда, он причислил Иванова к тем «многим иранистам», чья постановка вопроса о долготе гласных в персидском являлась «неубедительной» (Там же). Абстрагируясь от того, насколько это суждение Пейсикова могло быть продиктовано политическими соображениями его времени (Иванова в советскую эпоху нередко рассматривали как «буржуазного ученого», см. Часть 1), подчеркнем, что мало, кто из иранистов в СССР и на Западе, если вообще таковые имелись, обладал столь углубленными познаниями в области персидского языка и знакомством с его «живой стихией», как Иванов.

²⁵ В ряде своих работ Иванов выписывал свою фамилию как Ivanow, в других, как в данном случае, — Ivanov.

²⁶ К этой и сопряженной тематике до Иванова обращался и Н.В. Ханьков (Ханьков 1977), правда, в меньшей степени сосредоточиваясь на Хорасане. Наблюдения двух этих крупных ученых можно рассматривать как взаимодополняющие.

чтобы условно рассматривать персом в строгом смысле слова каждого, чей родной язык — один их персидских диалектов и кто не принадлежит ни к одному из неперсидских племен и не обнаруживает явных признаков связи с какой-либо другой расой (этносом)» (Ibid.: 143). Иванов называет Хорасан «самой крупной персоязычной провинцией Ирана» (Ibid: 144), его диалект — «стоящим в наиболее близком родстве с классическим персидским, который породил великую персидскую литературу». Поэтому, заключает автор, «изучающий персидскую этнографию должен в поисках чисто иранского типа обратиться прежде всего к Хорасану».

Иванов, хорошо знакомый с общей лингвистической ситуацией в Иране, обращает внимание на то, что вариативность персидских говоров в Хорасане наименее ярко выражена и язык данного региона обладает в целом существенным единообразием. Тем не менее он выделяет в этой провинции три основные диалектные группы: северную (города Джувейн²⁷, Сабзевар, Нишапур), центральную (Туршиз²⁸, Гунабад²⁹) и южную (Кайен, Гун³⁰, Бирджанд). Иванов описывает множество населенных пунктов Хорасана и особенности его населения, а также отличие физического типа хорасанских персов от живущих в других областях Ирана.

Значительное внимание в работе уделено неперсидским этносам Хорасана — иранским и неиранским: курдам, белуджам, тюркам, тимури, хазарейцам/барбари³¹ (монгольского происхождения), арабам, евреям, цыганам и этнически смешанным группам. Иванов дает подробное описание курдов Хорасана, появившихся в этой провинции, как отмечает автор, со времен династии Сефевидов, перечисляет их племена, часть которых на момент его пребывания в этой провинции находилась на стадии перехода от кочевого образа жизни к оседлому, другие оставались кочевниками, указывает на их особенности, включая их отличия, с точки зрения физического типа, от курдов западных частей Персии, делает замечания по их языку.

По такому же принципу приводится описание белуджей и тимури, указываются их племена и места расселения каждого из них. Переходя к тюркам, Иванов отмечает, что они являются самым древним после персов населением Хорасана, ведущим преимущественно оседлый образ жизни. Они, по предположению автора, представляют собой «остатки многих последовательных волн захватчиков из Туркестана с X века» (Ivanov 1926b: 454). Их язык, подразделяющийся на множество диалектов, отличен от туркменского и тюркского языка Азербайджана. Говоря о хазарейцах, Иванов перечисляет их племена, названия которых совпадают с приведенными в книге Ефимова о языке афганских хазара (Ефимов 1965: 8), вышедшей несколькими десятилетиями позже. Это обстоятельство указывает на то, что речь идет о тех же самых хазарейцах, что проживают и в Афганистане.

Переходя к семитским народам — арабам и евреям, автор отмечает, что от некогда больших еврейских общин в городах Хорасана почти ничего не осталось и немногих их представителей, точнее несколько семей потомков насильно обращенных в ислам в 1839 г., можно видеть в Мешхеде. Практически здесь уместно ставить вопрос о «крипто-иудеях», так как они, хотя формально и считаются мусульманами, реально придерживаются своих правил и установок. Некоторые «старомодные (old-

²⁷ На современных картах: Джувейн.

²⁸ На современных картах: Кашмер.

²⁹ На современных картах: Гонабад.

³⁰ На современных картах: Фердоус.

³¹ Вариант передачи этого названия на русский язык — бербери (ср.: Ефимов 1965: 7, примеч. 2).

fashioned)» семьи даже сохранили свои своеобразные диалекты наподобие евреев Исфахана, Кашана и других мест. Арабы же, по словам Иванова, ведущие в основном кочевой образ жизни, живут на южных рубежах провинции, в районе Бирджанда, а также в пустыне вдоль главного пути. Небольшие их группы встречаются в Серахсе и других пунктах вблизи российской границы. В Бирджанде и Кайене среди арабов много сейидов. И хотя в физическом плане им присущ «чистейший» персидский тип, они, по мнению автора, являются потомками местных арабских поселенцев. Язык их состоит почти полностью из персидской лексики с «остатками» (remnants) арабской грамматики.

Цыганам также отведено место в работе, но, поскольку им посвящены отдельные публикации Иванова (см. выше), мы говорить здесь о них не будем.

Этим трудом мы завершаем раздел лингвистического и этнографического наследия великого ученого, насчитывающего около 23 работ, и переходим к другой его части — исследованиям в области исмаилизма, которые особенно поспособствовали приобретению Ивановым мировой известности.

(Продолжение следует)

Литература

- Акимушкин 2002 — *Акимушкин О.Ф.* Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова // Петербургское востоковедение. Вып. 10. С. 446–458. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- Ефимов 1965 — *Ефимов В.А.* Язык афганских хазара. Якаулангский диалект. М.: Наука, 1965.
- Жуковский 1888 — *Жуковский В.А.* Материалы для изучения персидских наречий: воншун, кохруд, кешэ, зэфрэ. Ч. 1. Диалекты полосы города Кашана. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888.
- Иванов 1915 — *Иванов В.А.* Несколько образцов персидской народной поэзии // Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества (ЗВОРАО). Т. XXIII. Пг., 1915. С. 33–60.
- Иванов 1918 — *Иванов В.А.* Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912–1914 годах в Персии // Известия Российской Академии наук (ИРАН). VI серия. Пг., 1918. Т. 12 (вып. 6). С. 411–412.
- Иванов 2015 — *Иванов В.А.* Воспоминания о Востоке. 1918–1968 / Подготовка к публикации, предисл. и коммент. Б.В. Норика. СПб.: Контраст, 2015.
- Иоаннесян 1998 — *Иоаннесян Ю.А.* Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // Страны и народы востока. Вып. XXX. Памяти А.Л. Грюнберга / Под общей ред. акад. М.Н. Боголюбова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 62–82.
- Иоаннесян 1999 — *Иоаннесян Ю.А.* Гератский диалект языка дари современного Афганистана. М.: Вост. лит., 1999.
- Иоаннесян 2015 — *Иоаннесян Ю.А.* Некоторые общие особенности ряда персидских и других западных иранских диалектов, отраженные в языке «Табакат ас-суфийа» А. Ансари // На пастбище Мысли Благой. Сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского. СПб.: Контраст, 2015. С. 141–153.
- Оранский 1979 — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979.
- Основы иранского языкознания 1982 — Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- Пейсиков 1960 — *Пейсиков Л.С.* Тегеранский диалект. М.: Изд-во ИМО, 1960.
- Ханыков 1977 — *Ханыков Н.В.* Записки по этнографии Персии. М.: Наука, 1977.

- Browne 1897 — *Browne E.G.* A Specimen of the Gabri Dialect of Persia // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Northern Ireland. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. P. 103–110.
- Ioannesyan 2007 — *Ioannesyan Y.* Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum // The Necklace of the Pleiades. Studies in Persian Literature. Presented to H. Moayyad on His 80th Birthday / F. Lewis & S. Sharma (eds). Amsterdam; West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers; Purdue University Press, 2007. P. 259–270.
- Ivanow 1914 — *Ivanow W.* On the Language of the Gypsies of Qāināt (in Eastern Persia) // Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB). 1914. Vol. 10. P. 439–455.
- Ivanow 1920 — *Ivanow W.* Further Notes on Gypsies in Persia // Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB). 1920. Vol. 16. P. 281–291.
- Ivanow 1922 — *Ivanow W.* An Old Gypsy-Darwish Jargon // Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB). 1922. Vol. 18. P. 375–383.
- Ivanow 1923 — *Ivanow W.* Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // Journal of the Royal Asiatic Society. 1923. Vol. 55. P. 1–34, 337–382.
- Ivanow 1925 — *Ivanow W.* Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan // Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB) (New Series). 1925. Vol. 21. P. 233–313.
- Ivanow 1926a — *Ivanow W.* Two Dialects Spoken in the Central Persian Desert // Journal of the Royal Asiatic Society. 1926. Vol. 58. Iss. 3. P. 405–431.
- Ivanow 1926b — *Ivanow W.* Muhammadan Childkilling Demons // Man: A Monthly Record of Anthropological Science. 1926. Vol. XXVI. No. 11. P. 195–199.
- Ivanow 1926c — *Ivanow W.* Notes on the Ethnology of Khurasan // The Journal of the Royal Geographical Society (JRGS). 1926. Vol. 67. No. 2. P. 143–158.
- Ivanow 1927a — *Ivanow W.* Some Poems in the Sabzawari Dialect // Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1927 (pt. 1). P. 1–41.
- Ivanow 1927b — *Ivanow W.* Notes on Khorasani Kurdish // Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series). 1927. Vol. XXIII. No. 1. P. 167–236.
- Ivanow 1928a — *Ivanow W.* Persian as spoken in Birjand // Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal N.S. Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928. P. 235–351.
- Ivanow 1928b — *Ivanow W.* Jargon of Persian Mendicant Darvishes // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. 1928. Vol. XXIII. No. 1. P. 243–245.
- Ivanow 1928c³ — *Ivanow W.* Some Persian Darwish Songs // Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal. 1928. Vol. XXIII. No. 1. P. 237–242.
- Ivanow 1929 — *Ivanow W.* Notes on the Dialect of Khur and Mihrijan // Acta Orientalia. 1929. Vol. 8. P. 45–61.
- Ivanow 1930 — *Ivanow W.* Notes on Phonology of Colloquial Persian // Islamica. Vol. IV. Fasc. 5. Calcutta, 1930. P. 576–595.
- Ivanow 1931 — *Ivanow W.* The Dialect of Gozārkhon in Alamut // Acta Orientalia. 1931. Vol. 9. P. 352–370.
- Ivanow 1935–1939 — *Ivanow W.* The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia. I–II (Grammar) // Rivista Degli Studi Orientali. 1935. Vol. 16. P. 31–97; 1938. Vol. 17. P. 1–39; 1939. Vol. 18. P. 1–59.
- Lazard 1963 — *Lazard G.* La Langue des Plus Anciens Monuments de la Prose Persane. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963.

References

- Akimushkin, Oleg F. “Avtobiograficheskaja spravka Vladimira Alekseevicha Ivanova” [Autobiographical Notes of Vladimir Alekseevich Ivanov]. *Peterburgskoe vostokovedenie*, 2002, vol. 10, pp. 446–458. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

- Browne, Edward. "A Specimen of the Gabri Dialect of Persia". *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Northern Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897, pp. 103–110 (in English).
- Efimov, Valentin A. *Iazyk afganskikh Hazara. Iakaulangskii dialekt* [The Language of the Hazara People in Afghanistan. The Yakaulang Dialect]. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli A. "Izuchenie i osnovnye spetsificheskie cherty khorasanskoi gruppy dialektного massiva iazykov persidskogo, dari i tadzhikskogo" [A Study in and the Basic Specific Characteristics of the Linguistic Continuum of the Persian-Dari-Tajiki Dialects. Pamiati A.L. Gryunberga]. *Strany i Narody Vostoka*, St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedeniie, 1998, vol. 30, pp. 62–82 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli A. *Geratskii dialekt iazyka Dari sovremennogo Afganistana* [The Herati Dialect of the Dari Language of Modern Afghanistan]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli. "Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum". In: *The Necklace of the Pleiades*. Studies in Persian Literature. Presented to H. Moayyad on His 80th Birthday. F. Lewis & S. Sharma (eds). Amsterdam & West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers & Purdue University Press, 2007, pp. 259–270 (in English).
- Ioannesyan, Youli A. "Nekotorye obshchie osobennosti riada persidskikh i drugikh zapadnykh iranskikh dialektov otrazhenyye v iazyke "Tabaqat as-Suffia" A. Ansari" [Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and other Western Iranian Dialects as Reflected in the Language of the "Tabaqat of Sufiya" by A. Ansari]. In: *Na pastbishche Mysli Blagoi. Sbornik statei k iubileiu I.M. Steblin-Kamenskogo* [In the Pasture of Good Thoughts. Collection of Articles for the Anniversary of I.M. Steblin-Kamenskii]. St. Petersburg: Kontrast, 2015, pp. 141–153 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir. "On the Language of the Gypsies of Qāināt (in Eastern Persia)". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*, 1914, vol. 10, pp. 439–455 (in English).
- Ivanow, Wladimir A. "Neskol'ko obraztsov persidskoi narodnoi poezii" [Some Samples of Persian Popular Poetry]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*, 1915, vol. XXIII, pp. 33–60. Petrograd (in Russian).
- Ivanow, Wladimir A. *Vospominania o Vostoke*. Podgotovka k publikatsii, predislovie i kommentarii B.V. Norika [Memoires of the East. Preparation for Publication, Introduction and Commentaries by B.V. Norik]. St. Petersburg: Kontrast, 2015 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir A. "Kratkaia opis' materialov dlia izucheniia persidskikh narechii i govorov sobrannykh v 1912–1914 godakh v Persii" [A Brief List and Description of the Materials for a Study of Persian Dialects and Varieties, Collected in 1912–1914 in Persia]. *Izvestiia Rossiyskoi Akademii nauk* [Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie], series VI. Petrograd, 1918, vol. 12 (iss. 6), pp. 411–412 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir. "Further Notes on Gypsies in Persia". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*, 1920, vol. 16, pp. 281–291 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "An old Gypsy-Darwish Jargon". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*, 1922, vol. 18, pp. 375–383 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat". *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1923, vol. 55, pp. 1–34, 337–382 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB) (New Series)*, 1925, vol. 21, pp. 233–313 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Two Dialects Spoken in the Central Persian Desert". *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1926, vol. 58, iss. 3, pp. 405–431 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Muhammadan Childkilling Demons". *Man: A Monthly Record of Anthropological Science*, 1926, vol. XXVI, no. 11. pp. 195–199 (in English).
- Ivanov, Wladimir. "Notes on the Ethnology of Khurasan". *The Journal of the Royal Geographical Society (JRGS)*, 1926, vol. 67, no. 2, pp. 143–158 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Notes on Khorasani Kurdish". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series)*, 1927, vol. XXIII, no. 1, pp. 167–236 (in English).

- Ivanow, Wladimir. "Some Poems in the Sabzawari Dialect". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, 1927, pt. 1, pp. 1–41. Calcutta: Asiatic Society of Bengal (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Jargon of Persian Mendicant Darvishes". *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, 1928, vol. XXIII, no. 1. pp. 243–245 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Persian as Spoken in Birjand". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series)*, 1928, vol. XXIV, pp. 235–351. Calcutta: Asiatic Society of Bengal (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Some Persian Darwish Songs". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, 1928, vol. XXIII, no. 1, pp. 237–242 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Notes on the Dialect of Khur and Mihrijan". *Acta Orientalia*, 1929, vol. 8, pp. 45–61 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Notes on Phonology of Colloquial Persian". *Islamica*, Calcutta 1930, vol. IV, fasc. 5, pp. 576–595 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "The Dialect of Gozärkhon in Alamut". *Acta Orientalia*, 1931, vol. 9, pp. 352–370 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia". *Rivista degli studi orientali*, 1935, vol. 16, pp. 31–97; 1938, vol. 17, pp. 1–39; 1939, vol. 18, pp. 1–59. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia (in English).
- Khanykov, N.V. *Zapiski po etnografii Persii* [Notes on the Ethnography of Persia]. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian).
- Lazard, Gilbert. *La Langue des plus anciens monuments de la prose persane*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963 (in French).
- Oranskiy, Iosif M. *Iranskie iazyki v istoricheskom osveshchenii* [Iranian Languages from the Historic Perspective]. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian).
- Osnovy iranskogo iazykoznanii. Novoiranskiie iazyky: zapadnaia gruppy* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: The Western Group]. Ed. by V.S. Rastorgueva. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian).
- Peisikov, L.S. *Tegeiranskii dialect* [The Tehrani Dialect]. Moscow: IMO, 1960 (in Russian).
- Zhukovskii V. *Materialy dlia izucheniiia persidskikh narechii: vonishun, kohrud, kesheh, zefreh. Chast' 1. Dialekty polosy goroda Kashana* [Materials for a Study of Persian Vernaculars: Voni-shun, Kohrud, Kesheh, Zefreh. Part 1. Dialects of the Region of the City of Kashan]. St. Petersburg: Printing House of the Russian Imperial Academy of Sciences, 1888 (in Russian).

Vladimir Alekseevich Ivanov — a World-Class Expert on Iranian Studies Part 1

Youli A. IOANNESYAN

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.12.2023.

Abstract: The article is devoted to the outstanding 20th-century researcher of Iran — V.A. Ivanov (or Wladimir Ivanow, as he often styled himself), whose scholarly studies combined two spheres: Persian/Iranian dialectology and Ismailism, while he himself stood at the origins of research in both these spheres. The author tried to consider Ivanov's studies in both these areas altogether for a full-

scale assessment of his great personality as a scholar, as well as of his contribution to world Oriental studies. The article, published in two parts, includes V.A. Ivanov's biography, sections concerning his works on linguistics/ethnography and Ismailism, as well as data on the significant replenishment by Ivanov of the IOM, RAS, collection of manuscripts and lithographs. Among the sources used for the article are V.A. Ivanov's own memoirs and IOM, RAS, archival materials.

Key words: history of Oriental studies, Persian/Iranian dialectology, Ismaili studies.

For citation: Ioannesyan, Youli A. "Vladimir Alekseevich Ivanov — a World-Class Expert on Iranian Studies". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 115–134 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627287.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

**Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference
“Philosophical Texts in Sanskrit: Problems of Reading
and Interpretation”
(Пуна, Дели, 8–14 ноября 2023 г.)**

С.Л. БУРМИСТРОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627308

Статья поступила в редакцию 15.01.2024.

ключевые слова: В.С. Семенцов, индийская философия, религии Индии, искусство Индии, история востоковедения, санскритские рукописи.

Для цитирования: *Бурмистров С.Л.* Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference “Philosophical Texts in Sanskrit: Problems of Reading and Interpretation” (Пуна, Дели, 8–14 ноября 2023 г.) // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 135–138. DOI: 10.55512/WMO627308.

Об авторе: БУРМИСТРОВ Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

© Бурмистров С.Л., 2024.

8–14 ноября 2023 г. в Пуне и Дели прошла Международная научная конференция памяти В.С. Семенцова “Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference ‘Philosophical Texts in Sanskrit: Problems of Reading and Interpretation’”. Она была организована Центром исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) совместно с Savitribai Phule Pune University, Bhandarkar Oriental Research Institute (Пуна, Индия) и научно-исследовательским центром Bhāratīya Vidyā Bhavan (Дели, Индия). В конференции в качестве докладчиков и гостей приняли участие несколько десятков исследователей из России, Индии и Европы, было представлено более 30 докладов о философских системах, религиях, искусстве Индии и истории российской, индийской и европейской индологии. Доклады зачитывались на трех языках — английском, русском и хинди.

В первый день конференции с приветственными речами выступили зав. Центром исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН, доктор фило-

софских наук, профессор Р.В. Псху и главный редактор журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор Б.И. Пружинин. После этого свой доклад «Some Words on the Development of Philosophical Oriental Studies in Nowadays Russia» представил академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук А.В. Смирнов. Большой интерес у аудитории вызвал доклад профессора Института Южной Азии Гейдельбергского университета Моника Бём-Теттельбах “The Legacy of Sementsov’s Introduction to His Translation of the Bhagavad-gītā”. В своем выступлении она отметила, в частности, такое важное открытие В.С. Семенцова, как идея «жертвы знанием» в послеведийской индийской культуре. Понятие жертвы знанием она связывает с ведийской ритуалистикой, в которой, как известно, практика жертвоприношения была центральным компонентом. Доктор исторических наук И.П. Глушкова из Института востоковедения РАН (Москва) в своем докладе рассказала о маратхской литературе и месте М. Тахрабадкара (1715–1790) в ней.

Вопросам индийской литературы был посвящен и доклад кандидата филологических наук Н.Р. Лидовой (Институт мировой литературы РАН, Москва) “Between Two Great Traditions. The Content and Dating of the *Paṛiśiṣṭas*”. Паришишты — это вспомогательные тексты, разъясняющие темные и трудные места в шрути (ведийском корпусе — самхитах, брахманах, араньяках и упанишадах), и Н.Р. Лидова показала, как именно формировался этот тип текстов и какие существуют приемы их датировки. Близким по тематике был доклад профессора Деонатха Трипатхи (D. Litt., Savitribai Phule Pune University) “Anvitābhīdhānavāda and Its Refutation”, где он осветил особенности воззрений древнеиндийских грамматистов на формирование значений слов.

Философским вопросам тоже был посвящен ряд выступлений. О дискуссии Рамануджи (XI в.), основателя вишиштадвайта-веданты, со школой миманса рассказала в своем докладе “Rāmānuja’s Controversy with Mīmāṃsā in Vedārthasaṃgraha and Śrībhāṣya” Р.В. Псху. Профессор Анагха Джоши (D. Litt., Savitribai Phule Pune University, Пуна) проанализировала связи мимансы с дхармашастрами и вообще с индийской правовой традицией (доклад “Mīmāṃsā and Its Relation to Dharmaśāstra”). Мимансу, отметила она, можно считать, по существу, индийской герменевтикой: именно в этой школе осуществлялся комплексный семиотический анализ ведийских текстов как текстов, содержащих и ритуалистический, и идеологический компоненты, причем оба они были взаимосвязаны. Дхарма как система предписаний, касающихся поведения человека, имеет своим основанием именно шрути и смрити (т.е. своды законов, пураны, исторические сочинения и др.), и именно их толкование было задачей мимансы. Л.Г. Роман (Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН, Москва) в докладе “On Bhāvanā’s Interpretation” раскрыла понимание термина bhāvanā в разных ортодоксальных и неортодоксальных религиозно-философских школах Индии. Буквально он представляет собой существительное, образованное от каузатива глагола «быть» (bhū), и в школе миманса означает «побуждение быть», поддержание чего-либо, тогда как в буддийской философии он приобретает несколько иное значение — «сосредоточение, созерцание, медитация».

Секцию буддологии открыл доклад А.В. Парибка (Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН, Москва) “Anagrams in Dhammapadam: Multidialectal Nature of Its Verses”. С.Л. Бурмистров (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) в своем докладе “Principles of Causality in Mahāyāna” показал, что, согласно махаяне, причинность представляет собой не более чем ментальный конструкт, порожденный непросветленным сознанием, и тот, кто прошел и путь

шраваков и пратьекабудд (хинаяна), и путь бодхисаттв (махаяна), освобождается от всех оков кармической причинности. Еще два доклада были посвящены воззрениям буддийского мыслителя VIII в. Шантаракшиты. В.П. Иванов (Институт восточных рукописей РАН) в докладе «*Tattvasaṅgraha by Śāntaraṅkṣita as a Text and as a Method*» рассказал о методологии буддийской философии, как она представлена у этого мыслителя, а профессор Шаши Бала (D. Litt., Bhāratīya Vidyā Bhavan, Дели) в докладе «*Tattvasaṅgraha: The Basis of Vajradhātu-maṇḍala in Japan*» — о рецепции трактата Шантаракшиты «Таттвасанграха» в Японии и в целом на Дальнем Востоке.

Секцию исследований йоги и «Бхагавадгиты» открыл М.Б. Демченко (Московский государственный лингвистический университет) с докладом «*Śrī Bhagavadācārya's Commentary on Puruṣasūktam in the Perspective of His Vedāntic Vision*». Он показал, что ведийский гимн «Пурушасукта» в средневековой Индии понимался как адресованный Вишну-Нараяне (согласно традиции рамананди). Бхагавадачарья, один из самых выдающихся представителей этой традиции, рассматривал наблюдаемый мир как вполне реальный — в отличие от адвайтистов, считавших его иллюзорным, — и пронизанный Брахманом. Собственно, именно последнее свойство и делает его реальным, согласно учению Бхагавадачарьи. Далее доктор Санджай Кумар (школа религиоведения, университет Мак-Гилл, Монреаль, Канада) рассказал о семантике термина *yoga* в «Йога-сутрах» Патанджали и в «Бхагавадгите», отметив, в частности, что элемент семантики этого термина включает также понятие сосредоточения (*sa-mādhi*), без которого никакое сознание (*citta*) вообще невозможно. Интерес вызвал доклад М. Павловой (Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН) о развитии образа божества от «Шветашватара-упанишады» до «Бхагавадгиты» и его влияние на тамильскую религиозную литературу. Прозвучали также доклады И. Толчельникова (МГУ) о философии Шанкары, Ганеша Умаканта Тхите (Bhandarkar Oriental Research Institute, Пуна) о комментариях к трудам Анандавардханы, Д. Попова (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва) о гаудия-веданте, Кавери Джадхавы (Savitribai Phule Pune University, Пуна) о тантраюкти и М. Леонова (Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН) о языке санскритских пословиц (*subhāṣita*) и его сходстве с языком философских трактатов.

Интерес вызвала лекция Т.И. Оранской (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) о трансформации индийских фольклорных образов в современной литературе хинди на примере фигуры Лала Хардоля как воплощения раджпутского кодекса чести. Доклад Н.П. Лихушиной (Центр исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН) был посвящен синонимии в названиях животных в «Панчатантре».

В секции истории индологических исследований с докладом о письмах Рахулы Санкритьяяны к Ю.Н. Рериху выступила кандидат философских наук Т.В. Ермакова (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург). Е.П. Лекарева (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) рассказала о творчестве Ш. Чоттопадхьяя, его романе «*Pathar dābi*» («Дайте дорогу») и значении романа для бенгальской литературы. Следом за этими докладами прозвучали выступления П.В. Анучина и Е. Кравцовой из Центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама» при РУДН. П.В. Анучин рассказал об интерпретациях термина *dharma* в буддологии и проблемах его определения, а Е. Кравцова — о трех уровнях реальности в индийской философии и их связи с тремя уровнями сознания.

Завершили конференцию открытые лекции в Bhandarkar Oriental Research Institute. М.Б. Демченко прочел на хинди лекцию о понятии svadharmā и средневековых переложениях и адаптациях «Рамаяны», Р.В. Псху (на английском) — о методах исследования классических философских текстов в индийской и европейской интеллектуальных традициях, А.В. Парибок (на английском) — об индийском театре как визуальном канале передачи эстетической и религиозной информации. В своей лекции Р.В. Псху отметила, что философский текст должен отличаться определенной регулярностью, так что просто знание языка еще не дает возможности понимать полностью смысл сказанного. А.В. Парибок обратил внимание на то, что полностью понять буддийское учение, изучая только тексты, невозможно — необходимо принимать во внимание еще и иконографию, которая в буддизме построена на противопоставлении пространственных оппозиций «восток–запад», «верх–низ» и снимающем их центре. Он проанализировал также важный буддийский термин anubhāva, который в его понимании означает переживание, при котором субъект пассивен, — он лишь претерпевает что-то, но сам причиной происходящих событий не является.

По окончании конференции состоялся также семинар, посвященный проблемам перевода индийских философских текстов. Он прошел 15 ноября в Bhāratīya Vidyā Bhavan в Дели. На нем были зачитаны доклады А.В. Парибка, С.Л. Бурмистрова, Р.В. Псху, М.Б. Демченко, Шаши Бала и других исследователей, посвященные проблемам анализа языка философских текстов, их понимания и перевода. С.Л. Бурмистров, доклад которого завершил семинар, осветил в своем выступлении также проблемы философской компаративистики в свете философского учения о языке, сформулированного М. Хайдеггером, и указал на сходство проблем философской компаративистики при сравнении базовых терминов европейской, индийской и японской культур.

Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference “Philosophical Texts in Sanskrit: Problems of Reading and Interpretation” (Pune, Delhi, November 8–14, 2023)

Sergey L. BURMISTROV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 15.01.2024.

Key words: Vsevolod S. Sementsov, Indian philosophy, religions of India, Indian art, history of Oriental studies, Sanskrit manuscripts.

For citation: Burmistrov, Sergey L. “Vsevolod S. Sementsov Annual Memorial Conference “Philosophical Texts in Sanskrit: Problems of Reading and Interpretation” (Pune, Delhi, November 8–14, 2023)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 135–138 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627308.

About the author: Sergey L. BURMISTROV, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, the Section of South Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

Рецензия на книгу:

Лепехов С.Ю.

Формирование религиозно-философских и логико-эпистемологических концепций буддизма Махаяны /
Науч. ред. Б.В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Иркутск: Оттиск, 2022. — 376 с.
ISBN 978-5-6047698-7-4

С.Л. БУРМИСТРОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627309

Рецензия поступила в редакцию 17.05.2023.

Ключевые слова: махаяна, мадхьямака, сутры запредельной мудрости, индийская философия, буддийская философия.

Для цитирования: *Бурмистров С.Л.* [Рец. на]: *Лепехов С.Ю.* Формирование религиозно-философских и логико-эпистемологических концепций буддизма Махаяны / Науч. ред. Б.В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Иркутск: Оттиск, 2022. — 376 с. // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 139–143. DOI: 10.55512/WMO627309.

Об авторе: БУРМИСТРОВ Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

© Бурмистров С.Л., 2023

Новая монография Сергея Юрьевича Лепехова, главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, посвящена теме столь же важной, сколь и малоисследованной, — формированию буддизма махаяны. О самой махаяне — ее философии, религиозных практиках, истории распространения и т.д. — написано великое множество работ, но вот исследований, в которых рассматривались бы процесс формирования махаяны, самые ранние этапы ее истории, постепенное выделение махаяны из общей идеологии раннего буддизма, до сих пор очень немного, и они по большей части затрагивают лишь отдельные аспекты этой проблемы. В рецензируемой монографии автор продолжает развивать проблематику формирования махаяны, поднятую им в докторской диссертации «Философские концепции ранней Махаяны и генезис буддийской цивилизации» (2000).

В методологии исследования С.Ю. Лепехов опирается на важное соображение, касающееся восприятия философских концепций буддизма самими последователями учения Будды: понимание доктрины никогда не может быть чисто интеллектуальным, затрагивать только разум адепта, не меняя остальных сторон его личности (с. 22). Кто принимает учение Будды — тот принимает его всем сердцем, и оно становится не только опорой его мировоззрения, но буквально источником мотивации всех его поступков, мыслей, эмоциональных реакций, оно полностью преобразует его личность, и завершением этой трансформации становится просветление и нирвана, когда сам человек, следующий по пути Будды, становится бодхисаттвой. Как и всякая другая религия, учение Будды направлено не столько на познание мира, сколько на преобразование личности адепта таким образом, чтобы он мог преодолеть свое несовершенство, победить вездесущее в сансаре страдание и обрести нирвану, а познание истинной реальности станет возможно только после этого и именно в силу этого.

Возникновение махаяны автор относит к эпохе правления династии Маурья в Индии (322–187 гг. до н.э.), соглашаясь с тибетским историком Таранатхой (1575–1634), что первый текст, который можно считать подлинно махаянским, — «Аштасахасрикапраджняпарамита-сутра» появилась в период правления основателя династии Маурья — Чандрагупты (322–298 гг. до н.э.). Это плохо согласуется только с датировкой IV буддийского собора в I в. при кушанском правителе Канишке. «В то же время никто убедительно не доказал, что появление Праджняпарамиты и IV Собор должны быть непременно связаны» (с. 29). И действительно, на IV соборе основные идеи махаяны только обрели свое окончательное оформление, а возникли, несомненно, задолго до него. Все эти соображения позволяют также связать возникновение махаяны с глобальными историческими процессами, происходившими в эти времена в Северной Индии, а именно — с греческими, парфянскими, сакскими, кушанскими завоеваниями (с. 29), т.е. с интенсивными и разносторонними культурными контактами между индийцами и другими народами.

Остается открытым вопрос о месте возникновения махаяны. Ряд данных из буддийских источников указывает на то, что махаяна возникла в Северо-Западной Индии, однако есть и противоположная точка зрения, согласно которой, махаяна возникла на дравидском юге. Эдвард Конзе не спорит с утверждениями сутр, что махаяна была установлена на северо-западе Индии, но справедливо замечает, что «установлена» — не значит «возникла»: она вполне могла появиться на юге Индии и вскоре после этого быть принесенной на север. В наиболее ранних махаянских текстах встречаются слова и выражения, характерные скорее для Южной Индии, в мифологических образах тоже проявляется дравидское влияние, да и Таранатха полемизирует с утверждением, будто махаяна возникла на севере Индии и однозначно придерживается мнения о ее южном происхождении (с. 34–36). Таким образом, установить однозначно место возникновения этого учения сейчас уже не представляется возможным, но в любом случае регион, в котором она возникла (будь то дравидский юг или кушанский север), характеризовался интенсивными межэтническими и культурными контактами, сыгравшими для раннего буддизма роль вызова. Ответом на этот вызов и стало появление махаяны.

Ее возникновение С.Ю. Лепехов связывает с кардинальным переворотом в мировоззрении, нашедшим свое отражение в сутрах запредельной мудрости (praññāpāramitā): религиозное спасение перестало ассоциироваться с ритуальной практикой, накоплением религиозных заслуг и т.п. и стало восприниматься как событие, не

связанное с личностью и какими-либо ее действиями. Собственно, этот переворот и стал пониматься как запредельная мудрость (с. 32). Ссылаясь на книгу Далай-ламы XIV “Ethic for the New Millennium”, автор указывает на одно из принципиальных различий между махаяной и тхеравадой: в последней основное средство обретения просветления и нирваны — медитативная практика, сосредоточение (*samādhi*), в первой же — мудрость (*prajñā*), осуществление которой невозможно без следования нравственным принципам (*śīla*). При этом мудрость постигается интуитивно, она исключает разделение не только субъекта и объекта, но даже нирваны и сансары. Это представление о состоянии, лежащем выше любых различий, отразилось в понятии нирваны без опоры или нирваны без местопребывания — понятии, которое требует отдельного анализа.

Сам термин *apratīṣṭhita-nirvāṇa* С.Ю. Лепехов переводит как «не цепляться к нирване» или «нирвана не-цепляния» (с. 72). Но такой перевод не вполне точен. В буквальном переводе с санскрита *pratiṣṭhita* значит «стоящий, помещенный, установленный, укорененный, полный», приставка *a-* указывает на отрицание всех этих качеств, так что вышеназванный термин стоит переводить как «нирвана без местопребывания». Именно так, кстати, поступили и тибетские переводчики, которые перевели этот термин буквально именно так — *mi gnas pa'i mya ngan las 'das pa*, где *gnas* «место». На английский язык его переводят иногда как *non-abiding nirvāṇa*, что тоже в определенной мере отражает смысл этого понятия. Суть его состоит в том, что любые различия, согласно учению махаяны, суть порождения сансарического сознания, помраченного аффектами и неведением и потому не воспринимающего истинную реальность. Всё, что мыслит и воспринимает непросветленное сознание, — это фантомы, вызванные к жизни аффектами, и только просветление даст человеку знание реальности как она есть. Но и различие между нирваной и сансарой — это тоже различие, оно тоже представляет собой плод неведения, поэтому последователи колесницы шраваков и пратьекабудд (хинаяны) истинной нирваны не достигают, их просветление неполно. Истинное, высшее и окончательное просветление (*anuttara-samyak-sambodhi*) бодхисаттва обретает, когда поднимается даже над этим различием, фундаментальным для хинаяны, — различием между нирваной и сансарой. Нирвана шраваков и пратьекабудд неполна еще и в том смысле, что, пребывая в ней, невозможно действовать в сансаре ради блага всех живых существ, спасая их из колеса рождений и смертей. Нирвана же без местопребывания позволяет бодхисаттве проповедовать учение Будды и вести живые существа в просветлению, проявлять основное качество бодхисаттв, коего лишены шраваки и пратьекабудды — великое сострадание (*mahākaruṇā*), т.е. сострадание деятельное, выражающееся в осуществлении шести запредельных совершенств (*pāramitā*), первое из которых — это совершенство даяния (*dāna-pāramitā*), заключающееся в даровании живым существам средств для жизни (пищи, одежды, жилья и т.д.) и истинного знания, заключенного в учении Будды. Иными словами, бодхисаттва не то чтобы «не цепляется» к нирване, но просто поднимается над различием нирваны и сансары, что, собственно, и делает его бодхисаттвой.

Терминология, которую мы встречаем в буддийских текстах, сама имеет богатую и сложную историю, восходящую к ведийским временам. Термины *prajñā*, *abhiññā*, *dhī* и т.д. встречаются уже в «Ригведе», где знание (*vidyā*) связывается с неким видением или вдохновением (*dhī*), которое охватывает мудрецов или пророков (*ṛṣi*). *Dhī* никоим образом не является каким-то логическим, рассудочным знанием — это скорее некие

образы или видения, которые вызываются галлюциногенным воздействием сомы (напитка, приготовлявшегося древними арьями из стеблей растения, до сих пор точно не идентифицированного) и затем воплощаются в ведийском гимне. Только в результате последующего осмысления гимна и возникает какое-то рассудочное знание, и именно поэтому *dhī* и связывается в древнейших текстах с понятием *prajñā*, букв. «предзнание». Такой же смысл имеет и термин *abhijñā* (с. 117). Оба эти слова обозначают то, что предшествует всякому знанию и, более того, являются его условием. Правда, автор ссылается при этом на гипотезу бикамерального сознания, выдвинутую Джулианом Джейнсом (с. 117–118), которая строится на допущениях, в высшей степени спекулятивных, чтобы не сказать — шатких, и потому более чем сомнительна.

К несомненным достоинствам книги следует отнести также то, что в ней предпринято исследование эволюции буддийского учения в связи с современными ему брахманистскими философскими системами. Хорошо известно, например, влияние махаяны на становление веданты и в особенности — адвайта-веданты, которое было настолько глубоким, что основателя адвайты Шанкару (IX в.) его оппоненты порой называли *pracchanna-bauddha* — «скрытым буддистом». Сама идея недвойственности (*advaita*) истинной реальности была, видимо, вдохновлена именно буддистами; у них же предтеча адвайты — Гаудапада взял и представление об иллюзорности (*māyā*) наблюдаемого нами эмпирического мира (с. 147).

Касается автор и дальнейшего развития буддийской философии уже за пределами Индии. Он отмечает, что общеизвестная классификация школ мадхьямаки (она разделяется на радикальную прасангику и более умеренную сватантрику, а та, в свою очередь, на два течения, одно из которых опирается на воззрения саутрантиков, а другое — на йогачару) в самой Индии известна не была — ее ввели только тибетские историки (с. 191). Название «йогачара-мадхьямака» для направления мысли, основанного Шантаракшитой (VIII в.), предложил его ученик Джнянасутра (VIII–IX вв.), причислив к нему также Камалашилу и Харибхадру (тоже учеников Шантаракшиты); другому направлению, основанному Бхававивекой (VI в.), он дал название «саутрантика-мадхьямака» (с. 193). Шантаракшита, как известно, в 763 г. был приглашен в Тибет императором Тисонг Деценом (742–797, прав. 755–797) для проповеди учения Будды и там обрел множество учеников, среди которых был и человек по имени Еше Де (*ye shes sde*), принявший монашество под именем Джнянасутра и ставший одним из самых известных переводчиков буддийских текстов на тибетский язык. Названия же «прасангика» и «сватантрика» — еще более поздние: их ввел историограф Пацаб Нима Дакпа (1055–1145) на тибетском как *thal 'gyur ba* и *gang rgyud pa* соответственно (с. 194).

Монография, таким образом, охватывает историю махаянской мысли с самого ее зарождения и до вытеснения буддизма из Индии, позволяя взглянуть на формирование и развитие махаяны как бы *à vol d'oiseau*. К важным достоинствам книги можно отнести также комментированные переводы некоторых фундаментальных для махаяны текстов. Выполнен новый перевод «Алмазной сутры» (*Vajracchedika-prajñāpāramitā-sūtra*) — одного из самых ранних памятников религиозной мысли махаяны; переведена «Праджняпарамита в стихах о накоплении драгоценных качеств» (*Prajñāpāramitā-ratnagūṇa-saṃcaya-gāthā*); дан перевод с тибетского языка «Сутры, излагающей суть Победоносной Праджняпарамиты» (*Bhagavatī-prajñāpāramitā-hṛdaya-sūtra*); также повторно опубликованы переводы «Свалпакшара-праджняпарамита-сутры», «Каушика-праджняпарамита-сутры» и «Экакшара-праджняпарамита-сутры». Кроме

того, переведен ряд фундаментальных для ранней махаяны трудов Нагарджуны: «Вьявахара-сиддхи», «Юктишаштика», «Шуньята-саптати», «Бодхичитта-виварана» и гимны «Двадшакара-наманая-стотра», «Локатитастава», «Нираупамья-става», «Ачинтъя-става», «Парамартха-става», «Читтаваджра-става» и «Дхармадхату-става». Переводы гимнов особенно интересны, ибо раскрывают творчество Нагарджуны как прежде всего религиозного мыслителя, а не только философа. В целом книга может быть интересна и востоковедам, и историкам философии, и вообще людям, имеющим достаточно хорошую подготовку в области классического востоковедения.

Review of the book:

Sergey Yu. Lepekhov.

The Formation of the Religious-Philosophical and Logical-Epistemological Concepts of Mahāyāna Buddhism.

Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2022. 376 p. ISBN: 978-5-6047698-7-4

Sergey L. BURMISTROV

Institute of Oriental Manuscripts, RAS

St. Petersburg, Russian Federation

Received 17.05.2023.

Key words: Mahāyāna, Madhyamaka, Prajñāpāramitā-sūtras, Indian philosophy, Buddhist philosophy.

For citation: Burmistrov, Sergey L. [Review of the book]: "Sergey Yu. Lepekhov. The Formation of the Religious-Philosophical and Logical-Epistemological Concepts of Mahāyāna Buddhism. Irkutsk: Ottisk Publishing House, 2022. 376 p.". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 139–143 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627309.

About the author: Sergey L. BURMISTROV, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, the Section of South Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-5455-9788.

Письменные памятники Востока

Научный журнал

Учредитель

Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей)

Адрес учредителя: Дворцовая наб., 18, Лит. А, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Главный редактор: член-корр. РАН Ирина Федоровна Попова

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Лит. А — www.orientalstudies.ru

Над номером работали:

А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, М.П. Горшенкова, А.Е. Танчарова,
И.И. Чернышева, Н.Н. Щигорева

Сдано в набор 28.02.2024. Подписано к печати 22.03.2024. Дата выхода 28.03.2024. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. п. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 500 экз. Зак. № Цена свободная.

Адрес редакции и издательства: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18,
Лит. А — www.orientalstudies.ru

Адрес типографии: ООО "Литография Принт". 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетров-
ская, д. 8, офис 14, Лит. А. www.litobook.ru e-mail: info@litobook.ru. Тел. +7 (812) 712-02-08